

68

уральский

следопыт

№5 **** 1980

23 февраля 1943 года у деревни Чернушки закрыл своим телом амбразуру вражеского дота рядовой Александр Матросов.

Сегодня известны имена 331 воина, совершившего, по примеру Матросова, подвиг исключительного самопожертвования во имя Родины.

У этих двух людей на снимке судьба удивительная. Это — живые матросовцы: Владимир Петрович Майборский и Товье Хаймович Райз. В годы войны оба они были зачислены в списки павших смертью храбрых: однополчане были свидетелями, как в решающую минуту боя Майборский и Райз закрыли собой амбразуры фашистских дотов... А они выжили!

...Тридцать пять лет нашей Победе. Не стерли годы славу былых военных лет. Не померк от времени великий народный подвиг, подтвердивший пророческие ленинские слова: «Советская власть даст героев не одиночек, а тысячи и миллионы...» И сегодня, и всегда будут дороги и святы для нас имена героев Великой Отечественной.

БЕССМЕРТНОЕ ПЛЕМЯ МАТРОСОВЦЕВ

Очерк о героях-матросовцах читайте на 2-й стр.

В номере:

А. Коваленко	БЕССМЕРТНОЕ ПЛЕМЯ МАТРОСОВЦЕВ	2
	СТАТИСТИКА ПОДВИГА	7
	СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	8
Н. Мыльников	СТРОГИЙ И ДОБРЫЙ МАРШАЛ ЖУКОВ	10
Г. Красовский	ПИСЬМО	16
С. Сенокосов	ТАНКИ С ХЛЕБОЗАВОДА	17
Е. Новоселов	ПУЛЯ В СЕРДЦЕ	18
И. Ежиков	СТИХИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ	19
Л. Сорокин	КАК МАНЯТ СЕРЕБРИСТЫЕ ВЕРШИНЫ. Стихи	20
С. Львов	БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ!	22
М. Попова	МОДЕЛЬЕРЫ	27
	ВЫ СПРАШИВАЛИ	29
Л. Юзефович	БЛЮДО ШАХИНШАХА. Приключенческая повесть. Окончание	30
Ю. Мешков	«ИЗДАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ!»	50
В. Пашин	САБЛЯ ПАВЛА КАТЕНИНА	53
В. Новиков	ЗВЕЗДНАЯ ЛОДКА. Рассказ	54
	ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ	59
М. Ситникова	СТОЛИЦА УРАЛА В ПРОШЛОМ	62
Ю. Рязанов	СОБИРАТЕЛИ И ОБИРАТЕЛИ	64
Е. Ищенко, В. Ионов	С АВТОМОБИЛЕМ НА «ВЫ»	70
М. Паранин	УВОЛЬНЯЕТСЯ ПО НЕНАДОБНОСТИ	74
С. Цыпин	ДЕДУКЦИЯ	76
	ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ	77
	МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Борис КОЛЕСНИКОВ,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь).

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
 Людмила БУДРИНА

Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 31.01.1980 г.
 ИС 12391.
 Подписано к печати 17.03.1980 г.
 Бумага 84×108/16.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,0
 Тираж 249 000.
 Заказ 557.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 С. СУХОВА

© «Уральский следопыт», 1980 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№5 * 1980

УРАЛЬСКИЙ
 СЛЕДОПЫТ

БЕССМЕРТНОЕ ПЛЕМЯ

См. 2-ю стр. обложки.

Февраль 1943 года... В трехсоттысячную толпу пленных оборванцев превратились остатки одной из лучших ударных армий фюрера под Сталинградом. Но на других фронтах враг сопротивлялся с еще большим испуганием.

Одно из самых жарких и важных в стратегическом отношении сражений завязалось на северо-западе. Нужно было снять блокаду Ленинграда, освободить Псковщину и Прибалтику. В том памятном феврале, 23-го числа, в самый напряженный момент боя за деревню Чернушки на Великолукщине девятнадцатилетний Александр Матросов, истратив все гранаты, грудью закрыл амбразуру фашистского дзота. Этим он спас атаку и жизнь многих своих товарищей.

В тот день гвардии рядовой 254-го гвардейского полка 56-й гвардейской дивизии комсомолец Александр Матросов шагнул в бессмертие.

О его подвиге написано немало книг. Его родной гвардейский полк и поныне носит имя Героя Советского Союза Александра Матросова. В летописи Великой Отечественной войны написано, что подвиг Матросова на полях сражений повторили более двухсот воинов... Народ назвал их матросовцами. Но история, неутомимая исследовательница, со временем вносит поправки в торопливую хронику былых военных лет.

Два сообщения, почти одновременно появившиеся в 1941 году в двух центральных газетах:

«В стычке с врагом погиб младший политрук Александр Панкратов. Своим телом он накрыл вражеский пулемет, из которого немецкий офицер начал было обстреливать наш отряд, вооруженный одними винтовками. Бойцы жестоко отомстили фашистам за смерть политрука», — писала 20 ноября «Правда».

А на следующий день «Комсомольская правда» опубликовала письмо фронтовика, тоже с Северо-Западного фронта: «...Вот уже до вражеской огневой точки осталось не более двух десятков метров. Сосновский вскакивает с земли, бешеным рывком бросается вперед, прямо на пулемет. Ухватившись за ствол, он с силой прижимает его книзу и своим телом заслоняет амбразуру».

К сожалению, из двух сообщений невозможно было установить, кто из героев был первым. Газеты не указывали точных дат подвигов, а время публикаций не могло служить основанием для того, чтобы утверждать то или иное. Кому не известно, что в условиях войны, к тому же в тревожном сорок первом, газеты нередко опаздывали с информацией с фронта?

Точный ответ могли дать только архивы. Но они заговорили лишь через много лет.

**Александр
КОВАЛЕНКО**

Первый

Первое скорбное сообщение об Александре Панкратове содержится в одном из приказов Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии, в котором кратко говорится, что исключается «из списков Красной Армии... младший политрук Панкратов Александр... Погиб 24 августа 1941 года». В этом же приказе указывается воинская часть, в которой он служил.

Живой облик героя предстает перед нами в его автобиографии, воинских и партийных документах, в письмах к матери.

Александр Панкратов — ровесник революции. Родился в бедной крестьянской семье, рано познал нужду и труд. Его отец сражался за молодую Советскую республику, и сын очень гордился этим. Матери он говорил: — Если мне придется отстаивать Родину, я буду бороться, как отец.

До 1931 года Саша жил в родном селе Абакшино под Вологдой. Мать работала сначала в своем хозяйстве, потом в колхозе. Мальчик помогал ей и учился в сельской школе. Потом переехали в Вологду. Мать поступила работать уборщицей в городскую больницу, Саша продолжал учиться. Когда ему исполнилось четырнадцать, стал «фабзайчонком». В шестнадцать — токарь, в девятнадцать его назначают мастером токарно-механического цеха. На Вологодском тепловозо-вагоноремонтном заводе его и сейчас тепло вспоминают ветераны-рабочие. На заводе Саша вступил в комсомол, стал председателем цеховой профорганизации, руководителем организации Осоавиахима.

А в 1938 году мать, сестры и заводские друзья провожали его на военную службу...

Для Александра Панкратова она началась в танковой бригаде в Смоленске. Затем — школа младших командиров. Саша не только хорошо овладел военной техникой, но и показал себя активным общественником: редактировал стенгазету, был агитатором и комсомольским вожаком. Когда в бригаду пришло указание отобрать и послать политически подготовленного бойца на курсы младших политруков, выбор пал на Панкратова. Он уезжает учиться в Гомель.

Через пять месяцев курсант военно-политического училища Александр Панкратов возвращается в родную часть. Здесь он становится коммунистом.

МАТРОСОВЦЕВ

Неверны свидетельства, что Панкратава принимали в партию перед боем под Новгородом. Сохранилась партийная характеристика из его личного дела. Она утверждена 6 декабря 1940 года. В ней сказано, что Панкратов — член ВКП(б) с апреля 1940 года и что ему выдан партбилет № 3903708. Это подтверждает и выпускная аттестация военно-политического училища.

При выпуске из училища Александру было присвоено звание младшего политрука: на петлицах появилось по два кубика, на рукаве заадела вышитая звездочка. В те дни Саша пишет матери: «Как быстро летит время. Кажется, совсем недавно стоял за станком, а сегодня уже закончил военное училище, получил звание политработника. Убеленный сединами заслуженный генерал, пожав руку, дал наказ: «Береги Родину, она у нас одна». Дорогая мама! Я рад, что нашел свое место в жизни...»

41-й год Александр встретил в латвийском городе Даугавпилсе в должности заместителя командира танковой роты по политчасти. Как вспоминает один из его товарищей, Новый год встречали на балу в гарнизонном клубе. А в феврале его часть уже стояла всего в ста километрах от границы с Восточной Пруссией...

22 июня начались бои. Они сразу были неравными: против легких танков шли фашистские средние. Отходя на восток, бригада потеряла все танки, но танкисты с винтовками и пулеметами продолжали сражаться. Скорбный путь отступления проходил через Латвию и Псковщину.

Александр Панкратов возглавлял разведывательные группы, проникая в расположение войск противника, как снайпер, разил врагов из винтовки. Командир батальона восхищался его храбростью.

На пути отхода остатки бригады влились в 28-ю танковую дивизию под командованием полковника И. Д. Черняховского. В дивизии тоже уже не было машин... Танкисты дрались как пехотинцы, уничтожая живую силу врага, истребляя его танки.

Панкратов снова уходил в тыл врага и приносил ценные сведения. Любил охотиться за «языками», товарищи замечали, как на его прикладе с каждым днем росло число зарубок...

Молодой политрук храбро дрался на улицах древнего Новгорода. Когда дивизия вынуждена была отойти за Волхов и вела бои там, Александр Панкратов за одни сутки совершил два подвига, навеки сделавшие его бессмертным.

Пытаясь прорваться к Ленинграду, 23 августа противник форсировал реку Малый Волховец и вклинился в оборону дивизии у села Спас-Нередица. Черняховский приказал выбить его. В атаку роту повел Панкратов. — он первым бросился в бой, собрав вокруг себя бойцов. Натиск был столь яростным, что гитлеровцы убрались за реку.

Но в центре острова, образованного реками Малый Волховец и Лешовня, стоял захваченный врагами Кирилловский монастырь. С его колокольни просматривалась вся оборона дивизии: фашисты точно корректировали огонь своих батарей.

Рано утром на остров бесшумно переправилась рота под командованием лейтенанта Платонова. Когда фашисты открыли бешеный огонь из пулеметов и автоматов и

упал сраженный Платонов, политрук принял командование на себя. Бойцы с винтовками бросились за ним к входным воротам. Но тут с левого фланга заработал пулемет, отрезав путь к монастырю. Панкратов вырвался вперед, метнул гранату... Пауза была недолгой, пулемет снова застрочил. И снова бросился вперед политрук — телом закрыл губительный огонь, еще успев оглушить пулеметчика... Рота ворвалась в монастырь.

...Сейчас нет Кирилловского монастыря. От него остались одни развалины. На земле этой раскинулись уголья колхоза «Волхов». А на берегу Малого Волховца, у моста, по которому идут люди и бегут автомашины, стоитobelisk. На нем надпись:

«Стала вечною славою мгновенная смерть.

Герою Советского Союза политруку Панкратову Александру Константиновичу, закрывшему своим телом вражеский пулемет 24 августа 1941 года в боях за Новгород».

Да, Александр Панкратов был Первым. Ему, первому из Героев Советского Союза, было присвоено это звание за подобный подвиг. Знаменательно и то, что в легендарном списке матросовцев первым стал сын Коммунистической партии.

...А история свидетельствует и о еще более ранних подвигах. В июне 1919 года в боях против белогвардейского генерала Юденича на подступах к Петрограду, у деревушки Керестенево, боец-комсомолец Пелевин телом своим закрыл пулеметное гнездо противника. Все ли имена назвала история?

Через месяц

Вскоре после начала войны Малый академический театр был эвакуирован из Москвы в Челябинск. Однажды к народной артистке А. А. Яблочкиной пришел редактор областной газеты и сказал, что челябинцы готовят подарки для воинов Северо-Западного фронта. Яблочкина поблагодарила, что ее не забыли в таком деле, и к своему подарку, адресовав его просто Солдату, приложила письмо: «От всего сердца я буду неустанно желать тебе, дорогой сынок, и всем нашим героям-воинам жизни, славы, счастья и победы...»

Журналисты фронтовой газеты «За Родину!» напечатали письмо, оно стало достоянием всех воинов фронта. Прочитал его и комиссар батальона, в котором служил Николай Сосновский, — А. А. Федоров. Вспомнив, что Николай был родом из Челябинска, комиссар написал Яблочкиной:

«...Я хочу, чтобы Вы знали, как бьются на полях сражений челябинцы. Мы штурмом брали укрепленный пункт немцев Л. Мы шли сквозь разрывы мин, сквозь бешеный шквал свинца, ломая оборону противника... Дзот за дзотом взлетали на воздух... И вот победа уже близка, но все еще свинцовым дождем заливают нас последний дзот немцев. Атака, вторая... Товарищи падают один за другим. И вот — видели все — поднялся Сосновский, весельчак-челябинец Коля Сосновский, который так любил театр и футбол: бросился к дзоту, навалился на ствол пулемета грудью, закрыл смертельный ливень...»

В листовке, выпущенной в сорок первом году и облетевшей все фронты, писалось об этом:

«Шел ожесточенный бой... В самый разгар боя по флангу наших частей открыл огонь немецкий пулемет, укрытый в тщательно замаскированном дзоте. Вражеский пулеметчик задерживал наше наступление, стремясь выиграть время для перегруппировки отступающих немцев. Решалась судьба боя... Боец-комсомолец Сосновский попросил командование разрешить ему уничтожить вражескую огневую точку. Он был уверен, что найдет способ подавить фашистский пулемет. Тщательно маскируясь, Сосновский осторожно пополз к вражескому дзоту. Не замеченный врагом, отважный комсомолец приблизился к месту, откуда строчил немецкий пулемет... Стремительным рывком, поднявшись во весь рост, герой бросился на пулемет. Ухватившись за ствол пулемета, он с силой прижал его книзу и своим телом заслонил амбразуру дзота. Первой же пулеметной очередью немцы пронзили грудь бесстрашного героя. Но он уже сделал свое дело... Наступление завершилось полным разгромом врага.»

К сожалению, ни письмо комиссара, ни листовка не раскрывали ни места, ни дня, ни месяца подвига. О мужестве Сосновского говорил А. А. Щербаков на торжественном траурном заседании, посвященном двадцать восьмой годовщине со дня смерти В. И. Ленина; о нем рассказывал англичанам Н. М. Шверник во время посещения Лондона в 1942 году. Но и они не давали ответа: где совершен подвиг, когда, в какой части служил герой, где он воспитывался и так далее. Поэтому позднее появились самые разноречивые сведения. Местом подвига называлось Подмосковье, а по времени это был либо сентябрь, либо октябрь и даже декабрь.

Сохранился исторический формуляр 26-й стрелковой дивизии, в которой воевал Сосновский. Исследования позволяют утверждать, что герой служил в старейшем в Советской Армии 312-м Новгородском стрелковом полку. В 1918 году двести пятьдесят солдат и офицеров полка русской армии, созданного еще в 1803 году, вступили в Красную Армию. Они стали ядром формировавшегося в Новгороде Революционного полка, позднее переименованного в 312-й стрелковый. Его бойцы громили колчаковцев, били врага на других фронтах. Во время гражданской войны полк наградили Революционным знаменем республики.

В формуляре дивизии, в которую входил полк, нашлась записка:

«24 сентября 1941 года первый бой, проведенный дивизией в составе 11-й армии Северо-Западного фронта на участке Лужно — Каменная Гора, характеризовался высоким политико-моральным состоянием всего личного состава соединения... В боях с известной немецкой дивизией СС «Мертвая голова» (армейская группировка генерал-лейтенанта фон Эйке) воины соединения покрыли себя славой. Героизм был массовым. Во имя победы бойцы и командиры жертвовали жизнью.»

Характерен в этом отношении подвиг, совершенный комсомольцем рядовым 312 с. п. Николаем Сосновским. В тяжелую минуту боя, когда дальнейшее продвижение

наших бойцов на одном участке вражеской обороны было остановлено пулеметным огнем из дзота, Николай Сосновский пошел на величайший акт самопожертвования. Вырвавшись вперед, он бросился к дзоту врага и своим телом закрыл амбразуру. Герой погиб, но дал бойцам возможность взять дзот... Боевая задача была выполнена.»

В том же документе уточнено, что бой проходил в Валдайском районе Новгородской области.

Так судьба через двадцать три года назвала исследователям место подвига. Николай Сосновский прибыл с эшелонами с Дальнего Востока; 19 сентября батальоны разгрузились в районе Валдай — Любница, отсюда в пешем строю вышли навстречу врагу. В те дни гитлеровцы рвались к Октябрьской железной дороге на участке Бологое — Боровичи, чтобы отрезать Москву от Ленинграда. 26-я стрелковая дивизия вступила в свой первый бой с врагом 24 сентября. В этом бою и совершил Николай Сосновский свой подвиг.

Комиссар Федоров писал Яблочкиной, что это произошло при штурме укрепленного пункта Л. Есть основания полагать, что Л. — село Лужно.

6 ноября 1947 года Николай Данилович Сосновский был награжден орденом Ленина посмертно.

Тринадцатилетним встретил войну украинский паренек Толя Комар. Глазами, полными слез, провожал он на фронт отца.

— Помогай маме, Толя. Теперь ты вместо меня остаешься, помни! — наказывал отец.

Прошло несколько месяцев, и гитлеровцы захватили город Славянск. Днем и ночью топтали улицы патрули, в домах шли повальные облавы, обыски, ежедневно отправлялись в Германию эшелоны с продовольствием и людьми, которых увозили в рабство.

Чтобы спастись от фашистской неволи, мать Толи решила перебраться в Полтаву. С трудом раздобыли лошадь, вместе с маленькими Володей и Борей отправились в путь. Три недели мыкалась семья по дорогам истерзанной Украины, ночуя в сараях, а чаще в поле, под открытым небом. Но в Полтаву так и не попали — кое-как найдя пристанище, остановились в селе Бригадировка. Жили как могли.

Один предатель сообщил в полицию, что Толя помогает скрываться двум советским летчикам, носит им по ночам продукты, бинты. Гитлеровцы сделали в доме обыск, ничего не нашли, но мальчика забрали в комендатуру. Вернулся он через четыре дня в кровоподтеках.

— Мама, я им ничего не сказал... — прошептал Толя. В августе сорок третьего в Бригадировке услышали далекую канонаду. По селу покатались машины с отступающими гитлеровцами. Как-то ночью Толя заметил пробирающихся по улице к центру наших разведчиков.

— Стойте! — тихо окликнул он их. — Туда нельзя, немцев много.

Он огородами вывел разведчиков в тыл фашистам,

А на другой день Толя Комар с разведротой 252-й Краснознаменной Харьковской дивизии ушел из Бригадировки.

Юного разведчика полюбили все. Он проникал туда, куда не могли пройти взрослые, ходил в одиночку. Когда вышли к Днепру, Толя нашел скрытые подступы к реке, обеспечил успешную переправу. На его груди появилась медаль «За отвагу». На фронте Толя стал комсомольцем.

Он часто писал матери. В одном его письме находим строки: «Идут дожди, в землянках мокро... ветер. Но духом не падаем. Вспомнишь Сашу Матросова — и трудно-сти нипочем...»

Юный солдат не знал, что скоро его имя станет рядом с именем Александра Матросова.

23 ноября 1943 года группа младшего лейтенанта Колесникова ушла в разведку. В ее составе был и Толя Комар. К рассвету вышли к деревне Онуфриевка и натолкнулись на большой немецкий отряд. Отходить было поздно: группу окружили. Наметили направление прорыва и вступили в бой. Уже почти вырвались, как в упор вдруг хлестнул пулемет. Пришлось залечь. Успех решали минуты.

И тут бойцы увидели, как к пулемету ужом ползет Толя. Он уже рядом, ствол пулемета чуть возвышается над широким брусом. Мальчик приподнялся, метнул гранату. Смолк пулемет, и разведчики сразу бросились вперед. Вскочил и Толя. Но... пулемет снова ожил. Не было больше гранаты, не было ни патрона в автоматном диске. И тогда Толя упал на пулемет грудью. Мгновения было достаточно, чтобы бойцы ворвались в окоп и прикончили гитлеровца.

Подхватив Толю, они скрылись в лесу. Здесь, на опушке, и похоронили героя... Попрошавшись со своим юным товарищем, группа пошла дальше — выполнять неожиданное боевое задание.

Толе Комару в тот год исполнилось пятнадцать лет. В Славянске ныне есть улица его имени.

А в другом городе, Гродно, одна из улиц названа именем Михаила Белуша.

Ребята из школы, что стоит на этой улице, люди любознательные. Кто такой Михаил Белуш? Почему взрослые называют его «Орленок»? Следопыты узнали несколько адресов. И вот автобус мчит их в деревню Руда-Липицанская, где родился и рос Миша Белуш. Пионерам показали домик — сейчас там живет брат героя, Иван Андреевич Белуш. Хозяйка пригласила ребят в дом, и открылась им удивительная судьба...

По утрам Миша бегал в школу — одну-единственную комнату, где сразу занимались сорок детей разных возрастов. После занятий надо было работать: косить траву, пасти хозяйскую корову. В 1938 году умер отец, стало еще труднее. Беднякам нелегко жилось в панской Польше. Но вот пришел тридцать девятый год: Миша бежал впереди всех, когда деревня встречала Красную Армию.

Только встали на ноги, привели хозяйства в порядок — грянули фашистские орды... В деревню ворвались гитлеровцы, выгоняя людей из хат. Мише с братом удалось скрыться в темноте, а мать забрали и вместе с другими угнали на запад. Деревню сожгли.

Миша с братом стали лесными солдатами, они попали в отряд «Октябрь», которым командовал Александр Александрович Горелик.

Важная операция была назначена на 16 июля 1944 года. Наступление партизан на гарнизон противника должно было начаться в час ночи: сначала с флангов — для отвращения огня, затем с фронта, с переходом через Неман.

Забрезжил рассвет, но ни одна из фланговых групп не вышла на противника. С правого фланга партизаны были обнаружены и не смогли форсировать реку. Прошла ночь, лучшее время для наступления... Партизаны, занявшие позиции за Неманом, чтобы ударить «в лоб», ждали команды наступать. В центре деревни, которую им предстояло атаковать, стоял большой железобетонный дот, сооруженный еще в первую мировую войну. Он соединялся с кирпичной надстройкой, закрытой траншеей, в стенах которой

были выдолблены огневые щели. Все это сооружение ограждалось несколькими рядами колючей проволоки.

На рассвете над Неманом в конце деревни заговорили пулеметы — вступила в бой левофланговая группа отвлечения под командованием А. Горелика. Гитлеровцы тотчас же ответили: они запалили деревню зажигательными пулями.

Партизаны по двум найденным бродам переходили Неман. Прикрывать правый фланг было приказано комиссару отряда С. П. Лесничему. С группой автоматчиков, тремя ручными пулеметами и расчетом противотанковых ружей, на случай появления броневика, он переправился через Неман и поспешил к деревне Любчи. Гитлеровцы, находившиеся вне укреплений, были скоро смяты и в беспорядке отошли в ржаные поля; подкрепление из Любчи остановила группа прикрытия.

А в центре гремел бой. Партизаны отчаянно рвались вперед: на проволочные заграждения дота набрасывались плащ-палатки, ватники, тужурки... В коротких паузах между пулеметными очередями некоторым бойцам удавалось перебраться за ограждение, но все больше их ложилось на землю.

Уже солнце было в зените, а дот все косил партизан. Ничего не дал и тридцатикилограммовый толовый заряд на макушке дота. Овладеть входом тоже было невозможно: его прикрывал станковый пулемет.

К нему поползли несколько партизан. Впереди — Миша Белуш. Он первым достиг входа и бросился на пулемет. Фашист нажимал на гашетку напрасно — пулемет замолчал в мертвом объятии партизана. Товарищ Белуша Николай Кадовбик автоматной очередью сразил пулеметчика и бросился по узкому входу в дот. Гитлеровцы, уверенные в надежной защите и поглощенные стрельбой, не заметили за спиной партизан... Бой этот кончился тем, что партизаны, взяв пленных, запасы оружия и другие трофеи, ушли за Неман.

1418 дней длились сражения на фронтах Великой Отечественной войны. И каждый день то в одном, то в другом месте ярко вспыхивали имена героев, ставших легендой.

Двести дней стоял Сталинград. Здесь, потерпев неудачу в лобовой схватке, противник нанес удар с фланга, из района станции Тарифная. На помощь ополченцам пришла рота чекистов стрелкового полка 10-й дивизии НКВД. Главным оружием бойцов в этом бою были гранаты. Ополченцы и чекисты были прижаты танками к Волге — они продолжали бой стоя в воде и умерли, не уступив врагу.

В Сталинграде совершил свой подвиг политрук минометной роты 1-го стрелкового батальона 883-го стрелкового полка К. В. Казаков. Со связкой гранат он пополз навстречу танку. Танк был совсем рядом, и Казаков поднялся, чтобы метнуть связку, но его сразила пулеметная очередь. Собрав последние силы, он поднялся во весь рост и бросился со связкой гранат под танк.

В поединке с вражеским танком погиб и коммунист М. А. Поникаха. Когда пуля пробилась одну из бутылок с горючей смесью, герой, объятый пламенем, превозмог себя и ударил второй бутылкой по решетке моторного люка...

Два месяца стоял насмерть гарнизон знаменитого дома Павлова; в истощенных атаках фашисты потеряли здесь больше, чем при взятии Парижа.

Александр Матросов совершил свой подвиг у деревни Чернушки 23 февраля 1943 года.

До него уже 57 воинов бросились грудью на вражеские амбразуры.

29 января 1942 года обессмертили свои имена у стен древнего Новгорода сержант Иван Герасименко, красноармеец Леонтий Черемнов и Александр Красилов. В ночном бою они, не сговариваясь, одновременно легли на три фашистских дзота. И таких коллективных подвигов было немало.

Все они, совершившие подвиг, хотели жить, чтобы воевать дальше, чтобы добыть победу. Заметьте, каждый из них использовал все, вплоть до последней гранаты, многие искали обходы, чтобы не идти на огонь «в лоб» — никто не кинулся очертя голову. И только использовав последнюю возможность, последний шанс остаться в живых, не видя больше выхода одолеть смертельный огонь, — только тогда матросовцы закрывали амбразуры своим телом.

История свидетельствует: племя матросовцев насчитывает сегодня не 170 воинов, как утверждалось, а 331. И эта цифра не окончательная.

167 из них посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

99 пали в бою коммунистами, 210 — комсомольцами.

Это были воины не только стрелковых рот, среди них — танкисты, моряки, воины НКВД.

Более 220 отдали жизни в возрасте до тридцати пяти лет. Молодость России, Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Татарии, Азербайджана, Бурятии, Эстонии, Киргизии, Башкирии, Абхазии, Удмуртии, Чувашии, Молдавии, Таджикистана, Болгарии — представители огромного множества национальностей по примеру Александра Матросова отдали свои жизни на полях сражений. Подвиг их был интернационален.

Только при освобождении Польши 26 советских воинов дополнили список бессмертного племени матросовцев. На такой же подвиг пошли 14 воинов армий Болгарии, Северной Кореи, Вьетнама.

А разве не роднит с матросовцами подвиг панфиловцев под Москвой? И разве не в ту же героическую когорту встают 327 летчиков и экипажей боевых самолетов, повторивших подвиг Николая Гастелло, 617 крылатых воинов, встретивших врага подобно Виктору Талалихину?!

А история еще не завершила свой поиск...

Две красных и одна зеленая ракеты подняли батальон в атаку. Вместе с другими Владимир Майборский устремился вперед по минному проходу. Не впервые бывалый солдат шел в жаркую схватку: он защищал с первого и

до последнего дня Севастополь, был не раз ранен, заслужил несколько боевых наград. Даже среди самых рослых бойцов морской пехоты его выделяли богатырский рост и незаурядная сила.

13 июня 1944 года в составе прославленной Самаро-Ульяновской Железной дивизии, которая наступала в предгорьях Карпат, он шел в ожесточенный бой за деревню Черемхов. Фашисты уже бежали, и вдруг — пулемет. Непонятно откуда появившийся, он полоснул по наступающим, мгновенно прижав их к земле. Владимир Майборский разглядел правее себя оживший вражеский дзот. Разыскал глазами командира: «Я пойду...» Командир понял и кивнул головой.

Майборский, вжимаясь в землю, полз вперед. Он хотел обойти дзот с тыла, но увидел мины. И он пополз прямо на дзот. Оставалось пять-шесть метров. Выбрав момент, когда пулемет смолк, солдат поднялся и бросил гранату. Но пулеметная очередь опередила взрыв. Майборский упал. В ту минуту он еще не понял, что произошло. Его взгляд был прикован к амбразуре: она жила. Владимир видел, как ствол развернулся вправо (фашист решил, что с ним покончено) и снова пошел косить роту... Его роту, стрелковую.

«А я еще живой», — стиснул зубы моряк и снова пополз. Одну за другой он бросил гранаты в щель амбразуры, ахнул взрыв. В глазах заплескали желтые круги, лицо залило кровью. Но снова ожил пулемет — и тогда Майборский всей тяжестью тела навалился на амбразуру...

Вечером состоялся митинг. «Майборский погиб за нас, — с болью говорили бойцы. — Отомстим!» При свете копилки заместитель командира полка по политчасти и комроты написали представление на посмертное присвоение звания Героя Советского Союза.

Но боец не умер. Без сознания, с еле теплывшимся пульсом его подобрали санитары из второго эшелона. Пришел в себя Владимир Петрович через двое суток в госпитале. Правая нога была ампутирована выше колена. Десять месяцев пролежал солдат на госпитальной койке, с помощью врачей его могучий организм справился со смертью.

После госпиталя Владимир Майборский возвратился домой, в село Зеньки Хмельницкой области. Здесь он узнал о письме, полученном отцом от командира, в котором сообщалось о присвоении ему звания Героя Советского Союза... посмертно. Он писал однополчанам, но тешно: военный вихрь бросал его родную часть с одного фронта на другой.

8 июня 1945 года Владимир Петрович приехал в Москву, и здесь Н. М. Шверник вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду героя.

Однажды ему попала в руки страница иллюстрированного журнала. Майборский прочитал:

И вмиг заработали дзоты кругом,

Фашистские бьют пулеметы.

Владимир Майборский под шквальным огнем

Прорвался вперед своей роты...

Солдаты пели песню о нем! Значит, часть жива!.. Он долго искал боевых друзей своих и нашел. Живым встретился с теми, кто считал его мертвым.

Этого человека многие знают по телевизионным передачам. Он дважды выступал на «Голубом огоньке». Его хорошо знают все жители дома, что на улице Матросова в Москве. Когда он здоровается, то подает левую руку — правая, в черной перчатке, не действует.

Зовут его Товье Хаймович Райз. По историческим документам он считается погибшим.

В наградном листе, подписанном командиром 45-го гвардейского стрелкового полка, говорится, что «в бою 17 октября 1944 года, при переходе государственной границы на реке Шервинта в районе деревни Гоберешкин (Восточная Пруссия) товарищ Райз со своим отделением, показывая пример остальным, первым из батальона форсировал реку и, преодолев три линии обороны, ворвался

на высоту. В бою 18 октября 1944 года за высоту 41,3 в Восточной Пруссии товарищ Райз, преодолевая огневое сопротивление противника, пополнил на уничтожение фашистского дзота, чем обеспечил успех боя. Товарищ Райз, получив восемнадцать пулевых ранений, погиб».

Эти строки и сейчас можно прочитать в архивных документах дивизии, они написаны 20 октября 1944 года.

Райз и сам удивлен, что выжил. Как все произошло? Товье Хаймович рассказывает:

«Пулеметы били из трех амбразур дзота. Мы залегли. Командир батальона Стоценко приказал мне с группой бойцов любимыми средствами уничтожить дзот. В тот момент с нами не было полковой артиллерии — да и вряд ли она могла бы бить по дзоту: мы находились рядом с ним.

Захватив гранаты и диски к автоматам, мы пополнили. Подобравшись к дзоту, мы израсходовали все гранаты, расстреляли диски. Два пулемета замолчали. У меня оставалось два выхода: лежать и смотреть, как третий пулемет косит бойцов, или расчистить товарищам путь. Как-то сила оторвала меня от земли, и я бросился к дзоту... Прижался к раструбе амбразуры, навалился на ствол пулемета. Что было дальше — не помню.

Говорят, полк в порыве наступления ушел вперед, а меня подобрала санитары из другой части. Когда писался наградной лист, я был мертв не только для однополчан, но и для себя тоже: сознание пришло позднее».

В госпитале Райз пролежал тринадцать месяцев; врачи сделали почти невозможное.

...Несколько в ином ключе повествует о подвиге Райза газета 39-й армии 3-го Белорусского фронта «Сын Родины». 20 октября 1944 года она писала:

«Бессмертный подвиг комсомольца Райза был совершен на глазах всего подразделения. Величие самопожертвования окрылило гвардейцев. Словно вихрь поднял бойцов.

— Отомстим за смерть комсомольца Райза! — раздались возгласы. И цепь гвардейцев поднялась. Велик и священен был их гнев. Он утраивал силы и упорство атакующих советских воинов.

Железобетонный дот был подорван, и немецкий гарнизон, состоящий из тридцати человек, нашел себе могилу под глыбами камня и металла. Подразделение офицера Стоценко продолжало продвигаться вперед.

Бойцы бережно подняли на руки тело героя-комсомольца сержанта Райза... Вечная слава герою-комсомольцу!»

...Ныне Т. Х. Райз работает на заводе медицинского оборудования в Москве. У него двое сыновей. Родились они после войны.

И — третий. Совершивший подвиг, подобно Матросову, но оставшийся в живых. Удодов Александр Абрамович. Ровесник Октября. Родился в Донецкой области. Коммунист. Рядовой, автоматчик 297-го стрелкового полка.

В мае 1944 года при штурме высоты на подступах к Севастополю Александр Удодов подобрался к дзоту, преградившему путь наступающим, и забросал его гранатами. Подразделение бросилось вперед, но фашистский пулемет вновь открыл огонь. Тогда Удодов бросился на амбразуру и закрыл ее своим телом.

Александра Удодова тоже вылечили в госпиталях, и он даже успел еще вернуться в боевой строй. 24 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Александр Абрамович Удодов — воспитанник Осоавиахима. И сейчас он не порывает с ДОСААФ, он большой друг молодежи.

Не окончен поиск героев. Тех, кто проявил истинный патриотизм, истинное товарищество в бою, настоящее солдатское мужество. Но и то, что мы знаем сегодня о богатейшем племени матросовцев, поражает, и не одно поколение еще будет поражать своим былинным величием.

Статистика подвига

● В 1941 году 12 человек закрыли собой вражеские амбразуры

в 1942 — 59

в 1943 — 89

в 1944 — 98

в 1945 — 69.

● Только при защите Ленинграда 54 советских воина грудью легли на смертельный огонь.

● Среди героев-матросовцев числится женщина — комсомолка Римма Шерстнева, связанная ЦК ЛКСМ Белоруссии, погибшая в 1942 году.

● Два воина — Кириченко и Кондратьев — совершили подвиг по примеру Александра Матросова в возрасте 50 лет.

● 11 человек повторили этот подвиг в войне с империалистической Японией. Вот имена дальневосточных матросовцев: А. Буюклы, Н. Вилков, П. Ильичев, И. Баторов, В. Бульба, В. Колесник, Л. Кравченко, П. Овчинников, М. Патрашков, Г. Попов, А. Фирсов.

● В списке матросовцев — два мальчика: Толя Комар, пятнадцати лет, и Миша Белуш, шестнадцати лет.

● Из числа совершивших матросовский подвиг 227 человек были сынами русской земли, 36 — украинцы, 12 — белорусы, остальные — представители самых разных национальностей СССР.

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА...

Их было тринадцать

В опорный пункт превратили фашисты станцию Красновку в Ростовской области. Помимо дотов, вышек, с которых били пулеметы, они построили необычайное укрепление из соломы, снега, колючей проволоки и облили его водой. На штурм этого ледяного вала пошла в ночь на 15 января 1943 года рота гвардии лейтенанта Ликунова.

Лед был так крепок, что его не брали ни саперные лопатки, ни штыки. Тогда бойцы, связав за рукава свои шинели, перебросили их через вал и ринулись вперед. После тяжелого боя от всей второй роты осталось тринадцать человек... Они заняли три крайние хаты в Красновке.

Целый день бросались в атаки гитлеровцы. Подогнали танк и стали обстреливать хаты; меткая граната вывела танк из строя. А ночью, пользуясь темнотой, немцы обложили хаты соломой и подожгли. «Врешь, не убьешь!» — доносилось из горящих хат, и ни один человек не вышел, не захотел сдаться в плен...

К утру в Красновку ворвались наши части. Молча снял шапку комбат перед пожарищем, присел на бревно, открыл планшетку и столбцом написал тринадцать фамилий, поставив рядом: «Посмертно — к награде». Вот они, все тринадцать.

И. С. Ликунов, родом с Алтая. И. В. Седов, уроженец села Канковки Ульяновской области. В. А. Васильев — из села Бинваш Пермской области. Н. А. Севрюков из Серлухова. К. Кубакаев из деревни Тюлды в Башкирии. А. А. Курбаев из дальневосточного села Надеждинское. Н. Н. Немировский, ленинградец. И. А. Полухин, свердловчанин. К. И. Поляков из села Кислай Воронежской области. Е. П. Котов, ленинградец. И. И. Тарасенко из Магнитогорска. З. Т. Утягунов из Башкирии. Н. И. Сирин из Тюменской области.

Все они навечно зачислены в списки своей гвардейской части.

В рабочем поселке Тарасовском Ростовской области к чистому небу вознесся вал из бетона, обрамленный барельефами, — это мемориал 13 Героям Советского Союза. Есть и музей Тринадцати в Крас-

новке, где свято хранятся расплавленные каски, оружие. Есть дружины и отряды их имени в Ростовской области, где они погибли, в городах и селах, где родились.

Н. РУБА

Подвиг военврача

Военврач Татьяна Ивановна Ротанина возглавляла подпольную группу города Бежицы Брянской области.

Многих местных жителей спасла она от угона в фашистское рабство, выдавая справки о несуществующих болезнях. До наших дней сохранился документ, выданный врачом Т. И. Ротаниной: «Справка выдана Бонаковой Варваре в том, что она страдает пороком сердца, тяжелую работу выполнять не может. Апрель, 1942 года».

И была, рядом с этой «легальной» жизнью, у Татьяны Ротаниной другая жизнь. Надо взорвать большой эшелон с фашистами, который пройдет на Восточный фронт. Взорвав вместе с врачом Кияницей фашистский эшелон, Ротанина возвращается в больницу и успевает к сложной операции больного.

Во время операции ворвались гитлеровцы... Неужели провал?!

— Без халата нельзя! — ровно и спокойно говорит Татьяна Ивановна. И в следующее мгновение отлегло у нее от души: оказалось, привезли своих раненых...

А через несколько дней немцы обнаружили антифашистские листовки в больнице. Установили слежку за медперсоналом. Командир партизанского отряда приказал Ротаниной уйти из города.

Ночью ее подкараулили гитлеровцы. Допросы, пытки, издевательства не сломили партизанку.

...У входа в рамзайскую среднюю школу Пензенской области есть мемориальная доска: «В этой школе училась участница Великой Отечественной войны, партизанка-разведчица Ротанина Татьяна Ивановна, павшая смертью храбрых в 1942 году».

Р. ЕНАКАЕВ

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Памятник «катюше»

Возле здания Дворца культуры Челябинского завода дорожных машин молодые рабочие и учащиеся заводского техникума под руководством ветеранов поставили памятник. На высоком постаменте стоит готовая к бою машина БМ-13, «катюша», — с реактивными снарядами на направляющих, с прикрытыми бронешитами лобовыми стеклами кабины, с гвардейским знаком на борту. На пьедестале начертаны слова: «Строителям гвардейских минометов — оружия отмщения и побед, с великой благодарностью».

Автор проекта — заслуженный архитектор РСФСР Евгений Викторович Александров. Евгений Викторович — ветеран войны, воевал на БМ-8 и БМ-13 в 95-м гвардейском минометном полку на Северо-Западном, Западном и 3-м Белорусском фронтах.

Б. ПАНФИЛОВ

Равнение — на тыл

Солдатские вдовы... Сколько вынесли они, сколько сделали для победы, для фронта, работая в тылу. Учащиеся средней школы села Юсьва Пермской области поставили на свой следопытский учет жен погибших воинов. Всех их мы, следопыты, давно знаем: они — труженицы колхоза, местных организаций и предприятий, все на глазах живут, работают, уходят на пенсию.

Но есть один поиск, который нам хотелось бы завершить, но зацепиться пока не за что. Пока мы знаем только сам факт. В октябре 1941 года ученица третьего класса юсьвинской школы Фая Ефремова внесла в фонд обороны страны облигации на сумму две тысячи рублей. Об этом было написано в районной газете «Бригадир».

Кто она, эта девочка? Почему самостоятельно могла внести облигации на такую сумму? Этого мы пока не знаем. В годы войны в нашем селе было много эвакуированных из занятых фашистами районов. Возможно, Фаина Ефремова была из эвакуированных детей?

**КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ
села Юсьва Пермской области**

Снайпер из Сибири

Совет ветеранов 116-й стрелковой дивизии прислал школьникам поселка Харагун Читинской области фотокопии номеров дивизионной газеты «Сибирский стрелок», в которых были напечатаны корреспонденции об их земляке, искусном снайпере Александре Зиновьевиче Пашкевиче.

Саша Пашкевич родился и вырос в поселке Харагун, любил ходить охотиться в тайгу. Призвали его в 1942 году. Попал он в 548-й полк 116-й стрелковой дивизии, сформированной из забайкальцев. На счету снайпера из Сибири — до трехсот уничтоженных гитлеровцев. Особенно активно действовал он в боях за освобождение Белгорода и Харькова. В августе 1943 года награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Погиб Александр Пашкевич около села Люботина Харьковской области.

Следопыты Харагуна переписываются с однополчанами героя, собирают их воспоминания. С нетерпением ждут в школе книгу «116-я Забайкальская», печатающуюся в Чите. Ее автор, А. В. Победоносцев, бывший помощник начальника штаба 548-го полка, пишет о том, как пригодился солдатам на фронте опыт, приобретенный на таянских охотничьих угодьях.

Одна из улиц Харагуна названа именем земляка-снайпера. Есть в окрестностях поселка и гора Пашкевича.

Б. ЯРОГОВ

Нашелся след солдата...

Живет в Уфалее женщина, которая в сорок первом году отправила на фронт мужа. Жила Устинья вначале одними письмами, что присылал солдат Василий Мурин, а потом и письма перестали приходить. Так и осталась после войны солдатская вдова с тремя детьми на руках, а солдат Мурин считался пропавшим без вести...

Много лет спустя пришло в Верхний Уфалей на ее имя письмо от керченских следопытов. Они писали о тяжелых боях под Керчью в мае 1942 года.

Прикрывавшие переправу наших войск части вынуждены были под напором танков и артиллерии врага уйти в выработки Аджимушкайских каменоломен. Кадровые офицеры организовали четыре батальона, в один из которых попал Василий Андреевич Мурин. Храбро сражался подземный гарнизон. Полгода сковывала он значительные силы гитлеровцев. Ни газовые атаки, ни систематический артобстрел каменоломен, ни жажда, ни голод не смогли сломить боевого духа советских воинов.

Ребята из 17-й керченской школы писали о том, что в одном из аджимушкайских завалов ими были обнаружены останки трех солдат. Одним из них оказался ротный писарь Иван Ярофеев. Остались целыми списки 3-го батальона 1-го запасного полка 398-й стрелковой дивизии, что лежали у него в полевой сумке. Среди 150 довоенных адресов около двадцати были — уральские.

Полетели письма во все концы страны, и в Челябинскую область тоже. Так попало письмо к Устинье Федоровне Муриной. Многим уральцам открыла находка керченских следопытов судьбу их близких, пропавших без вести.

Б. СЛУЧАНКО

СТРОГИЙ И ДОБРЫЙ МАРШАЛ ЖУКОВ

**Николай
МЫЛЬНИКОВ**

Фото
И. Тюфякова

Военный журналист Н. Мыльников долгое время служил вместе с Г. К. Жуковым в Уральском военном округе, не однажды сопровождал его в поездках. Наблюдал автор маршала и на учениях, присутствовал на его беседах с командирами, солдатами...

Публикуем несколько его новелл о прославленном полководце.

Первая звезда

Когда началась Великая Отечественная война, Тимофей Ильич Штоколов оставил в Свердловске жену с пятью ребятишками и ушел на фронт. В боях под Ленинградом Тимофей Ильич сложил свою голову в сорок втором году.

Гибель отца потрясла душу Бориса Штоколова — мальчика впечатлительного, с характером непокладистым, ершистым. Как хотелось попасть в действующую армию, отомстить... Но — не вышел годами.

Как-то Борис узнал, что на Соловецких островах, в Белом море, работает школа юнг. От Свердловска это очень далеко. Но четырнадцатилетний Борис Штоколов отважился на трудный путь. С приключениями, с переживаниями добрался-таки. Его приняли юнгой.

Здесь Борис получил флотскую специальность — стал торпедным электриком на прославленном крейсере «Киров». Но вскоре кончилась война. Несовершеннолетнего электрика списали с корабля.

Одетый во флотскую форму, высокий и худощавый, Борис возвратился в Свердловск, наведаясь в райвоенкомат, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

Райвоенком внимательно выслушал, ответил:

— Свердловск — город сухопутный. Учиться морскому делу здесь негде. А вот стать летчиком можем помочь...

В то время шел набор учащихся в свердловскую спецшколу военно-воздушных сил. И Штоколову предложили стать ее воспитанником.

Летчик и моряк — профессии разные. Но и та и другая — героические, обе прикосновенны к романтике. И Борис сменил матросскую форму на авиационную.

Прослушавшая голоса воспитанников-новобранцев, школьный капельмейстер Борис Матвеевич Гейзик сказал:

— Тебе, Штоколов, быть солистом в нашем вокальном ансамбле.

То, что капельмейстер — музыкант по образованию — нарек ему высокий титул солиста, очень обрадовало Штоколова. Вскоре он и сам почувствовал, что ему надо петь. Борис сел в трамвай, уезжал на восточную окраину города, где к Свердловску вплотную подступал вековой сосняк, и там, в уединении, пел.

Во время распределения выпускников Штоколову объявили, что он будет направлен в военное авиационное училище.

— Все, мама, решено и подписано, — сказал он дома. — Твой сын будет летчиком.

Борис отыскал на карте место, где находился город назначения, стал готовиться к отъезду.

Но пути житейские неисповедимы — и у гражданских людей, и у военных. Судьба распорядилась по-своему.

Случилось так, что на одном из городских торжественных вечеров выступали участники художественной самодеятельности школы ВВС. На том вечере присутствовал

командующий войсками Уральского военного округа Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В честь почетного гостя Борис решил выложиться по-настоящему. Он спел «Матросские ночи» Василия Соловьева-Седого и «Дороги» Анатолия Новикова. Потом исполнил свой коронный номер — романс Петра Петровича Булахова «Гори, гори, моя звезда».

По-юношески прозрачный, сочный бас Штоколова понравился именитому полководцу.

После того как концерт окончился, Георгий Константинович захотел встретиться со Штоколовым. Услышав об этом, Борис почувствовал, что сердце его упало. За чем он понадобился маршалу? Для какого разговора?

Отдышавшись, вошел в кабинет, где сидел Жуков, поставившему доложил:

— Товарищ Маршал Советского Союза, воспитанник свердловской спецшколы ВВС номер одиннадцать Штоколов прибыл по вашему приказанию.

— Молодец, воспитанник Штоколов, — похвалил Бориса маршал. — Докладываешь четко и ясно. И выправкой твоей я доволен. Уважаю того, кто собран, подтянут.

А дальше Георгий Константинович по профессиональной привычке начал расспрашивать Бориса о том, кто его родители, откуда он, как учился в школе. Потом добавил:

— Летчиков у нас много. Их ряды без Штоколова не пошатнутся. А тебе, как я чувствую, надо петь. Согласен со мной?

— Согласен, товарищ маршал!

В тот же день Борис Штоколов получил приказ, которым он откомандировывался в Уральскую государственную консерваторию имени Мусоргского.

Многодетной матери-вдове приходилось нелегко, но Борис прирабатывал электриком в драмтеатре, затем осветителем в оперном театре. Специальность, приобретенная в школе юнг, пригодилась.

В оперном театре голос студента-осветителя заметили специалисты, и однажды непредвиденный случай помог ему попасть на сцену. В опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» не оказалось исполнителя эпизодической роли Дьяка. В критические минуты кто-то вспомнил о рабочем сцены Штоколове. Он сыграл Дьяка вполне успешно.

Первую сольную партию Борис исполнил в опере «Евгений Онегин», в роли Гремина...

...Минули годы. Борис Штоколов стал выдающимся русским певцом, в тридцать шесть лет получил звание народного артиста Советского Союза. Маршалу Жукову было приятно, что он не ошибся тогда, когда рекомендовал юному авиатору сменить профессию летчика на профессию актера. По выходе «Воспоминаний и размышлений» Георгий Константинович подарил своему однополчанину книгу с такой надписью:

«Дорогой Борис!

Очень рад, что Вы стали для советского народа первой звездой.

Маршал Советского Союза Г. Жуков».

На боевой высоте

Полковнику Виктору Григорьевичу Лебедеву — командиру 96-й танковой бригады — храбрости было не занимать. Он мог ринуться в самую круговерть схватки с врагом.

Так было и в ночь под Новый, сорок третий год.

На широком участке Донского фронта намечалось очередное наступление, и командиру бригады нужен был наблюдательный пункт. Поздно ночью Лебедев добрался до первой траншеи соседей-пехотинцев. И здесь узнал, что на скате высоты 177, примерно в ста метрах от переднего края, есть довольно прочное сооружение, напоминающее невысокий удобный шатер. Он, как удалось установить, образовался из досок и бревен после взрыва мины. «Это же находка, — обрадовался Лебедев. — Такого наблюдательного пункта специально не построишь».

Воспользовался командир шалашом. Луна хорошо освещала широко открытую округу, и Лебедеву было видно, чем занимаются гитлеровцы в новогоднее предутрие.

Прежде немцы даже на переднем крае отмечали и встречу Нового года, и рождество, и пасху. Но блокадное кольцо их отрезвило. Они, видел Лебедев, занимались самыми будничными делами: суматошились на артиллерийских позициях офицеры, пригибая головы, бегали вдоль траншей и на все лады распекали солдат, которых морил сон.

Лебедев достал карту, осветил ее электрофонариком, отметил расположение огневых точек. Следующей ночью на облюбованный пункт полковник привел комбатов танковой бригады.

Утром пятого января командира бригады, начальника политотдела вызвали в штаб фронта, чтобы доложить о готовности бригады представителям Ставки — заместителю Верховного Главнокомандующего генералу армии Жукову и начальнику Генерального штаба генерал-полковнику Василевскому. Впервые он встретился с военачальниками столь высокого ранга, и волновался, конечно.

Командир танковой бригады выступал последним.

— После тщательного наблюдения за противником с высоты сто семьдесят семь мною установлено, что на участке Щучье немецкая оборона усиленно насыщена артиллерией и преграждена противопехотным минным полем.

Услышав последние слова, Жуков оторвался от карты, поверх пенсне глянул на Лебедева, требовательно спросил:

— Вы точно докладываете, полковник? По оперативным данным штаба фронта, высота 177 находится у противника. Не оговорка у вас?

— Никак нет, товарищ генерал армии. На высоте 177 я побывал дважды.

— Допускаю. А сможете сводить нас туда с генерал-полковником Василевским?

— Могу, товарищ генерал армии. Но мой наблюдательный пункт находится в пятидесяти метрах от противника...

— Вот и хорошо. Посмотрим, что делается в потустороннем мире. — Жуков по привычке посмотрел на часы, помолчал, прибавил: — Завтра в четыре тридцать мы с Александром Михайловичем Василевским будем на северной окраине Николаевки. Вы — наш провожатый.

— Есть быть провожатым, — ответил Лебедев.

Фронтвики — сослуживцы Георгия Константиновича — не однажды отмечали, как он перед боями, было ли это в обороне или в наступлении, любил собственными глазами увидеть, где разметнется ожидаемая битва. Он забирался на колокольни, чердаки домов, высокие сучковатые деревья, с неразлучным биноклем ползал в боевые охранения, находившиеся на нейтральной полосе и нередко удаленные от врага на один-два гранатных броска; бывал и на снайперских позициях, упрятавшихся где-нибудь в зыбучем болоте или в замшелом распадке. И делалось это не ради показной храбрости, не ради того, чтобы произвести впечатление на подчиненных. Все это исполнялось с единственным назначением — выиграть бой малой кровью.

...В условленное место на северной окраине Николаевки, задолго до назначенного времени, Лебедев прибыл вместе с начальником штаба бригады подполковником Зыряновым и двумя санитарями, которым было приказано не маячить на глазах у генералов.

Георгий Константинович Жуков и Александр Михайлович Василевский подъехали на машине точно в срок.

— Как самочувствие? — здороваясь с комбригом за руку, спрашивал Жуков. — Не рассыпался ваш наблюдательный пункт?

— Все в порядке, товарищ генерал армии. Настроение боевое. Наблюдательный пункт в полной сохранности.

— Тогда ведите нас там, где считаете нужным.

Впереди шагал Лебедев, за ним — Жуков, потом — Василевский. Замыкал четверку начальник штаба бригады подполковник Зырянов. Вышли к Дону, пересекли его. Невысокими заснеженными бугорками потянулись полковые землянки 219-й стрелковой дивизии. Спустились на дно траншеи в том же порядке, в каком двигались до этого.

Сколько они ползли, Лебедев не засекал, но с него сошло несколько потов. Генералы добрались до высоты 177 в полном благополучии. В тесном шалаше вплотную разместились в таком порядке: Жуков и Василевский — в середине, Лебедев и Зырянов — по краям. Отдыхались, прислушались к тому, что делается на переднем крае у немцев. А когда наступил рассвет, принялись наблюдать за противником. Всматриваясь в щели шалаша, в его проемы, генералы и офицеры менялись местами, один с другим сличали свои наблюдения, заносили их на карты.

Все шло, как по расписанию, и Лебедев чувствовал себя превосходно: не ударил в грязь лицом перед представителями Ставки. Теперь бы, размышлял он, подобру-поздорову выбрать обратню. Но стоило ему так подумать, как где-то севернее шалаша профырчала мина. За ней вторая, третья.

Жуков прислушался, откуда стреляли немцы, куда падали мины, передернул на плече ремешок планшета, разом подтянулся, сказал: «Ждать добра дальше неоткуда. Ползти — потеряем время. Я предлагаю двигаться бегом. Порядок передвижения прежний».

Немецкие минометчики ударили залпом, вслед за которыми застрекотали автоматные очереди. Лебедев услышал вскрик начальника штаба бригады, остановился.

— Подобрать раненого! — приказал Жуков.

— Есть подобрать! — ответил комбриг и тут же увидел: к Зырянову бежали санитары, до этого хоронившиеся от генералов в некотором отдалении.

Больше в то утро никаких происшествий не было. Прощаясь с полковником Лебедевым, Георгий Константинович поблагодарил его за службу, за умелые действия в предбоевое время.

А десятого января, после того как гитлеровское командование отвергло ультиматум о сдаче в плен, войска Донского фронта под командованием К. К. Рокоссовского перешли в наступление и рассекли вражескую группировку, зажатую в сталинградском кольце.

Эти бои, с перерывами, длились три недели. Южная группа немецких войск была разгромлена. Остатки южной группы войск во главе с командующим 6-й армией генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдались в плен. Второго февраля перестала сопротивляться и северная группа.

...Не всегда, когда бегут от мин, проигрывают.

Играй, мой баян

Вскоре после поражения немцев под Москвой к командующему Западным фронтом генералу армии Жукову в его блиндаж, что находился в Перхушково, прибыла рабочая делегация города Тулы. Вручили генералу первоклассный баян тульского производства.

Сказали:

— Знаем, Георгий Константинович, что вы не только хорошо воюете, но и любите народные песни. Так пусть этот баян, который легко переключается на аккордеон, будет вашим фронтовым другом.

Жуков принял баян.

— За подарок — земной поклон. Ваш наказ очень приятен. Я рад бы его выполнить, но играть на баяне не приходилось...

Когда выпадало время, Георгий Константинович учился играть у музыкантов фронтового ансамбля. Ученик оказался не только способным, но и очень старательным. Природа наделила его отличным музыкальным слухом.

В дореволюционную пору деревенский паренек Егор Жуков (в родной Стрелковке звали только Егором) не раз уговаривал отца, чтобы тот купил хотя бы самую дешевую гармонь-однорядку. Стоило, бывало, услышать в воскресный день игру местного гармониста, шагавшего по деревне, он тотчас мчался туда со всех ног, пристраиваясь в шеренгу подростков позади взрослых и с замирающим сердцем слушал залихватские «Саратовские переборы», «Из-за острова на стрежень», «Шумел, горел пожар московский»...

Отец так и не сколотил капиталы на гармонь сыну. Потом жизнь закрутила, завертела Жукова так, что ему долгие годы было не до гармошки. И вот теперь, справив свое сорокапятилетие, Георгий Константинович обзавелся фирменным баяном, сделанным туляками с особым усердием.

...На тульском баяне Георгий Константинович выучился играть многие русские народные песни и исполнял их, когда, как сказал поэт, «после боя сердце просит музыки вдвойне». Чаще всего он играл и сам себе подпевал «Степь да степь кругом», «Когда б имел золотые горы...», «Славное море, священный Байкал...»

Куда делся тот тульский фронтовой баян, не знают ни дочери Георгия Константиновича, ни его сослуживцы. Мог инструмент попасть под бомбежку на дорогах войны, мог маршал наградить им кого-то из тех, кто отличился в разведке. Храбром солдату или офицеру, проявившему себя при выполнении ответственного задания, он не жалел и самого драгоценного сувенира.

В конце войны Георгий Константинович возил с собой уже другой баян. С ним он встретил победу, его привез домой.

С собственным баяном прибыл маршал Жуков и в Уральский военный округ.

Как-то в преддверии Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота в Свердловск приехал народный артист Советского Союза Максим Дормидонтович Михайлов. Окружной Дом офицеров воспользовался приездом именитого певца и пригласил его дать концерт для воинов гарнизона. Присутствующий на том концерте маршал Жуков вместе со всеми жарко аплодировал московскому гостю — солисту Большого театра Советского Союза, наделенному редкостным басом, влюбленному в раздольные русские песни. Когда концерт кончился, командующий горячо поблагодарил народного артиста.

— Польщен, Георгий Константинович, вашей оценкой моей работы, — ответил Михайлов, сияющий от рукопожатия полководца. И еще не разгримированный, в одежде деревенского мужика, он, крепкий, дивной шири в плечах, выпрямился, стукнул каблук о каблук, повысил голос:

— Служу Советскому Союзу!

— А как вы смотрите на то, — продолжал Жуков, — если нам сегодня вместе поужинать?

В тот вечер в квартире командующего Максим Дормидонтович увидел баян и тут же спросил:

— Уж не вы ли играете?

— Играю. Для себя. По-домашнему.

— Георгий Константинович! — разбросил большие руки Максим Дормидонтович. — А я до этого и подумать не мог, что маршалы играют на баянах. Давайте что-нибудь исполним для вашей супруги Александры Деевны.

— Да я же самоучка, — сопротивлялся Жуков. — Не туда затяну — попутаю вас.

— Не бойтесь. Получится как надо.

Маршал вынул баян из футляра, удобно уселся на стул, витиевато прошелся по ладам сверху вниз и снизу вверх, заиграл А. Навроцкого «Утес Стеньки Разина». Максим Дормидонтович встал посреди комнаты, откинул голову назад, прислушался к мелодии, запел

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
От вершины до самого края.
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная...

Памятное кольцо

Все знали, что Георгий Константинович — строевик по всей сути своей, всему складу характера — с особой уважением относился к офицерам, которые всегда подтянуты, не расплылись фигурой. Горе было тому, кто начинал тяжелеть...

Пережил такое горе в свое время и командир танкового батальона подполковник Корытко — фронтовой сослуживец маршала Жукова, верный блюститель уставных порядков, офицер волевой, требовательный.

Сам Корытко любил повторять слова маршала Жукова: «Без строевой выучки нет войска. Строй — это красота, воинская гордость. Это — романтика».

А где-то на сороковом году жизни или начал сказываться возраст, или оттого, что из-за травмы ноги пришлось почти два месяца отлежать в госпитале, у комбата приметно выдался животик. Трофим Самсонович, когда надевал полевую форму, старался затягивать поясной ремень как можно туже.

Шутники не однажды намекали подполковнику на «частнобственнические накопления». И скоро на беду Трофима Самсоновича в гарнизон приехал маршал Жуков.

Корытко инструктировал командиров отделения, когда Георгий Константинович вошел в класс, принял рапорт, сел на свободный стул, сказал:

— Прошу продолжать занятие. Ведите его так, будто меня здесь нет.

Маршал внимательно присматривался к комбату, временами что-то записывал в блокнот, читал плакаты, висевшие на стенах.

А сержанты и старшины не столько слушали комбата, сколько наблюдали за маршалом, разглядывали его крепко сбитые, плотные плечи, строгое лицо с тяжелым подбородком и глубокой ворончатой ямкой на нем, по разноцветным колодкам подсчитывали награды полководца.

Когда инструктаж был окончен, Корытко повернулся к Жукову, доложил:

— У меня все, товарищ маршал. Разрешите окончить занятие?

— Разрешаю, — ответил Георгий Константинович. — И если уж представился случай, хочу сказать несколько слов.

Инструктаж вы получили очень хороший, — начал Жуков глуховатым басом. — Я бы, пожалуй, столько не рассказал. Командир ваш — человек, знающий свое дело. И тут вам надо только радоваться. — Маршал окинул класс взглядом, продолжил: — В инструктаже много верных и хороших слов было сказано в защиту строевой выработки. Мне уже за пятьдесят, но истых строевиков я люблю и теперь. Люблю особенной любовью. И душа моя

никак не мирится с тем, если я, скажем для примера, встречу старшину, который из-за живота не видит носки сапог.

— А вдруг тот старшина перерастет в офицера? — послышался вопрос сержанта, недавно прибывшего в батальон.

Подполковник Корытко вздрогнул, глянул туда, откуда донесся голос, неестественно улыбнулся.

— Вы имеете в виду комбата? — догадался Жуков. — Я отвечу за него. Не возражаете, Трофим Самсонович?

— Никак нет, товарищ Маршал Советского Союза.

— Ваш командир, как мне доложили, долго находился в госпитале. Там и грузнеть начал. Временно, конечно. И я, командующий войсками округа, даю вам слово: к следующему моему приезду в гарнизон — ровно через месяц — подполковник Корытко примет боевую форму... Я не переборщил, Трофим Самсонович?

— Так и будет, как вы сказали.

Маршал Жуков своих решений не менял. И если он сказал, что приедет в гарнизон через месяц — значит, жди сурового начальника и показывай все так, как оно есть. Зная об этом, подполковник Корытко на завтра же вместе с полковым начальником физподготовки разработал для себя и для старшин-сверхсрочников целый комплекс физических упражнений, которые помогают сбросить лишний вес. Больше всего в том комплексе уделялось внимания бегу по замкнутой трассе. Ее, эту трассу, с чьей-то легкой руки назвали «кольцом Жукова».

Много воды утекло с той поры. Но «кольцо Жукова» сохранилось в гарнизоне и поныне. По этому кольцу почти ежедневно в поте лица бегают офицеры, прапорщики, ротные старшины, которые не хотят, чтобы их фигура утратила статность.

«Ну, а удалось ли комбату принять боевую форму за месяц, установленный маршалом Жуковым?» — слышится вполне резонный вопрос.

Удалось. Обязательство маршала Трофим Самсонович понял как неукоснительный приказ.

Маршал Жуков, как и обещал, появился в батальоне через месяц — день в день. Выслушав подполковника Корытко о том, чем занимается батальон, доверительно улыбнулся, отчего ямка на подбородке стала еще глубже, пожал руку комбата и как бы мимоходом заметил:

— Уважаю тех командиров, которые из невозможного могут делать возможное... Сказал человек, что через месяц будет в полной боевой форме, и сделал. Ценю офицерское слово.

Краснобокие яблоки

За Волгой, на клочке земли, нареченной солдатами островом Людникова, где все просматривалось и простреливалось, пехотный офицер Стариков водил автоматчиков в атаки, в рукопашные схватки. В одной из таких сеч капитан Стариков был контужен, потом получил ранение.

Но выстоял. После второго ранения его списали на нестроевую должность.

Фронтовик оказался в Свердловске. Здесь на исходе войны в семье Стариковых родился сын Володька.

Еще дошколенком Володька знал: его отец воевал под командованием генералов Ивана Ильича Людникова и Василия Ивановича Чуйкова. Знал и не раз пытался, почему отец не служил в войсках Жукова, которого считал полководцем особой стати. Вопрос смешноватый, но что с пацана возьмешь!

Младший Стариков мечтал хоть раз увидеть маршала Жукова!

Мечты его хоть и не сразу, но сбылись. Майор Стариков получил квартиру в офицерском доме, неподалеку от которого находился особняк командующего войсками округа Маршала Советского Союза Жукова. Узнав об этом, Володька на следующее утро встал раньше обычного, умылся и, не позавтракав, втихомолку удалился из дома, прошел к дороге, по которой маршал ездил на службу, и, стоя в тени густоголового тополя, внимательно всматривался в ворота, из которых должна выскочить вороненая машина.

Минуло полчаса, час. «То ли он приболел, то ли уехал куда», — рассудил Володька и возвратился домой ни с чем.

Не удалось ему посмотреть на маршала и завтра, и послезавтра.

Однажды, возвращаясь из магазина, Володька увидел Жукова на перекрестке. Увидел и забыл о правилах перехода улицы. Остановился на неподобающем месте и засмотрелся на Золотые Звезды героя, маршальские знаки отличия.

Георгий Константинович попросил шофера остановиться, открыл дверку:

— Тебе, молодой человек, родители рассказывали, как надо переходить улицы?

— Рассказывали.

— А почему же нарушаешь правила?

— Засмотрелся.

— Для первого случая посчитаем причину уважительной. Но в будущем теряться не надо. Понял, что я сказал?

— Понял.

В дни, когда сын-первоклассник завершил первую четверть, отец подарил ему трофейный альбом в кожаном переплете. Володька стал копить фотографии советских полководцев и военачальников, отличившихся в сражениях с немецкими захватчиками. Самое почетное место в том альбоме было отведено маршалу Жукову.

Тогда же твердо решил: вырасту — поступлю в военное училище, стану командиром и обязательно в той части, которая подчиняется Жукову.

Неподалеку от особняка командующего находился фруктовый сад. Той осенью был на редкость большой урожай яблочек. Краснобокие, туго налитые, они радовали глаза прохожих, соблазняли ребятишек.

Польстились на редкостные уральские дары и Володька с Костей. Проследили, когда в саду никого не было, и залезли туда. Прислушавшись к тишине, Володька и Костя переглянулись и, не уговариваясь о дальней-

ших планах, подползли к первой яблоне. Но в эту минуту, будто из-под земли, появился солдат.

Он пронзительно свистнул и скомандовал:

— Не шевелиться!

Ребятишки как стояли на коленях, так и замерли. Володька — смуглолицый и угловатый, в повывавшей вид фуражке пехотинца, в защитных хлопчатобумажных брюках, перешитых из отцовских. Костя — светловолосый, с девчоночьим лицом, позолоченным мелкими конопушками, в вельветовом пиджаке с вытертыми локтями, в матросской бескозырке.

На свист прибежал приземистый, в отгоревшей на солнце пилотке ефрейтор.

— А ну, встать! — рассердился ефрейтор. — Пошли до начальника караула. Он позвонит маршалу и зараз разберется, какое наказание вас ждет.

Мальчишек вывели из сада, и они оказались во дворе особняка командующего. Тут Володька увидел маршала Жукова. Он стоял на крыльце, заслонив ладонью глаза от солнца.

— Что случилось? — спросил Жуков.

— Забрались в сад за яблоками, — ответил ефрейтор.

— Много нарвали?

— Ни единого яблока, товарищ маршал, — выкладывал ефрейтор. — Они только-только сховались за яблоней, и тут мой напарник словил их.

— А чьи дети — выяснили?

— Никак нет. Не говорят.

— Вы их, наверное, припугнули, вот они и не говорят. А пугать детей не полагается. Ни маленьких, ни больших. Согласны со мной, мальчуганы?

— Согласны, — в один голос ответили мальчишки.

— Тогда давайте посидим на скамейке. Да поговорим по-мужски, — сказал Георгий Константинович, усаживаясь между мальчишками на скамейке и рукой приглашая сесть ефрейтора и рядового.

— Ну, расскажите, как вас зовут, чьи вы будете? — стал он расспрашивать ребят.

Быть нечестным перед маршалом Володька и Костя не смогли.

Жуков выслушал ребятишек, поднялся со скамейки, распорядился:

— Товарищи ефрейтор и солдат, за то, что соседские ребята честно признались, кто они, чьи, откуда, приказываю нарвать им яблочек по полной пилотке и проводить через центральные ворота. Задача ясна?

— Ясна, товарищ маршал.

— А вам, дети, такой наказ. Придете домой — обо всем по-честному расскажите родителям. И дайте им слово, что в чужие сады забираться больше не будете.

Зная майора Старикова по службе в свердловском гарнизоне, Георгий Константинович на следующий день позвонил ему, выяснил: признался ли сын в том, в чем он провинился вчера?

— Признался, товарищ командующий, — отвечал отец Володьки. — Во всем.

— Это я и хотел проверить. Будьте здоровы.

ПИСЬМО

Геннадий
КРАСОВСКИЙ

Наш санитарный поезд тащится медленно. Миню несутся платформы с зачехленными танками, теплушки с солдатами в зимней одежде: таким поездом — зеленая улица, они идут на запад.

Перед отправкой из Тихвина мне в госпитале влили кровь. А в Вологде сняли с санитарного поезда, в числе таких же безнадежных — надежных не снимали.

Госпиталь прямо у вокзала. До войны здесь, наверное, была школа. Мы лежим в палате — бывшем школьном классе. За три дня в палату уже не однажды заявила смерть. Умер мой сосед по койке шофер Садыков, татарин. На старенькой полуторке работал, возил по «Дороге жизни» муку в осажденный Ленинград. То ли в метель с дороги сбился, то ли фашист машину повредил, но он четверо суток ждал помощи у своей машины, доверху нагруженной мешками с мукой. Питался только снеговой водой, заболел. Вот и умер безвестный герой Ладоги... Умер и рыжий финн. Наш. Поправляться уже начал, захотел солененького, а нянечка сжала лась и принесла огурчиков... То ли вправду так, то ли в назидание раненым рассказывали про огурчики — но умер солдат.

Смерть в госпитале и обычна, и страшна. Появляются врач, медсестры, слышатся вполголоса команды: «шприц», «камфора» — и все. С поникшими головами, будто в чем-то виноватые, удаляются врач и сестры. А на другое утро уже новый человек лежит на этом месте.

Моя койка у самых дверей. Лежал я пластом: набок сестра переворачивала. Никаких надежд на поправку не было, я ждал своей очереди. Температура поднялась за сорок. Забеспокоились сестры, пришли врачи. Команда — «шприц...» Успел подумать: вот и конец. И все пропало в белом тумане.

Только к вечеру на другой день сознание вернулось. Открыл глаза. Возле постели сидела в белом больничном халате средних лет женщина, наша няня. Она не сводила с меня глаз. Показалось или наяву услышал: «Сынок, касатик мой...»

В один из дней няня появилась в палате утром, раньше положенного ей дежурства. Веселая, радостная, направились прямо ко мне. Меня уже от двери перевели к стене, ближе к школьной доске.

— Танцуй, касатик!.. Тебе письмо из Иваново, от родителей!

Я было потянулся за письмом, но она говорит:

— Лежи, лежи. Сама прочитаю. Развернула два листочка и прочитала письмо от родителей. Они радовались, что получили обо мне весточку, что я на Большой земле, что все страшное позади. Письмо было теплое и кончалось так: «Целую тебя. Твоя любящая мама». Прочитала

няня, свернула листочки и положила их в левый карман халата:

— Я его поберегу.

Какая-то сила словно встряхнула меня. «Жить, надо жить!» — впервые после долгих безвольных и равнодушных дней пришла мысль.

И странно, с того дня дела мои пошли на поправку. Врачи говорили, что прошел кризис, что было какое-то новое заболевание, которое дало вспышку, подняло температуру, и две болезни, столкнувшись, поборили одна другую. Так говорили врачи, а я все думал о письме: для солдата оно — тоже главное лекарство...

Меня назначили в эвакуацию. Спешно собрался в путь-дорогу. Снова тринадцатый, кригерный вагон. Снова санитарный эшелон... Красноярсский госпиталь. Батальон выздоравливающих, работа на прополке проса в алтайском совхозе. Потом — запасной полк на Енисее. Военный эшелон, десять суток в пути... Воронежский фронт. Передний край. Прага... И наконец — долгожданная Победа!

В июле 1945 года я получил кратковременный отпуск и прибыл к родителям в Иваново. За чашкой чая, за рюмкой водки рассказал родным о фронтовых путях-дорогах. Дорога солдата в обнимку со смеетью... Но я не рассказывал, как под Воронежем осколком шрапнельного снаряда порубило вдоль всего хлястика мою шинель, в трех местах порвало гимнастерку. Осколок пробил в стенке окопа нору, куда свободно потом пролезла рука. Я не рассказывал, как на Дону снайперская пуля сделала две дырки в моем маскхалате, прорезала внутреннюю подкладку шапки, скользнув по голове. Не рассказывал, как с разведыводом напоролся на немедкое минное поле и чудом выбрался, руками прощупывая каждую четверть земли, прежде чем поставить ногу...

А вот о Вологде рассказал. Все до мельчайших подробностей. И особенно благодарил родителей за письмо, которое помогло мне выжить.

— Какое письмо? — удивилась мама.

— Мне его читала наша няня, вслух читала.

— Мы никакого письма в Вологде не писали.

— Как же так? — возразил я. — Я его как сейчас помню! Может, вы запомнили?

— Нет, — ошительнно сказала мама, — мы тебе писем в Вологде не писали.

Значит, письмо было выдумкой, обманом?! У кого мне спросить об этом? Где ты, няня, что именем матери отозвала солдата от смерти?

...Сыновец мужское спасибо и низкий поклон тебе, моя вологодская мама, за твою святую ложь. Я нищу тебя, отзовись!

Свердловск

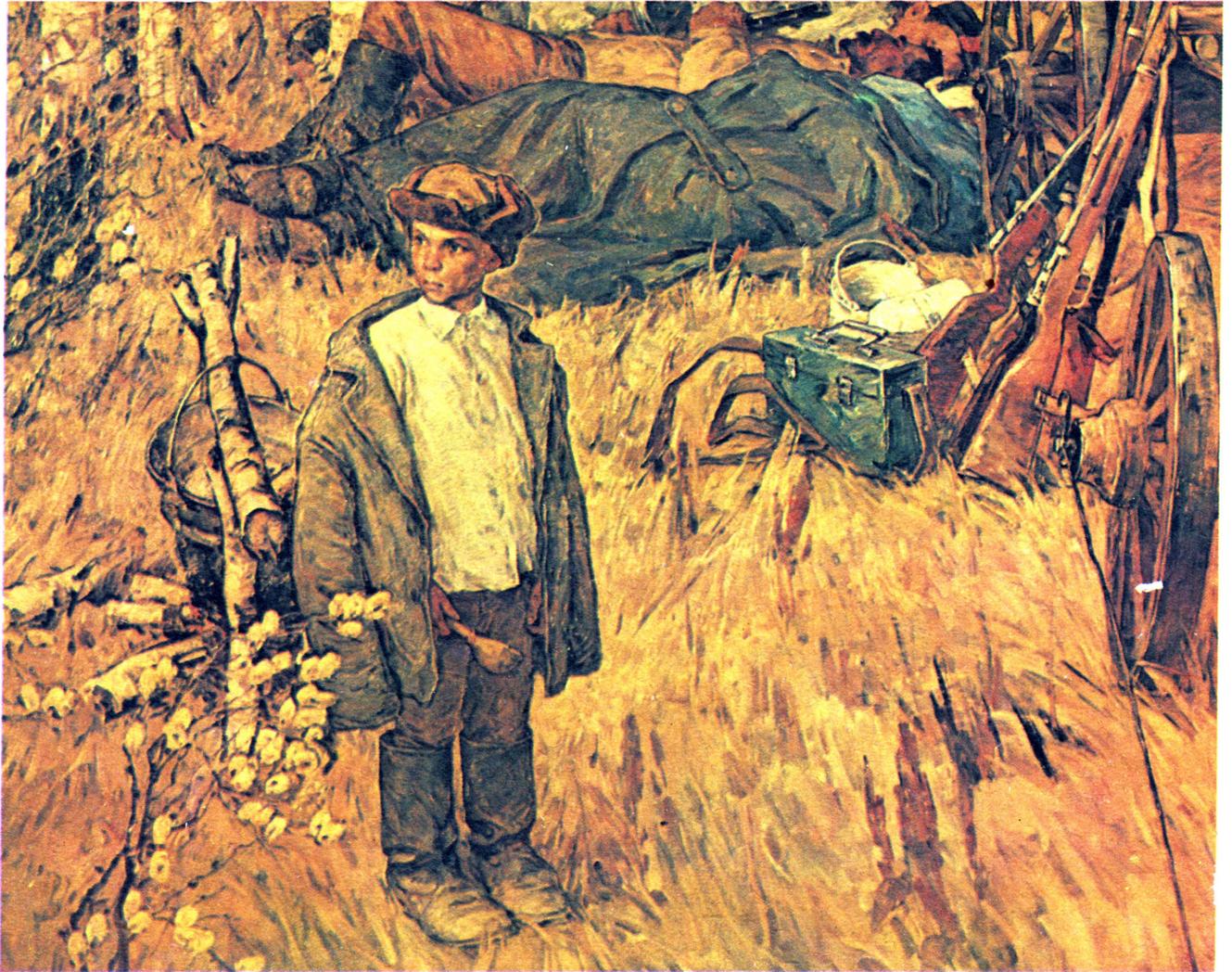

Ю. ПЛАТОНОВ.
ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО.

ПАМЯТЬ

На вкладке — репродукции с картин ниженетагильских художников.

Г. КРАПИВИН.
ПАРТИЗАНСКАЯ СЕМЬЯ.

Война была давно

когда-то...

Уже в тумане те года.

Спят вечным сном

в земле солдаты

И не проснутся

никогда.

П. БОРТНОВ.
НА ЗЕМЛЕ БОЛГАРИИ.

Их не разбудят
наши речи,
Оркестров молодая
прыть...
И все равно: здесь —
павших вече, —
Не надо громко говорить.

В том бешеном
кровавом шквале,
Где не схитрить
и не смолчать,
Они... Они свое сказали.
И нам сильнее
не сказать.

Давид ЛИВШИЦ

Ю. ПЛАТОНОВ.
РЕКВИЕМ.

ТАНКИ С ХЛЕБОЗАВОДА

**Сергей
СЕНКОСОВ**

Летом 1975 года свердловчанки Татьяна Павловна Бреднева и Глафира Алексеевна Орлова неожиданно получили приглашения с Украины: Кривоозерский райком партии Николаевской области просил их приехать в село Кривое Озеро. Лаконичные строчки письма были связаны с историей, которая заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

С началом войны на всех хлебозаводах, объединенных в Свердловский трест, развернулось общественное движение помощи фронту: собирали средства на постройку танков. Народный комиссар обороны СССР и Верховный Главнокомандующий И. Сталин прислал руководству треста телеграмму:

«Прошу передать работникам хлебопечения Свердловской области, собравшим 721 000 рублей на строительство танковой колонны «Свердловский пекарь», мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Свердловский хлебозавод № 1 не только выпекал хлеб для горожан, но и выпускал военную продукцию — армейские сухари. Коллектив завода, состоявший почти из одних женщин, работал с огромным напряжением.

Из-за нехватки автомашин уголь со склада и мешки с мукой от мельницы работницам приходилось самим подвозить к заводу на трамваях. Они вязали варежки и носки фронтовикам, собирали теплые вещи, подписывались на государственные займы, сдавали в фонд обороны облигации, отчисляли деньги из своей скромной зарплаты...

Как-то одна из женщин во время беседы сказала:

— А что, если собрать деньги и купить для фронта танк? Как вы думаете?

На заводе, преобразованном в хлебомакаронный комбинат, насчитывалось около трехсот человек. Пошли на совет в цехи. Собрания смен задумку единодушно одобрили.

В дни получек женщины жертвовали на танк кто сколько мог. А когда образовалась солидная сумма, встал вопрос: где приобрести танк?

Делегация отправилась на Уралмашзавод.

— Переведите деньги на наш счет, за танком дело не станет, — объяснили на заводе и посоветовали обратиться в ближайший запасной танковый полк, где помогут подобрать экипаж.

Вскоре работницы перевели Уралмашзаводу 100 тысяч рублей и попросили назвать их танк «Фронтовой подругой».

Командир запасного танкового полка полковник Макеев встретил посланцев завода радушно:

— Все танкисты у нас — как на подбор. Многие имеют большой боевой опыт. На ваш именной танк можем назначить Героев Советского Союза.

Поначалу женщин обрадовало предложение полковника, но, пораздумав, они сказали:

— За честь благодарим. Но ведь звание Героев они уже заслужили. А мы хотим, чтобы члены экипажа завоевали такое высокое звание на нашем танке.

В ясный солнечный день 8 марта 1943 года возбужденные работницы собрались во дворе комбината. В распахнутые ворота въехал новенький танк Т-34, управляемый механиком-водителем с Уралмаша. На его башне блестяла крупная надпись: «Фронтвая подруга».

Возле боевой машины выстроился назначенный экипаж: командир танка лейтенант Е. И. Байда, уроженец села Кривое Озеро, механик-водитель М. П. Макушин, стрелок-радист И. Ф. Алексин и башенный С. Я. Яшкин.

Через несколько дней с площади Уралмашзавода делегация комбината проводила боевую машину на фронт. Между коллективом комбината и экипажем танка установилась тесная связь. Завком поручил Р. М. Шасолиной, эвакуированной из города Николаева, землячке лейтенанта Байды, вести переписку с экипажем. Труженицы рапортовали воинам о своих успехах и живо интересовались их судьбой. Письма о боевых действиях «Фронтвой подруги» зачитывались в цехах. С большим воодушевлением женщины восприняли весть о боевых наградах, которыми были удостоены

лейтенант Байда и члены экипажа танка.

Наступил день, когда все советские люди с огромной радостью узнали о разгроме немецко-фашистских войск на Курской дуге. Работницы комбината на этот раз долго ждали «донесения» от своего экипажа. Наконец пришло письмо от командира роты лейтенанта Елизарова. Он сообщал, что экипаж «Фронтвой подруги» отважно сражался против гитлеровцев. Однако в ожесточенном бою танк сгорел. Командир взвода лейтенант Байда получил сильные ожоги и находится в госпитале. Остальные члены экипажа продолжают воевать.

Это печальное известие тронуло души женщин комбината. «Нет теперь на фронте нашего танка», — с горечью говорили они.

Через некоторое время написал и сам лейтенант Байда. Он рассказал о боевых действиях на танке «Фронтвая подруга» и сообщил, что выписался из госпиталя и воюет теперь на другой машине.

Патриотки снова собрали деньги, приобрели второй танк, назвали его так же «Фронтвой подругой» и решили вручить опять лейтенанту Байде. В штабе Уральского военного округа, куда обратились женщины, ответили, что установить точно местонахождение лейтенанта и вручить ему танк практически невозможно. Но это их не остановило. Изложив историю «Фронтвой подруги», они адресовали свою просьбу Верховному Главнокомандующему. Спустя некоторое время из Главного управления бронетанковых войск Красной Армии комбинат получил телеграмму, в которой сообщалось, что 2 июня 1944 года танк «Фронтвая подруга» вручен лейтенанту Байде.

Как позднее стало известно, вручение второго танка свердловских работниц проходило в торжественной обстановке и вызвало большой подъем у танкистов. Назначенный командир роты старший лейтенант Байда снова воевал на именованном танке. Командирская «Фронтвая подруга» была грозным оружием в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Много лет спустя, описывая сражения 4-й танковой армии юго-западнее Львова, генерал армии Д. Д. Лелюшенко в своей книге «Москва —

Сталинград — Берлин — Прага» привел краткий, но изумительный пример героизма: «Только один танк 93-й отдельной танковой бригады, носивший название «Фронтвая подруга», под командованием коммуниста старшего лейтенанта Кирилла Ивановича Байды уничтожил 11 вражеских танков и до двух батальонов пехоты».

Преследуя противника и форсируя речку в Карпатах, старший лейтенант Байда был смертельно ранен. Могилу Байды, найденную в районе Старого Самбора, в 1972 году посетили руководители Кривоозерского района, родственники и земляки. Почтить память отважного танкиста сюда приезжали и представители Свердловского хлебомакаронного комбината — Мария Ивановна Шиляева, причастная к «Фронтвым подругам», и комсомолка Лиза Лисицина, знавшая эту историю по рассказам работников.

...В солнечный сентябрьский день на площади собрались кривоозерцы. Митинг открыл первый секретарь райкома партии С. П. Швед. Хлебомолью встретил он Татьяну Павловну Бредневу и Глафиру Алексеевну Орлову, приехавших из Свердловска на родину Байды. Участники митинга возложили цветы к подножию памятника В. И. Ленину и на братскую могилу воинов, павших за нашу Отчизну.

На торжественном собрании в кинотеатре Т. П. Бреднева рассказала о «Фронтвых подругах». Однополчане выступили с воспоминаниями о Байде. Здесь же, в президиуме, находился брянский колхозник Степан Яковлевич Яшкин, бывший башенный, которому в числе других членов экипажа свердловчанки вручали первую «Фронтвую подругу».

ПУЛЯ В СЕРДЦЕ

**Евгений
НОВОСЕЛОВ**

Как-то в День Победы собрались мы, фронтовики, и давай считать раны: у одного мозжит палец ампутированной ноги, у другого в ушах стреляет от контузии, третьего разбивает к ненастью. «А у тебя что?» — спросил кто-то Павла Андреевича Казбана. Он помолчал и спокойно ответил, потирая рукой левую сторону груди:

— Мотор барахлит. Ведь у меня пуля в сердце...

Мы смущенно примолкли. Видимо, каждому показались пустяковыми и легкими раны в сравнении с той, которую получил на поле боя этот человек...

Война застала Казбана на границе в районе Кандалакши. В первых же боях бойцы потянулись к нему, политруку, участнику боев с белофиннами. Павел Андреевич пулям не кланялся, хорошо ориентировался, мог словом и шуткой ободрить растерявшегося однополчанина. Темной августовской ночью, когда полк дрался за населенный пункт, он заменил погибшего командира роты и поднял в атаку дрогнувших было бойцов.

После боя Казбана нашли с простреленной грудью. Только на девятые сутки вернулось сознание. В Архангельске с помощью рентгена профессор Михеев обнаружил в правом желудочке сердца крупнокалиберную пулю. Ее хотели удалить, но гарантировать положительный исход операции никто не решился. И потянулись скучные дни госпиталей, научно-исследовательских медицинских институтов.

Жить, как все, по-настоящему, с полной отдачей сил и знаний — только так представлял свою дальнейшую судьбу Павел Андреевич. И делал для этого все возможное, не поддаваясь болезни. Рано поднялся с постели, помогал сестрам ухаживать за тяжелоранеными.

Через год и три месяца Казбан выписался из госпиталя и уехал в город Реж Свердловской области. Вначале работал начальником отдела никелевого завода, потом его избрали заместителем председателя исполкома райсовета. Был председателем облплана, заместителем директора Свердловского научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии.

Тридцать девять лет бывший воин носит в сердце пулю. Бывают боли, мучает и бессонница, но никогда он не дает повода для разговоров о болезни. Вместе с женой, Любовью Ивановной, вырастил двух детей. Надежда — инженер, Александр — специалист по радиотехнике. Сейчас Павел Андреевич Казбан на пенсии, живет в Свердловске.

СТИХИ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Иван
ЕЖИКОВ

Плен — это страшная трагедия войны. Но пока идет война на Родине, мы должны бороться здесь, за колючей проволокой.

Д. М. КАРБЫШЕВ

Давно развеялся над нашей землей пороховой дым войны, но живы свидетели этой вселенской беды. В Пермской и Свердловской областях живут больше ста тридцати узников гитлеровских концлагерей. На долю этих людей выпало пройти такие испытания, перед которыми бледнеют ужасы ада, созданного воображением Данте.

Человек, о котором я хочу рассказать, — узник Бухенвальда. Его трудно чем-либо удивить, но одна документальная повесть потрясла до глубины души. Однажды он взял в руки старый номер журнала «Молодая гвардия» (№ 10 за 1966 год). Полистав журнал, увидел заголовок — «Я вернусь к тебе, Россия! Повесть о стихах и их судьбах». Он знал, очень хорошо знал эту ставшую знаменитой строчку и не мог пройти мимо повести А. Елкина. Он стал читать со щемящим сердце чувством. Страницы журнала возвращали его к дням войны.

«Листаем архивные материалы об узниках Бухенвальда. Из них видно, что в 1944 году в Бухенвальде существовала довольно крепкая подпольная организация, у нее была своя газета. Подпольщикам хорошо были известны люди, которые могли сотрудничать в этой газете, писать стихи. Рукописный журнал «Бухенвальд» свидетельствует, что в лагере были свои поэты, и их хорошо знали. Дума-

ется, что появление Николая Коробанова в Бухенвальде не осталось бы незамеченным, и возникает предположение, что Николай Коробанов и Николай Хмелев — одно и то же лицо. Дело в том, что в рукописном журнале «Бухенвальд» есть стихотворение, подписанное Николаем Хмелевым. Вот оно.

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Я в шутку назвался поэтом,
А меня всерьез попросили
Написать стихи о России.
Словно в личный альбом куплеты:
«Пашни мирные, лунные ночи,
Золотые мирные, лунные ночи,
Золотые поля в синей мгле...»
Они думают, просто очень
Рассказать о родной земле!
Это было — мирные пашни,
Это будет — золотые поля!
А теперь — орудийные башни,
Что огнем и металлом палят!
Видю, слышу землю родимую,
Она близко и далеко...
Сердце с сердцем и штык
со штыком!

Николай Хмелев, как видно из архивных документов, родом из Белоруссии. Под одним из материалов, который он сдал в рукописный журнал, стоит адрес: «Минск, Пушкинская, 18». Быть может, этот адрес наведет нас на правильный путь. К сожалению, след здесь обрывается...»

Нет, след не оборвался. Николай Михайлович Хмелев не смог больше читать. Он откинулся на спинку стула и потер ладонью изборожденное морщинами и горькими складками лицо...

В 1965 году в апрельской книжке журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» было напечатано его стихотворение «Правда о Ленине». Об авторе сообщалось: «Рабкор Николай Михайлович Хмелев работал электриком на одном из машиностроительных заводов Пермской области. Несколько месяцев назад он стал журналистом». Читая последние строки, он всегда улыбается. Нет, не три года, а тридцать лет назад он стал журналистом. И в концлагере он думал и писал о Ленине и о России:

Я могу вам признаться
От чего моя сила.
Я родился в России.
Моя статья богатая
Не от божьей милости —
Оттого, что в Симбирске
Я на свет появился.
Вот отсюда и сила,
Слово вольное, трубное,
Хоть сегодня
с Россией
Быть мне — самое трудное...

Несколько лет назад я встретился с ним в Кизеле, в редакции многотиражной газеты, где он тогда работал. Мы говорили с ним о прошлом. Видно, и в последние годы жизнь его была

трудной, и раны так глубоки, что вылечить их нельзя. Я прочитал его автобиографическую повесть «Испытание огнем». Человек с высоты дорого оплаченного жизненного опыта своими глазами взглянул на события войны, участником которых был.

Газетчики шахтерского города учатся у него мастерству. «До войны я работал в Белоруссии, в республиканской молодежной газете. После оккупации гитлеровцами Минска оставался в городе, вел подпольную работу. Но вскоре был схвачен гестаповцами», — пишет Н. М. Хмелев в своей повести.

Так он попал в концлагерь Гросс-Розен, а в конце 1943 года его перевели в Бухенвальд. Здесь он установил связь с подпольем лагеря. Товарищи по достоинству оценили острое перо поэта и журналиста. С его стихами выходила подпольная газета «Клич свободы». Несколько его стихов и корреспонденций были помещены в рукописном журнале «Бухенвальд», который после освобождения узников был разможен примерно в ста экземплярах. Два экземпляра Николай Михайлович увез домой. Один он отнес в Советский райком комсомола г. Москвы.

Здесь, наверное, пора сказать, что Николай Коробанов, о котором упоминается в журнале, и Николай Михайлович Хмелев — два разных человека и поэта. Их объединяла борьба.

Сохранить в таких условиях веру в победу — это само по себе уже нравственный подвиг. Но Хмелев боролся. То гневным и сатирическим словом, то нежной строкой напоминал он людям об их человеческом достоинстве, о родных местах, об оставленных в родных краях женах, детях, о Родине, которая приходила к нему в тревожных, лихорадочных снах.

А смерть — рядом. Можно понять, что чувствовал человек, написавший эти строки:

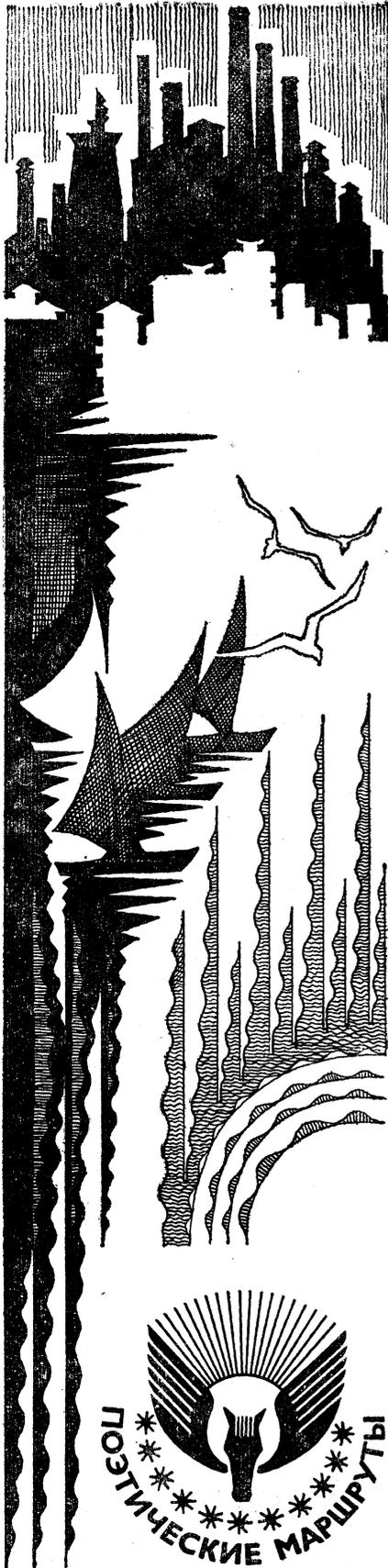
Расскажи что-нибудь о весне...
Но такими сумей словами,
Чтоб с души моей стаял снег
И покрылась она цветами...

Весна пришла. 11 апреля 1945 года узники Бухенвальда подняли восстание. Прорваны три ряда колючей проволоки, разгромлена охрана. Свобода!

В первый день он наелся по горло, в буквальном смысле слова, и все равно хотел есть. Набил подушку галетами, которыми в лагере кормили собак.

В Бухенвальде было более 24 000 советских военнопленных. Освободилось — 4800.

Как манят серебристые вершины

Лев
СОРОКИН

Рисунки
В. Маринова

Говорят, разрушается здание,
Если долго пустует оно,
Если стены не слышат дыханья
И живет в нем безмолвье одно.
Если нет в нем тепла человека,
Не поможет
Ни зной,
Ни жара.
И морщины тоски,
А не века
Долго сводят со стен мастера.
И при этом задачи решают,
Те, что временем стертые давно...
Так и сердце года разрушают,
Если долго пустует оно.

Не стихает долго-долго
От уключин дальний скрип.
Пляшут лунные осколки
Косяком волшебных рыб.

Норовит с цепи сорваться
Непослушный катерок,
Он устал уже мотаться,
Носом тыкаться в песок.

Мне понятно состоянье
Молодого катерка:
Всем, привыкшим к расстояньям,
Не прожить без далека.

Ах, давай ему поможем,
Ну, а он поможет нам:
Словно лошадь расстреножим
Да и пустим по волнам.

Пусть стучит мотор, как сердце,
Сердце бьется, как мотор,
От волны куда же деться,
Если нужен нам простор!

На пруду

На городском пруду
Хороший клев!
У берегов всплывают рыбы стайки,
И появились,
Кроме рыбаков,
Невесть откуда взявшиеся чайки.

Завидую мальчишкам-рыбакам;
Когда я был мальчишкой,
Рыб не стало:
Поллепала мазутом по волнам
Тяжелая промышленность Урала.

Гремели битвы за судьбу Земли,
И было всем
Совсем
Не до природы.
И днем, и ночью реками текли
Индустрии мертвящие отходы.

Как радостен оживший водоем!
Но к радости примешаны печали:
Сначала отравили пруд,

потом
Его так долго к жизни возвращали!

И вот опять не только поплавки,
А плавают окурки, коробки,—
Какие чувства в мальчугане русом?
...От клева появляются круги
И к берегу
Отбрасывают
Мусор.

А боги —
 Не были богами:
 На серебристом корабле,
 Гася грохочущее пламя,
 Они причалили к Земле.

Шуршали ткани из металла,
 Скафандр любой
 Сиял, как нимб.
 Толпа людская трепетала,
 А боги выбрали Олимп.

Они дежурили посменно,
 Ловили трель планетограмм.
 И, поднимая крест антенны,
 Корабль стоял,
 Как будто храм.

Не зря похожи на ракеты,
 Уже летящие с Земли,
 Костелы,
 Церкви,
 Минареты,
 Что люди в прошлом возвели,

Шарят радиотелескопы
 В галактической черной мгле,
 И загадочный звездный шепот
 Разгадать хотят на Земле.

И взлетают ракеты бурно,
 Чтобы звездам взглянуть в лицо.
 Открывается у Сатурна
 Дополнительное кольцо.

Дополнительный спутник малый,
 Что увидеть вчера не могли.
 Неземным собратьям сигналы
 Посылаем опять с Земли.

Только разве оценишь разом —
 Одиноки мы или нет?
 И болезнь материи — разум?
 Или высший ее расцвет?

В этой жизни, такой мгновенной,
 По какой нам сразнить шкале
 Одиночество во Вселенной
 С одиночеством на Земле?

Полузнание —
 Еще не знание,
 Нам рокочет ракетный гром:
 — Лишь когда пойдем
 Мирозданье,
 И себя мы тогда пойдем!

На высоте

Как манят серебристые вершины,
 Не знавшие равнинной суеты!
 Как хочется нам,
 Жителям равнины,
 Глотнуть незамутненной высоты.

И вот уже карабкаемся в горы,
 И сердцу
 Тесной делается грудь.
 Зато видней становятся просторы,
 И пройденный
 Отчетливее путь.

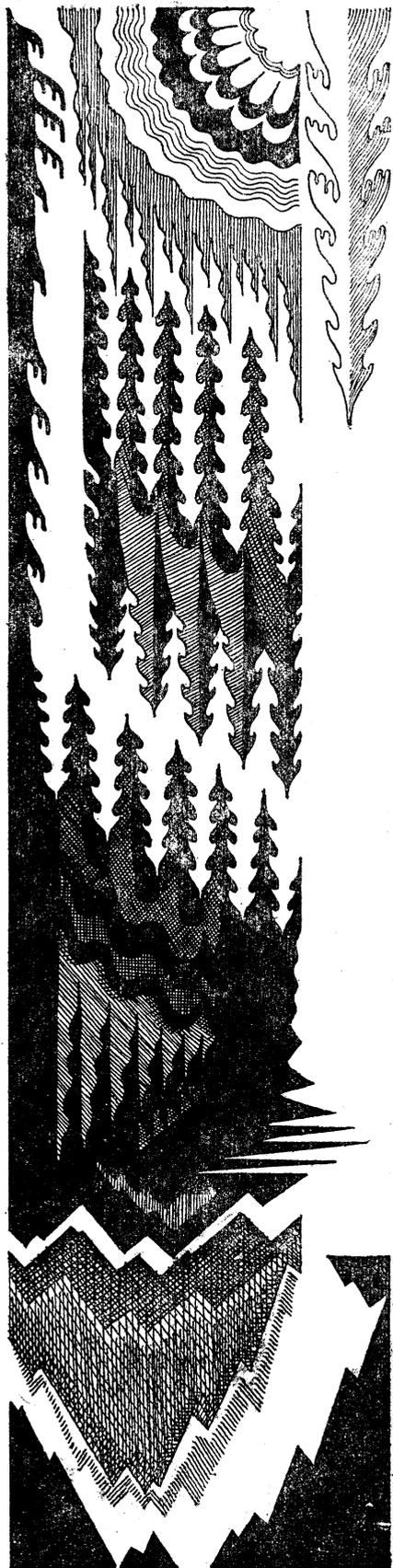
А склоны с каждым шагом —
 Все пустыней,
 Сложней подъем —
 Обрывисто-крутой.
 И чувствуем, как трудно на вершине
 Дышать мертворожденной высотой.

Клубился бой.
 Упал солдат.
 И ни к чему санбаты.
 А был солдат тот
 неженат,
 Как многие солдаты.

И не оставил он детей.
 Скосив цветы июля,
 С ним
 нерожденных сыновей
 И нерожденных дочерей
 Одна скосила пуля.

И обелиски тут и там.
 Они, согласно датам,
 И нерожденным сыновьям,
 И нерожденным дочерям,
 А не одним солдатам.

БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ?

**Сергей
ЛЬВОВ**

*Рисунок
Р. Каптикова*

Хорошо помню муки школьных лет. Одновременно с появлением песни: «На газонах центрального парка в темных грядках цветет резеда, можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда», утверждавшей далее, что и «ретивый комсомолец» и «очень важный ученый» могут весной вздохнуть на луну, были освобождены: из-под подозренья так называемые «западные танцы» — фокстрот, танго, чарльстон.

А до того они долгое время были запретным плодом.

В клубах, учреждениях и школах стали возникать кружки танцев. В нашей школе тоже. Записался почти весь класс. Наша руководительница подошла к делу серьезно. Она начала учить нас, как подходить к девушке, приглашая ее на танец, как кланяться ей, как брать ее руку и как класть руку ей на талию (танцев, когда кавалер и дама танцуют

врозь, тогда еще не было и в помине), как провозжать ее на место и благодарить за танец. Только когда мы все это усвоили, она принялась учить нас самим танцам. Наступил долгожданный день, когда она сказала: «Завтра, на школьном вечере, можете попробовать!»

Наступил вечер. Грянула музыка. И я, глядя на товарищев, отважился. Я знал, что неуклюж и немужыкален, но неужто я ничему не научился на уроках, которые так добросовестно посещал!

По всем правилам подошел я к девочке, которая мне нравилась. По всем правилам, слегка поклонившись, пригласил ее. По всем правилам вывел ее в круг. По всем правилам обнял, от чего у меня сильно застучало сердце. Пока все шло хорошо. Но через минуту, да что там через минуту, через секунду все стало плохо. Одно дело танцевать на занятиях кружка под присмотром руководительницы с безразличной тебе партнершей, другое дело вести в танце на глазах всей школы девочку, на которую давно и безнадежно заглядываешься и которая сама прекрасно танцует.

Я сбился раз, другой, третий. Наступил на ногу своей даме. Она охнула, потом рассмеялась. Вполне добродушно. Но меня этот смех убил. Я бросил ее посреди зала и вышел из круга...

Как можно было поступить дальше? Это я понял много времени спустя. Можно было вернуться к ней, извиниться за неуклюжесть и невежливость и попросить ее рискнуть еще раз. Можно было тихо уйти домой, пережить свою неудачу, снова пойти на занятия кружка и добиться, выучиться... Я не сделал ни того, ни другого. Я остался на вечере. Терзаясь, смотрел я, как танцуют другие, как другой приглашает мою избранницу, и, чтобы скрыть свои истинные чувства, я саркастически улыбался, отпускал язвительные шуточки по поводу танцующих, собрал вокруг себя таких же неудачников, подпиравших стенку, и мы всем своим видом показывали, что выше этих дурацких танцев. Но как тяжело было на сердце и как хотелось танцевать вместе с другими! Больше я на кружок танцев не ходил и на вечерах танцевать не пробовал. И еще долго принимал на танцах ироническую позу — это, мол, я презираю. Так сардонически хмурился и кривился, что однажды мой приятель громко спросил меня:

— У тебя что, живот болит?

Очень обидно, когда у тебя не получается то, что легко дается другим. Свое огорчение и досаду я скрывал неестественным, деланным поведением. Ничего никому этим не

доказал. Помню, как однажды, уже молодым офицером, я все так же, стоя у стеночки, хотел удержать рядом с собой девушку и по привычке иронически комментировал все происходящее в клубном зале.

Она слушала, смеялась. А потом сказала:

— Как вы обо всем интересно рассуждаете. Вот только жаль, что не танцуете...— И упорхнула от меня.

Но вернемся в школьные годы. На уроках литературы я поражений не знал. Мне не составляло труда сделать доклад, выходящий за пределы программы, написать такое домашнее сочинение, что его прочитают в классе. Мало кому приходило в голову, что я охотно уступил бы и свой доклад, и свое сочинение, если бы за это смог избавиться от проклятых тормозов на вечере танцев или перестал бы быть отстающим на уроках физкультуры.

Но однажды я написал сочинение на тему «Портреты героев в творчестве Тургенева». Я раскритиковал, как мне казалось, статичный портрет у Тургенева, противопоставляя ему куда более динамичный портрет у Чехова. Начал я свое сочинение так: «Еще древнегреческий философ Гераклит заметил: «Никто дважды не может вступить в одну реку, через миг и он не тот, и река другая». Наша замечательная учительница литературы, незабвенная Анна Алексеевна Яснопольская написала в моей тетради, что решительно со мной не согласна, но поставила мне «пятерку», признавая за мной право думать о Тургеневе по-своему. Я захотел узнать подробнее, в чем ее со мной несогласие. Она сказала, что моему сочинению не хватает исторической перспективы: портрет Чехова вряд ли был возможен, если бы Тургенев не довел до совершенства портрет, характерный для предыдущего периода литературы. Потом, молодое сверкнув глазами, от чего ее умное некрасивое лицо стало прекрасным, осведомилась, что именно я читал из трудов Гераклита. Гераклита я, понятно, не читал, и честно признался, что его слова об изменчивости мира взял из книги Лункевича «От Гераклита до Дарвина».

— В этих случаях,— строго сказала Анна Алексеевна,— полагается указывать, что вы цитируете Гераклита по Лункевичу. Эрудицию следует иметь настоящую, поверхностной щеголять не следует!

Прошло много времени, прежде чем, оглядываясь назад, я понял, что история с сочинением имела отношение к истории с танцами. Почему?

Потому что я не просто выразил свое отношение к портрету у Тургенева. А сильно сгустил его. Я не просто привел слова древнего философа,— я щегольнул ими. Подспудно надеялся поразить класс. Подсознательно брал реванш и за то, что не танцую, и за то, что неуклюж, и за то, что мало что могу на уроках физкультуры. А сочинение мне Анна Алексеевна прочитала в классе вслух не предложила. Взять реванша не удалось. А если бы прочитал? Разве это что-нибудь изменило бы?

Так я, наверное, первый раз в жизни столкнулся с проблемой: что важно — быть или казаться?

«Быть!» — требовала любимая учительница, которой мы обязаны большим, чем только уроками литературы,— уроками нравственности.

Случилось так, что сам я впервые вошел в аудиторию высшего учебного заведения в качестве преподавателя, когда мне не было и двадцати лет: превратности военного времени. Было это в 1942 году. Я только что закончил курсы военных переводчиков при Военном институте иностранных языков и готовился ехать на фронт. А меня вместе с несколькими товарищами оставили преподавать в институте. Решение это нас не обрадовало, мы рвались на фронт, но наши рапорта нам возвращали. Я знал: моими слушателями будут курсанты, уже закончившие общеобразовательные училища, и даже офицеры. Перед ними я робел. Предстоит мне учить и призванных в армию студентов. Перед ними я смущался. У меня был отнюдь не бравадный вид, более чем скромное обмундирование и сущее несчастье — ботинки с обмотками вместо сапог.

Вот когда передо мной со всей остротой встал вопрос: «Быть или казаться?» Каким я покажусь своим первым ученикам, я представлял себе ясно. Как сделать, чтобы они почувствовали, каков я есть? Я решил начать с лобовой психологической атаки. Продемонстрирую несколько примеров работы военного переводчика, потом скажу: «Вот что я умею, этому я научу вас».

Замену, что мои слушатели немецкий язык немного знали, но военного перевода еще не нюхали.

Я взял с собой трофейные уставы и письма немецких солдат, схемы организации сдвинутый гитлеровского вермахта и с замирающим сердцем пошел в класс. Перед дверью маячил дежурный — выше меня на голову, выправка умопомрачительная, обмундирование, какое мне и не снилось: габардиновая гимнастерка! Офицерский ремень! Хромовые сапоги!!!

Я взялся за ручку двери.

— Ты куда? — грозно осведомился дежурный.

— В класс! — отвечал я.

— Это чего ради? К нам сейчас преподаватель придет!

— Это я! — проговорил я и назвал.

— Брось заливать! — сказал дежурный, но вдруг поверил, осекся, широко распахнул передо мной двери, уступил мне дорогу, и от неожиданности, входя в класс, я командовал не «Ауф! Штильгаштан-дэн!» — «Встать! Смирно!», а «Ауф! Хэнде хох!» — «Встать! Руки вверх!».

Отделение, вскочившее со своих мест, рухнуло на скамьи, давясь от хохота.

Растерявшись и видя перед собой аудиторию, которая, казалось мне, состоит из одних храбрых строителей и блистательных красавиц, я, вместо того, чтобы продемонстрировать на примерах, в чем состоит работа военного переводчика, сразу сказал:

— Сейчас я покажу вам, что я умею...

Тут у меня распустилась обмотка. Я поставил ногу на табурет и начал обматывать ею ногу, но продолжал говорить:

— И этому я научу вас!

Слушатели, задыхаясь от смеха, стали прятать головы под парты.

«Все погибло! — подумал я с отчаянием. — Я появился перед ними, как клоун! Это непоправимо».

Но отступать мне было некуда. Делая вид, что не слышу смеха, я сказал приказным тоном:

— Раскрыть любой устав на любом месте!

Дежурный раскрыл одну из своих книжек. И я стал переводить с листа, сам себе приказав: «В темпе!» Потом проделал то же самое с выхваченным наудачу трофейным приказом. Особенно впечатлил слушателей перевод трофейного письма, написанного возрожденным в гитлеровские времена готическим шрифтом. Непривычному он кажется иероглифами. И наконец, не глядя на схему, отбарабанил структуру двух дивизий вермахта: пехотной и танковой. Я не хвастаюсь — военный переводчик должен все это делать так же быстро и четко, как пулеметчик разбирает и собирает пулемет. Но моим слушателям еще предстояло стать военными переводчиками, а я уже много месяцев занимался этим с утра и до вечера.

Словом, я заставил своих учеников забыть и мою неприличную молодость, и мое гротескно-нелепое появление, даже мои обмотки. Но уж потом мне приходилось каждый день, не давая себе спуска и поблажки, быть, чтобы не заботиться о том, чтобы казаться.

Без малого десять лет — с 1941-го по 1950-й — прослужил я в армии. Едва ли не каждый день жизнь и служба сталкивали меня с дилеммой: «Быть или казаться». В действующую армию я попал поздно. Вначале меня не отпускали с преподавательской работы, потом я тяжело заболел. Когда я наконец оказался на фронте, мне, естественно, было страшно. Но больше всего меня пугало, что кто-нибудь из бывалых фронтовиков, например солдаты из отдельной фронтовой разведроты, из которых трое-четверо несколько раз попадали под мое начало, подумают, что я боюсь. Я решил вести себя так, чтобы никому и в голову не могло прийти такое. Мне отчасти помогли в этом мои неопытность и близорукость. Я часто не понимал, насколько опасно то, куда я иду и куда веду за собой моих временных подчиненных.

Кое-чему меня научило одно происшествие. Я получил в дивизии под расписку группу пленных, только что взятых на окраине Берлина. Мне предстояло провезти их по рокадной дороге, то есть дороге, расположенной в прифронтовой полосе и параллельной линии фронта, к Франкфурту-на-Одере, где шли тяжелые бои, и перебросить пленный через передний край: пусть скажут во Франкфурте, что бои идут уже в Берлине. Чтобы растолковать им достаточно опасное для них задание, я привез их в немецкий фольварк, где, как я знал, размещалась наша разведрота. Представляя себе психологию своих подопечных, я подумал, что полчаса энергичной строевой подготовки облегчат постановку задачи и обеспечат ее выполнение — пленным должны почувствовать, что они снова в условиях непрерываемого повиновения. Я не подозревал, сколь неудачное место и время выбрал я для этих действий — фольварк находился под тяжелым обстрелом. Опытные пленные глядели на разрывы с ужасом, но команду выполняли, автоматчики, меня сопровождавшие и уже ничему не удивлявшиеся, охраняя квадрат, на котором я подчинял пленных своей воле, тихо и с полным основанием ругались. И вдруг я услышал крик:

— Сережка! Ты спишь!

Я оглянулся и увидел под сводом глубоких ворот приятеля по довоенному институту — Давида Самойлова, ныне известного поэта, в те далекие годы — старшину разведроты.

— Сюда! — командовал он. — В укрытие с солдатами и фрицами!

И он увел нас в сравнительно безопасное место, где отругал меня, потом на глазах изумленных ав-

томатчиков и пленный обнял. Мы не виделись с июня 1941 года.

Я бы не решился рассказать эту историю, если бы она не существовала давно в устном рассказе Давида: «Двор под обстрелом. Везжает «Студебеккер», через борт переваливается неуклюже старший лейтенант, за ним автоматчики и пленные, и он начинает муштровать пленных, как на плацу...»

Экспедиция моя продолжалась примерно сутки. Этого хватило! Еще два раза едва не сложив в ней голову, я понял: чтобы «быть», надо вообще не думать, каким кажешься. Думать надо о деле. Если меня убьют потому, что я буду заботиться о впечатлении, которое произвожу, задание будет не выполнено. Не думать о том, насколько храбрым или нехрабрым я кажусь, думать только о деле, остальное приложится!

Многим молодым, да и не только молодым, людям кажется, что тот, кто хочет быть мужественным, должен казаться грубым.

У меня перед глазами десятилетиями маячит выразительный пример. Рос в интеллигентной семье единственный ребенок. Мать любила его без ума и безмерно баловала. Отец, человек немолодой, суровый и властный, был слишком занят работой, чтобы противопоставить этому свою линию. Сыну дали такое воспитание, которое его мать почитала наилучшим и в котором действительно было немало хорошего. Его с детства обучали хорошим манерам и иностранным языкам, со вкусом одевали. Он сам обнаруживал с детства многие прекрасные качества, обычно маменькиным сынкам не свойственные: был смелым и спортивным, хорошо ходил на лыжах, гонял на велосипеде, занимался греблей, учился неплохо, а едва кончив школу, чтобы стать не зависимым от родителей, начал успешно работать. Совсем молодым человеком он выбрал себе другую — трудную, мужественную профессию и другую среду. И вот тут-то, вероятно, услышав насмешки по поводу своего вида и манер и не сумев отстоять своей личности, мой знакомый начал подражать дурным образцам, скрывая свою воспитанность, как дурную болельню.

Когда через несколько лет мы с ним встретились, он играл роль солдафона, лихого хвата, хриплоголосо-го грубияна, сквернословил, плоско острял. С сослуживцами и сверстниками был запанибрата, «кого хошь», по его словам, мог хлопнуть по плечу, со всеми был «на вась-вась», с женщинами обходился, как гарнизонный ловелас. Лихо, на глазах матери, которая не знала, умалиться или ужасаться, хлопал он стакан водки.

Пьянея, был нехорош, мутнел взглядом и мокрыми шлепающими губами нес хвастливую ахинею. При начальстве, с которым, между прочим, отлично умел ладить, вел себя чуть иначе, но основной рисунок был тот же: я — «рубаха-парень», даром что из интеллигентов. А я глядел на него, с детства владеющего французским и немецким, твердо знающего, в какой руке держать вилку, а в какой нож, думал: «Неужто другие не видят, что он — ряженный, что у него, как у скверного актера, голос напряженно-неестествен, актерские приспособления» утомительно однообразны и неубедительны, «парик и грим» не могут скрыть внутренне неуверенного в себе человека, что он корчит из себя сильного, потому что, очевидно, слаб? Пройдет с годами».

Так я думал с надеждой: этот знакомый детских лет был не безразличен мне. Нет, не прошло! Целая жизнь протекла, и теперь этот уже старый человек изъясняется все тем же грубоватым тоном, так же мгновенно переходит с любимым на «ты», развязно хлопает своих собеседников и слушателей по плечу, беспардонно хвастается, стараясь убедить, что этот тон и есть проявление мужества, которое-де свойственно отважным летчикам, мореходам, землепроходцам. Этот тон сидел на нем когда-то, как наряд с чужого плеча. Теперь он оброс им, как коростой. Хотел в юности совлечь с себя ветхого Адама старомодного благонравного домашнего воспитания, не стал отстаивать того, что было в этом воспитании ценным, а во что облекся? В постоянный грим и костюм хама. Но этот грим и наряд не безразличны к сущности человека. Если в жизни долго изображать хама, с годами непременно станешь хамом. Так оно и произошло.

Существует расхожий литературно-психологический штамп. Грубость и резкость часто изображаются в книгах, на экране и на сцене так как проявление недюжинной творческой личности, то как защитная броня, под которой скрывается нежная и ранимая душа. Но нередко под маской грубости не скрывается ничего, кроме грубости. Я с печальным недоумением вначале прочитал, а потом посмотрел в театре пьесу умного и талантливого драматурга, многие произведения которого мне очень дороги. В провинциальный городок попадает крупный московский архитектор. Он недоволен тем, как в глуши воплощен его замысел. Все это он в грубейшей, высокомернейшей форме выкладывает местному коллеге, который пришел проводить его на аэродром. Гость язвит

по поводу возражений местного архитектора, унижает его, беспардонно пользуется тем, что тот моложе, скромнее, уважает в приезде гостя и пожилого человека. Все грубое, унизительное, обидное приезжий словно нарочно говорит молодому коллеге в присутствии его жены. Попутно похвальноется — ему-де нужно как можно скорее улететь отсюда, командировка в дальний город для него — эпизод, у него много дел поважнее. Через несколько дней его ждут в столице некоей развивающейся страны, где строят город по его проекту.

С другими жителями глубинки, ничем перед ним не провинившимися, кроме того, что проявили интерес к знаменитому приезжему, он столь же высокомерен. Бесцеремонно компрометирует он одинокую и, судя по всему, хорошую женщину, которая с ходу (правда, неизвестно почему) увлеклась им, оскорбляет ее поклонника, который с полным основанием хотел уберечь ту, что любит, от двусмысленной ситуации. Но автор старается нас убедить в том, что под этой маской — большая душа и оригинальный ум.

Нам хотят внушить, что большой талант (доказательств чему мы не видим) имеет право на «нестандартное» поведение, заключающее в себе уроки небанальности, яркости. А мне захотелось сказать драматургу: я столько раз верил вашим пьесам. На этот раз — не верю. Вы поэтизируете человека, за позой которого нет ничего, кроме чувства собственной безнаказанности.

Быть или казаться? Своеобразно возникает эта проблема в жизни людей свободных профессий — актеров, литераторов, музыкантов. Многим из них веками было свойственно стремление выделиться, подчеркнуть свою исключительность, свою принадлежность к избранным. Так появились выражения: «поэтическая прическа», «актерская физиономия», «художественный беспорядок». Поэтические кудри до плеч, бархатные куртки и банты художников, шевелюры музыкантов описаны в литературе, запечатлены в живописи и на фотографиях. Высмеяны в карикатурах и эпиграммах. Менялась мода, а вместе с ней и особое внутри моды — ее художественно-артистическое ответвление. Помните провинциального «первого любовника» в одном из рассказов Чехова? Молодого человека в прюнелевых ботиночках и с томным голосом, который рассказывает о своих несуществующих любовных победах?

Настоящим актерам, настоящим поэтам, настоящим музыкантам не приходится заботиться о том, чтобы

их узнавали по внешнему виду, по оригинальности одежды и манер. Такое стремление — почти всегда признак внутренней неуверенности.

Первыми известными литераторами, с которыми я познакомился в юности, были Михаил Аркадьевич Светлов, Константин Георгиевич Паустовский, Александр Иосифович Роскин, Рувим Исаевич Фраерман — каждый личность, да какая! Но напрасно напрягаю я память, чтобы вспомнить, чем отличался их облик от любого представителя интеллигентной профессии тридцатых годов. Ничем!

Вот у меня на столе одна из последних фотографий Светлова. Он сидит на сцене Центрального Дома литераторов в день своего последнего юбилея. Скромный темный костюм, незаметный галстук, в костюме ни намек на оригинальность или фатовство.

Стою перед огромной витриной с довоенными фотографиями литераторов, погибших на фронтах Отечественной войны. Какие скромные костюмы, пиджаки, куртки, кепки, рубашки! И какие прекрасные, какие незаурядные лица! Зато вспомните, как вызывающе импозантен, как демонстративно-элегантен был Егор Агапенков в неоконченном «Театральном романе» Булгакова и какую сатирическую злость романиста вызывало его демонстративное сибаритство!

Одного такого служителя муз мне довелось увидеть в студенческие годы. Он, знаменитый писатель, вел в Институте истории, философии и литературы кружок начинающих прозаиков. Странно, я прекрасно помню до сих пор то, что в школьные годы слышал от Светлова, Роскина, Паустовского, Фраермана, но начисто забыл все, что говорил нам знаменитый романист. Зато помню его прекрасно поставленный актерский голос, его барственные манеры. Мы провожали его после занятий к остановке трамвая. Шли по Ростокинскому проезду, что в Сокольниках, похажуем в те годы на улицу провинциального города.

Можно было поручиться, что до следующего занятия нашего кружка здесь не пройдет больше ни одного такого щеголя средних лет, с такой тяжелой тростью, с таким массивным перстнем, с такой английской трубкой, в такой серо-голубой шляпе, в таком не по годам ярком шарфе.

— Европа, а! — как говаривал Остап Бендер.

Продуманный облик нашего наставника говорил всем: вот идет не кто-нибудь, а человек творческий!

Его облик запомнился. Его суждения начисто забылись. Но в конце концов не это главное. А его книги? Я недавно раскрыл их: написано мастеровито, щегольски, с

блеском, но, господи, как холодно — сплошная демонстрация самоцельного профессионализма.

Конечно, времена изменились. В наше время от молодого рабочего парня до известного пожилого ученого едва ли не все обращают внимание на свою внешность: позы, пожалуй, покажется теперь чрезмерная скромность одежды.

Мне уже приходилось рассказывать историю своего осеннего пальто. Но так как читатели «Уральского следопыта», возможно, ее не читали, повторю ее здесь.

В годы моего довоенного студенчества нас не занимало, как мы одеты. Донашивали одежду школьных лет, покупали дешевые бумажные свитера, тяжелые ботинки на кожмимте или парусиновые туфли. Многие ходили на занятия в байковых лыжных костюмах — они отличались бесформенностью, унылыми расцветками, но большой практичностью.

Драм из-за того, что нечего надеть, среди моих сверстников не помню. Пока у меня самого не возникли впервые переживания на этой почве. Осенью оказалось, что пальто, купленное, когда я учился в восьмом классе, носить более невозможно. Я получал стипендию, подрабатывал переводами, но вклад мой в семейный бюджет был невелик. Просить у родителей, а тем более требовать нового пальто мне, восемнадцатилетнему, было стыдно. Мама извлекла из сундука папину осеннее пальто-реглан, сшитое из верблюжьего сукна в начале двадцатых годов. Сейчас, в 1980 году, проникнутом ностальгическими настроениями, оно, вероятно, заставило бы модников побледнеть от зависти. Но, надев его осенью 1940 года, я оторопел. Оно доходило мне до пят, было бутылочно-зеленого цвета и застегивалось на огромные костяные пуговицы.

— Весьма эффектно! — сказала мне в утешение моя тетьа, вызванная на консультацию, и ушла хохотать в другую комнату. Я покорился судьбе. В ту пору я увлекался Александром Грином. Мне показалось, что такое пальто могло бы облекать одного из его героев. Почувствуют ли это сходство мои товарищи? Примирит ли оно с моим пугающим видом девушку, в которую я влюблен? Чтобы подчеркнуть суровый романтизм своего одеяния, я в огромную петлю на лацкане просовывал не пуговицу, для него предназначенную, а большой палец правой руки, зажимая четырьмя остальными пальцами грубую ткань пальто. Я ходил в этом пальто подчеркнуто широкими шагами, мрачно насупив-

шись и нервно комкая ткань, казавшуюся мне столь же суровой, как моя жизнь в роли одного из героев Грина. Но этого сходства не оценил никто из нашей компании. Только мой друг Женька сказал однажды, когда мы через Сокольники возвращались из института домой:

— А не пыжился бы ты, братец!

И между нами состоялся памятный разговор, что естественное поведение, при котором все — интонация, манеры, одежда — полностью отвечает внутренней сущности человека, — редкое благо. Большинству в юности приходится трудно, иногда мучительно искать свой внешний образ. В юности мы мечемся между двумя крайностями: хочется быть, как все сверстники, походить на них одеждой, манерами, речью, и хочется выделиться, быть заметным, оригинальным, недюжинным, непохожим на других. Немногим удается в молодости миновать оба искуса, легко найти естественную манеру поведения, стать сразу самим собой. Жалости достоин взрослый человек, который, напялив на себя однажды неподходящую манеру, таскает ее на себе, как одежду с чужого плеча, до старости.

— Надо быть, а не казаться! — сказал Евгений. Вот тогда я впервые услышал эту точную и емкую формулу.

Быть, а не казаться!

Теперь-то я понимаю. Это значит: о сущности думать больше, чем о внешности. И уж ни в коем случае не подчинять свою сущность внешности. Легко сказать! А если у молодого человека нет ничего, чем он мог бы проявить себя, заявить о себе: ни особых талантов, ни даже заметных способностей, ни определенного увлечения? А проявить себя, а заявить о себе хочется! Это понятно. И нам хотелось в молодые годы. И мы страдали, если это не удавалось. И вот у некоторых появляются всякие украшения и цапки — в прямом и переносном смысле слова. В расстегнутом вороте цепочка или даже обруч, такой странный на мужчине, перстень с большим искусственным камнем, или — сам недавно видел — брюки из кожи с муаровым тиснением, менявшие свой цвет в зависимости от освещения. Седые волосы на юной девушке. В голосе ненатуральный звук, в интонациях наигранный, деланный тон. Да мало ли способов показаться оригинальным? Споры нет, они иногда приносят успех. Ими удается привлечь к себе внимание. Даже найти подражателей. Случается — поклонниц и поклонников.

Надолго ли? Самые вычурные украшения нетрудно переделывать еще более вычурными. Вы наденете ошейник, а ваш сосед подвесит лезвие бритвы — есть ведь и такая

мода! Вы, молодой мужчина, обуе-тесь в туфли с каблучками в пять сантиметров высоты, а знакомый переплюнет вас на сантиметр и будет ковылять почти на дамских каблучках. Вы овладеете всеми роскожными жаргонными словечками, а кто-то вас пережаргонит, и пока вы еще будете говорить «обалденно», он изобретет какое-нибудь «экзвизитно»!

В этом соревновании обогнать и выиграть нельзя. Можно только отстать и проиграть. Потому что все это непрочно и эфемерно, мгновенно облетает, устаревает, перестает производить впечатление. И через какое-то время человек, погнавшийся за тем, чтобы казаться оригинальным, модным, особенным, оканчивается у разбитого корыта. Его переоригинальничали, его перемодничали, его пережаргонили другие.

Вот если он, осознав, что ему пока нечем заявить о себе окружающим, изберет иной путь — путь накопления истинных ценностей, — тогда возможен успех.

Путь этот долог, тернист и труден. В пределах этой статьи мне даже кратко не удастся рассказать о нем.

Оглядываясь на теперь уже прожитую жизнь и думаю, что всегда, когда я старался быть, я обретал безусловные ценности: друзей, знания, опыт. Когда же — а смолоду это бывало частенько — старался казаться, я терял: друзей, время, собственную сущность.

Быть, а не казаться. Четыре слова. Целая программа. Благородная и благотворная.

МОДЕЛЬЕРЫ

**Мария
ПОПОВА**

*Рисунки
О. Аплесниной*

«Хочу быть модельером. Хочу придумывать новые виды одежды. Не сошелся же свет клином на одних джинсах, которые стали каким-то обидным заменителем нового, модного. Где и как научиться этой профессии?»

Марина Федорова, г. Шелково Московской области.

Пятнадцать институтов страны готовят модельеров. Такие учебные заведения есть в Москве, Ленинграде, Риге, Вильнюсе, Кирове, Иваново... В основном это технологические институты.

А учатся профессии модельера, как и всякой другой, всю жизнь. Если подходить к любимому делу творчески...

Тою душистой оделася ризой,
какую Афина,

Ей соткав, изукрасила
множеством дивных
узоров.

Ризу златыми застежками
выше груди застегнула,
Стан опоясала поясом, тьмою
бахром окруженным...

Так описал Гомер костюм Геры. Серьезное, стало быть, значение придавали древние греки одежде! Само же моделирование появилось еще раньше. Уже в IV тысячелетии до нашей эры знатные египтяне украшали одежды драпировкой, вышивкой, плиссировкой.

...Трудно пересказать, какие метаморфозы претерпела мода от первоначальной простоты до капризов изысканного XIX века и до сегодняшнего костюма века космического. Да, моделирование всегда было делом непростым, и сказать что-то новое в конструировании одежды — значит сделать открытие.

Десятки домов моделей страны придумывают для нас костюмы, пальто, туфли. Мой рассказ — об одном из них, Пермском Доме моделей одежды. А гиды в профессию — молодые художники-модельеры Людмила Казакова, Людмила Серова, Леонид Лемехов и Игорь Прохоров.

...Пермский Дом моделей одежды — один из крупнейших в стране. Здесь работает 400 человек: модельеры, конструкторы, раскройщицы, швеи... Более 100 образцов передают они ежемесячно швейным предприятиям Удмуртии, Татарии, Костромской, Пермской областей. Восхищались изделиями пермяков на международных выставках в Румынии, Турции.

Долгий путь проходит новая вещь от замысла до воплощения. Обычно около двух лет. Пермские модельеры сумели сократить время до года, соединив два этапа — моделирование и конструкцию (создается сразу конструкция). Риск немалый, но считают, что качество не страдает.

И все же: что такое моделирование? Это — один из видов декоративно-прикладного искусства. Конечно, трудно назвать иную одежду произведением искусства, но тем не менее... Одежда — украшает. И нас, и жизнь нашу.

Внешний вид человека складывается из многих компонентов. Но, к сожалению, моделируют только одежду, в лучшем случае в сочетании с обувью. Надо бы учитывать все, вплоть до шнурков. «И так будет», — убежденно говорит Леонид Лемехов, главный художественный

руководитель Дома моделей. И продолжает: «Советское моделирование представляют в основном женщины. Существует еще своеобразный психологический барьер: мужчина — и вдруг с тряпками возится. Убеждаюсь: наше дело требует, кроме искренней любви к профессии, решительности, выдержки, раскованного, оригинального мышления. Не мужское ли это дело?»

Людмила Казакова — художник-модельер детского легкого платья. В работу свою влюблена, хотя придумывать одежду для детей несравнимо трудней. Сложно учесть индивидуальность маленького человека. Детское моделирование — дело новое. Мало выпускается специальных тканей. Трудно кроить и шить. Примерки (а это тоже работа модельера) проводить тоже непросто. Попробуйте, к слову, надеть платье на годовалого малыша.

— Модельер — это рисовальщик и технолог, конструктор и планировщик, экономист и психолог. Иногда нужно просто мужество, чтобы узнать свою модель на улице. Бывает так: предлагаем фабрике несколько эскизов. Их обсуждают сначала на малом художественном совете (у себя, в Доме моделей), потом на большом (вместе с представителями швейных предприятий и магазинов). Утвержденная модель идет на поток. И вдруг оказывается, что на фабрике нет тех пуговиц, пряжек, тесьмы, которые нужны по задуманной модели. И другого нет. И третьего. Вот и получается: на эскизе — одно, в магазине — другое...

Людмила Серова окончила швейное отделение Ивановского текстильного института. До сих пор с трепетом вспоминает вступительные экзамены (тогда, в 1971 году, конкурс был 7 человек на место). Необычайно интересные запомнились уроки: история костюма, рисунок, материаловедение... Люда считает, что ей очень повезло. Мечта сбылась!

Пятнадцать часов дается художнику на разработку каждой плановой модели. За это время надо создать эскиз, сделать лекало (выкройку). Потом новинка идет в раскройный цех, в швейный. Снова обсуждается — и на поток.

Игорь Прохоров считает главным качеством модельера профессиональную жадность, способность постоянно искать новое. Работает Игорь в отделе женского легкого платья. В его моделях подчас столько неожиданного, что, не удержавшись, замечаю: «Решится ли кто надеть их?»

«Я и не предлагаю! — говорит Игорь Прохоров. — Иногда хочется просто показать характер материала, его выразительность. Да и прогнозирование не только для завтра. А может, в 2079 году предпочтут, к примеру, платье с одним рукавом...»

Где же «подглядывают» художники свои модели? В жизни, на улице. Неисчерпаемый источник, по мнению Леонида Лемехова, исполняющего обязанности главного художественного руководителя, и по сей день — народный, особенно современный народный костюм. Много дают творческие контакты с товарищами по профессии. Для работы с журналами, книгами предоставляются три так называемых эскизных дня в месяц.

Еще раз оглядываю своих знакомых:

— Простите за прямоту, но я ожидала увидеть на работниках Дома моделей что-нибудь этакое, удивительное...

— Вы, наверное, слышали в разговорах такое выражение: «крик моды». Так вот, чем культурнее человек, тем меньше он кричит. И сегодняшняя задача модельеров учить не столько модности, сколько культуре одежды...

Анатоль Франс сказал как-то: «Если бы я мог выбирать из всего множества книг, которые выйдут через 100 лет после моей смерти, угадайте, какую бы я себе выбрал? Не был бы это ни роман, ни исторический трактат... Я выбрал бы себе журнал мод, чтобы увидеть, как будут одеваться женщины через 100 лет после моей смерти. И их одежда мне бы сказала больше о будущем человечества, чем все философы, министры, проповедники и ученые».

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

В редакцию «Уральского следопыта» продолжают поступать письма, в которых ребята спрашивают адреса училищ, техникумов, вузов, где можно получить ту или иную специальность. Первые две подборки были опубликованы в 8-м и 10-м номерах журнала за прошлый год. И вот новые вопросы. Чаще всего письма начинаются словами: «Хочу стать...»
Итак, хочет быть...

— ВЕТЕРИНАРОМ.

(*Кончикова Надя, г. Красновишерск Пермской области.*)

Советуем поступить в Свердловский сельскохозяйственный институт (ул. Карла Либкнехта, 42).

— ШВЕЙНИКОМ.

(*Садикова Алла, г. Актюбинск Каз. ССР.*)

Адрес техникума легкой промышленности города Куйбышева: г. Куйбышев, ул. Партизанская, 60.

— МАШИНИСТОМ ЭЛЕКТРОВОЗА.

(*Сергей Вовк, г. Кустанай.*)

Сережа, ты можешь поступить в Свердловский техникум железнодорожного транспорта (г. Свердловск, ул. Быкова, 34а) или в Петропавловский техникум железнодорожного транспорта (Северо-Казахстанская область, г. Петропавловск, ул. Юрия Медведева, 1а).

— ХОЧУ ЗАНИМАТЬСЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНЫМ ИСКУССТВОМ.

(*Юشناкова Надя, поселок Пионерский, Тюменская область.*)

Факультет декоративно-прикладного искусства есть в двух вузах страны: в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой (Ленинград, Соляной переулок, 13) и в Московском высшем художественно-промышленном училище (Москва, Волоколамское шоссе, 9). Кроме того, существует институт декоративного и прикладного искусства в городе Львове (Львов, ул. Гончарова, 38).

— ГЕРМАНИСТОМ-ЛИТЕРАТУРОВЕДОМ.

(*Кочнева Наташа, г. Артемовский, Свердловская область.*)

На филологическом факультете Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета есть специальность: романо-германские языки и литература.

— ГЕОЛОГОМ.

(*И. Вахрушев из пос. Ильинка Бодьинского района Якутской АССР.*)

Вот адреса некоторых геологических техникумов: г. Иркутск, ул. Лермонтова, 104; г. Новосибирск, Красный проспект, 72; Томск, Гагарина, 11.

— ВОСПИТАТЕЛЕМ ДЕТСКОГО САДА.

(*Ларионова Наташа, пос. Пашня Горнозаводского района Пермской области.*)

Наташа, ты выбрала очень интересную и нужную профессию. Воспитателем детского сада ты сможешь стать после окончания Пермского педагогического училища № 1 (г. Пермь, ул. Белинского, 50) или

Кунгурского педагогического училища (г. Кунгур, ул. Ленина, 79).

— ЛЕСНИКОМ.

(*Света Д. из р. п. Белоярский, Свердловская область.*)

Свете мы советуем пойти учиться в Уральский лесотехнический институт на факультет лесного хозяйства (г. Свердловск, Сибирский тракт, 5-й километр).

— ДИКТОРОМ.

(*Лена Николаева, пос. Дальний, Алтайский край.*)

Обычно дикторами становятся люди, окончившие театральное училище или имеющие другое, лучше гуманитарное и высшее образование. В случае необходимости комитеты по телевидению и радиовещанию объявляют конкурс на вакантное место диктора. Учитываются артистизм, четкость речи, умение держаться перед камерой, находчивость и т. д.

Проработав несколько лет, дикторы повышают свою квалификацию на специальных курсах в г. Москве.

— АРТИСТКОЙ.

(*Оля Никитина, пос. Зий Северный г. Североуральска.*)

Театральные училища есть в городе Свердловске (ул. Томятти, 26а), в Иркутске (Тимирязева, 20), в Новосибирске (Октябрьская, 40).

— АСТРОНОМОМ.

(*Света Перескокова, г. Шахтинск, Карагандинская область.*)

Полюбившуюся тебе астрономию, Света, изучают на физических факультетах в университетах таких городов: Казань (ул. Ленина, 18), Киев (ул. Владимирская, 60), Одесса (ул. Петра Великого, 2), Москва (Ленинские горы), Харьков (ул. Дзержинского, 4).

— ТОВАРОВЕДОМ.

(*Бездомова Наташа, село Шумиха, Курганская область.*)

В Свердловском институте народного хозяйства есть факультет товароведения и организации торговли. Его адрес: ул. 8 Марта, 62.

БЛЮДО ШАХИШАХА

Приключенческая
повесть

Леонид
ЮЗЕФОВИЧ 7

Рисунки
С. Сухова

Федоров появился около пяти часов. Костя углядел его еще на улице и, быстро отомкнув входную дверь, притаился в темной прихожей, под лестницей. Федоров дал два звонка, потом догадался потянуть дверь. Над головой у Кости посветлели проемы между ступенями.

— Лера! — позвал Федоров. — Валерия Павловна!

Не дождавшись ответа, стал подниматься на второй этаж. Когда отскрипели ступени, Костя повернул ключ в замке, отрезая Федору пути к отступлению, и тоже двинулся вверх. Он шел

Окончание. Начало см. в № 4.

по лестнице, стараясь держаться у самой стены, и ступени под ним не скрипели.

— Лера, голубушка! Где вы? — взывал Федоров, переходя из комнаты в комнату.

Все это произошло стремительно — одна дверь, другая, третья. Ритм стен, косяков и притолок, странное ощущение распадающегося на комнаты пространства — словно крокетный шар катится через воротца.

Федоров обернулся. Удивленно, по-птичь, свесил голову набок:

— Я ищу смотрительницу музея...

Он произнес эти слова вдумчиво, с придыханием. Их можно было истолковать примерно так: я честно объяснил свою надобность и теперь жду от вас того же, откровенность за откровенность.

— Вы меня не узнаете? — спросил Костя.

Они встречались мельком года два назад.

— Нет... Мне нужна смотрительница музея, — видно было, что Федоров начинает беспокоиться.

Он шагнул к двери и вдруг понял, что пройти ему не удастся. Это ясно обозначилось на его лице. Сделав еще один шаг — значительно короче первого, Федоров остановился.

— Если вы меня не помните, — сказал Костя, — тем лучше.

Эта загадочная фраза произвела на Федорова совершенно убийственное действие. Сморщившись, он начал зачем-то отряхивать пальто. Затем вытащил бумажник, неуверенно извлек из него несколько омских пятидесятирублевых билетов.

Костя покачал головой.

Федоров заменил омские билеты царскими, присовокупив к ним несколько керенок.

— Больше у меня ничего нет! — в его голосе прозвучал жалкий вызов.

Косте стало неловко. Двумя пальцами он сжал за ребра драхму шахиншаха Балаша, показал Федорову:

— Откуда у вас эта монета?

— Дочь подарила, — с готовностью ответил тот.

Он слегка успокоился — если речь зашла о монетах, значит, перед ним порядочный человек. Во всяком случае происшедшие на его брыластом лице перемены Костя объяснил себе именно так.

— Что взял за нее Лунцев? — поинтересовался Федоров. — Он ведь, по правде говоря, изрядный прохвост. Нумизматика сама по себе его не интересует...

— А каким образом она попала к вашей дочери? — спросил Костя, начиная понимать всю нелепость своей затеи.

Федоров уловил в голосе Кости какие-то колебания и это, видимо, прибавило ему уверенности.

— Видите ли, — наставительно произнес он, —

у нас в семье существует традиция. Именные подарки должны быть не только сюрпризом, но и тайной. А эту монету дочь подарила мне на день рождения.

— Ее одну?

— Еще несколько восточных серебряных монет. Не знаю, где она их взяла. Не говорит! Хотя и спрашивал, разумеется. Думаю, через неделю сама расскажет, не утерпит... А почему вас это интересует?

«У меня еще в запасе дней пять-шесть, — прикинул Костя. — Потом начнется повальное бегство, и тогда все...»

— Нумизматика — это наука наук! — вымученно пошутил Федоров.

Костя достал браунинг, но постеснялся наводить его на Федорова. Просто держал дулом вниз в опущенной руке.

— Вам придется задержаться здесь до тех пор, пока я не проверю ваше сообщение...

Как это сделать, он и понятия не имел.

Отвел Федорова в чулан. Спросил, задвигая засов:

— Может быть, еще что-то вспомните?

Молчание.

— Вы когда-нибудь слышали о нумизматической коллекции профессора Желоховцева?

Молчание. Удар ногой в стену.

— В таком случае вы пробудете здесь долго.

— Вы вор! — Федоров глухо ударился грудью о дверь. — Теперь-то я все понимаю! Это не музей, это осиное гнездо!

Распахнув дверь, Костя швырнул в чулан стоявшее неподалеку пустое ведро. Проговорил сквозь зубы:

— Для надобностей!

Якубов шел по направлению к Покровке. Еще перед войной, следя за неверными мужьями и женами, Рысин пришел к выводу, что такие города, как Петербург или Пермь с их прямоугольной планировкой, идеально приспособлены для слежки. Человек виден на улице далеко, сколько глаз хватает, не то что в Москве, например, где от самого опытного филера скрыться нетрудно.

Было совсем светло, ночи стояли белые, опять же как в Петербурге. Пиджак Якубова зеленым пятном маячил впереди. Впрочем, Рысин привык уже к самому очерку его фигуры, к его походке, манере размахивать при ходьбе правой рукой и легко находил взглядом привычный силуэт даже днем, в толпе. Сейчас это и вовсе нетрудно было сделать. Улицы к вечеру опустели. Редкие прохожие старались не смотреть друг на друга, шли торопливо — последнее время при явном попустительстве комендантуры и милиции в городе действовало несколько банд. Кое-где в домах уже зажгли лампы.

В белесых сумерках они освещали плоскости окон не полностью, теплились желтыми кружками, и потому не было ощущения покоя и уюта за этими окнами, как в осенние или зимние вечера, когда они светятся в темноте ясными, четко очерченными прямоугольниками.

Одиноким паромом протрубил на Каме. Они пересекли Покровку, дошли до здания Кирилло-Медоидиевского училища. Здесь Якубов свернул налево.

«Домой», — с некоторым разочарованием подумал Рысин.

Он следил за Якубовым уже второй день. Причем делал это на свой страх и риск. Как-то не удержался Рысин и вскользь упомянул Якубова, как одного из подозреваемых, и Тышкевич отнесся к этому с ничем не оправданным возмущением.

По каким-то не известным Рысину причинам Тышкевич не хотел трогать именно Якубова.

Правда, комендант пребывал последние дни в самом отвратительном расположении духа. Делами почти не занимался и, запершись в кабинете,пил шампанское с машинисткой Ниночкой. Потом Ниночка садилась к своему «ремingtonу» и дрожащими пальцами начинала отстукивать какие-то инструкции, которые Тышкевич диктовал ей громовым голосом. Вскоре обнаруживалась ошибка, Ниночка с готовностью пускалась в слезы, после чего они вновь запирались в кабинете... И Рысин думал: может, не стоит искать в отказе Тышкевича особых причин? Может быть, отказ этот попросту вызван дурным настроением коменданта и тем все усиливающимся раздражением, которое тот испытывал к своему помощнику по уголовным делам?

Когда за Якубовым закрылась калитка, Рысин прошел в конец квартала и сел на лавочку у чьих-то ворот, решив для очистки совести подождать минут двадцать — вдруг еще выйдет. Через двадцать минут он продлил себе срок до одиннадцати. В одиннадцать — до половины двенадцатого. В двадцать пять минут двенадцатого Якубов опять появился на улице. Спрятавшись за углом, Рысин пропустил его вперед, и все началось сначала. По Сибирской дошли до Благородного собрания, свернули на Вознесенскую и добрались почти до самого тюремного сада. Здесь Якубов взошел на крыльцо деревянного, оштукатуренного под камень особняка с мезонином. Островерхий мезонин напомнил Рысину часы с кукушкой. Вот-вот, казалось, запахнутся ставеньки, и оттуда высунет голозку железная птица, подобная той, что на стене его собственной комнаты отпечала механическим криком ход времени, распорядок трапез, невозможный срок отхода ко сну.

На обшитой в рустик двери виднелась вертушка звонка с надписью «Прошу крутить», а

рядом бронзовая табличка: «Д-р А. В. Федоров, внутренние болезни». Рысин насторожился — опять этот Федоров? Было очевидно, что в такое время Якубова привела сюда отнюдь не болезнь внутренних органов.

В доме горели два угловых окна. Одно было раскрыто. Возле него стояла та самая барышня, которая сидела с Якубовым за одним столиком. На ее плечах лежал шерстяной платок с двойной белой каймой. Рысин всегда безотчетно жалел женщин, когда они кутаются в платок либо шаль. Жена знала за ним такую слабость и пользовалась ею не без успеха. Веяло от этой позы беззащитностью и домашней тревогой — болезнью ребенка, поздним возвращением мужа, женским вечерним одиночеством... Якубова видно не было. Речь его, глухая и медлительная, долетала из глубины комнаты отдельными словами, и Рысин, как ни напрягал слух, не мог уловить смысл разговора.

Наконец Якубов шагнул вперед, к окну. На мгновение тень его выросла до самого потолка — лампа горела настольная, потом сжалась, пропала, и Рысин разобрал одну фразу:

— Алексей Васильевич спит уже?

— Папа до сих пор не возвращался, — чистый голосок барышни слышен был отчетливо. — Ума не приложу, куда он мог подеваться!

Темнел дом, палисадничек. Пасмурные звезды выступали в небе.

Якубов спросил что-то.

— Это за ним не водится, — ответила барышня.

Чуть слышно скрипнула ограда, какой-то человек спрыгнул на землю в двух шагах от Рысина и, не замечая его, метнулся к углу дома. Его голова обозначилась на фоне освещенного окна — оно уже прямоугольником горело в сумерках, — и Рысин успел разглядеть студенческую фуражку, очки, полоску усов.

Человек стоял, не шевелясь. Со стороны улицы его теперь прикрывали деревья. На темной жести водосточной трубы смутно белела кисть руки.

«Мы должны были встретиться, — думал Рысин. — Я чувствовал, что мы встретимся...»

Якубов вернулся к окну, сорвал с ветки листик сирени и задумчиво помял его губами. Спросил, не вынимая листика изо рта:

— Когда едете?

«Если он следил за Якубовым, то заметил бы и меня. Или я бы его заметил. Значит, он пришел сюда не за Якубовым. Он пришел к Федорову или его дочери. Следовательно, ему известно что-то такое, чего я не знаю... По приметам точно он!»

— Еще не решили, — сказала барышня. — Смотря по обстоятельствам.

— Да, совсем забыл! Мы условились, что вещи я перевезу к себе. Завтра утром...

Барышня удивленно вскинула головку:

— Почему я ничего не знаю?

— Сам поражаюсь... Все решено еще вчера.

— Ты пришел сообщить мне об этом?

— Вообще нет. Я был уверен, что ты знаешь...

Мне хотелось поговорить с Алексеем Васильевичем.

— О чем? — барышня задавала вопросы жестко, отрывисто.

— Думал узнать, не слышно ли чего нового об убийстве Сережи Свечникова. Как мне сказали в университете, твой отец освидетельствовал тело вместе со следователем из комендатуры.

Человек в студенческой фуражке убрал руку с водосточной трубы, придвинулся к окну. И Рысин ясно представил себе, что сейчас произойдет. Шелест раздвигаемых листьев, хруст веток, одна рука хватается за раму, в другой револьвер...

Ничего, однако, не произошло.

И уже в следующее мгновение Рысин понял — почему: завтра утром этот человек будет здесь.

И еще угадалось: о смерти Свечникова он услышал сейчас впервые.

Рука опять легла на водосточную трубу.

— Завтра в восемь я буду у тебя, — сказал Якубов.

«И он тоже будет здесь завтра в восемь!»

— Выйдем вместе, — отозвалась барышня. — Может быть, папа у Лунцева засиделся.

— Кто это?

— Зубной техник. Также нумизмат.

— Тебя проводить к нему?

— Не стоит, здесь рядом... Разве что до угла.

Погасли окна, хлопнула дверь. Тонкий отзвук молоточка в звонке надолго повис над палисадником. Мелькнули за оградой зеленый пиджак Якубова, жакетка его спутницы, и вскоре их приглушенные голоса смолкли в конце квартала. А еще через четверть часа Рысин, следуя за своим нечаянным соседом, заметил, что тот остановился перед входом в научно-промышленный музей и начал шарить по карманам — видимо, искал ключ.

— Трофимов! — тихо окликнул его Рысин, отделяясь от стены и выходя на середину улицы.

Теперь уже никаких сомнений не оставалось — это был именно он.

Трофимов отскочил, выхватил револьвер.

— Не стреляйте! — Рысин хотел было поднять руки, но в последний момент, устыдившись этой позы, просто широко развел их в стороны. — Мне нужно с вами поговорить!

Трофимов молчал. Браунинг светлел в его руке — теперь Рысин видел, что это браунинг.

Его собственный револьвер оттопыривал карман галифе.

Напряжение лишь обостряло взгляд. Он видел бледное лицо Трофимова, съехавшую набок фуражку, у Трофимова был покатый лоб с сильно выпирающими надбровными дугами. По Лафатеру это свидетельствовало о преобладании логического мышления.

Рысин подумал об этом и тут же удивился сам себе — надо же, о чем он думает под навешенным на него дулом браунинга!

Трофимов наморщил переносье — дуги еще отчетливее обрисовались.

Рысин приближался.

У него самого таких дуг не было. У него был прямой отвесный лоб, над которым волосы торчали козырьком.

Трофимов медленно опустил руку с браунингом. Рысин подошел почти вплотную к нему. Руки он по-прежнему держал, отведя в стороны, словно борец, что при его комплекции выглядело комично.

— Кто вы такой? — спросил Трофимов.

Музейная дверь приотворилась, на крыльцо ступила девушка в зеленом платье. Трофимов, не спуская глаз с Рысина, шагнул к ней, левой рукой нашел ее руку.

«Везет мне сегодня на зеленое», — подумал Рысин.

Он опустил руки.

— Нам нужно поговорить!

— Прошу, — Трофимов указал дулом браунинга в темневший дверной проем.

8

Колонна растянулась по улицам. Вспыхивают здесь и там огоньки папирос, на мгновение освещают лица и гаснут. Кучками идут офицеры. Знамя в чехле, шашки в ножнах, наганы в кобурах. Молча идет колонна. Лишь новые французские сапоги с длинными голенищами стучат по булыжнику еще не обитыми подковками — цонк, цонк!

Последний резерв армии, 12-й стрелковый полк корпуса генерала Пепеляева, движется из казарм на станцию.

За полком гремят две подводы, груженные связками казацких пик — приказано доставить их на фронт.

Кому? Зачем?

Офицеры смотрят на окна — в окнах темно. Не отлетит занавеска, никто не махнет на прощанье, не осенит крестом. Хоть бы женский силуэт где промелькнул — шаль, наброшенная на плечи, мгновенный отсверк сережки! Темно в окнах, стекла чуть серебрятся. Лишь в типографии, где печатается «Освобождение России», виден свет. Редактор Мурашов вычитывает

гранки: «Сегодня мы выбираем отцов города на новое четырехлетие...»

Цонк, цонк, цонк!

Выплывает — вначале темное, потом светлое — темное — полотнище флага над кровлей вокзала. Флаг поистрепался на ветру, истончился. Тонкими лохмами посекеся обрез, и, сливаясь с ними, летят по небу длинные хвостатые облака.

Солдаты неохотно разбирают с подвод пики, несут к эшелону. Кто-то тащит их волоком, и древки постукивают по лестничным ступеням. Удивительно тосклив этот звук, и худенький юнкер, вслушиваясь в него, морщится, как от зубной боли.

Командир полка вминает каблуком в перрон недокурную папиросу, идет к голове эшелона. Он идет быстро — левая рука на отлете, полевая сумка мотается у бедра. За спиной у него остается темный молчаливый город, о котором он не думает.

Что ему этот город!

Утром, в начале седьмого, Костя разбудил Леру, спавшую на диванчике под сорванной с дальнего окна портьерой. Она причесалась, вскипятила на спиртовке кофе. Затем через заднюю дверь вывела его во двор.

Помолчали.

— Федорова не выпускай, — сказал Костя.

Он поцеловал ее неловко в угол рта и, не оглядываясь, быстро пошел дворами в сторону Покровки. С Рысиным условились встретиться в половине восьмого на Вознесенской, у тюремного сада...

На верхушках лип суетились, вспархивая, галки. Бабы у колонки позвякивали ведрами. Было светло, тихо, ясно. Поджидая Рысина, Костя остановился у забора, долго изучал рекламную афишу ресторана Миллера: судак аврор, жареные рябчики, стерлядь по-новгородски. Отсюда хорошо был виден дом Федорова с резным надымником на трубе. За надымником поднимались купола Вознесенской церкви. Синие жестяные звезды лежали на их тусклой позолоте.

Хотя они с Рысиным проговорили до четырех утра, определенного плана действий, в общем-то, не было. Вероятно, и коллекция Желоховцева, и музейные экспонаты хранились в доме Федоровых. А в таком случае без лошади Якубову не обойтись — тут Рысин был прав.

Станный, однако, тип этот Рысин.

Костя и сейчас не до конца понимал, почему он пришел в музей один, без солдат, хотя и знал, с кем имеет дело. К тому же в форме пришел. Ненормальный он, что ли? Вполне мог схлопотать пулю еще до начала разговора... Но вместе с тем Костя чуть ли не с первой минуты почувствовал безотчетную симпатию к

этому неуклюжему человеку, который спокойно шел к лестнице под наведенным на него браунингом. Нет, застрелить этого прапорщика было невозможно. Отпустить ни с чем — тоже. Но напряжение долго держалось — не напряжение даже, пожалуй, а досадное ощущение какой-то неправильности, нелепости всего этого разговора в полутьме — света не зажигали, в ночной тишине, нарушаемой далекими выстрелами и доносившимся из чулана храпом Федорова. Звук этот Рысин сразу отметил, вслушиваясь в него с некоторой тревогой, но ни о чем не спрашивал. Лере Костя еще на лестнице шепнул о пленном эскулапе, а Рысину объяснил позднее, когда разговор к этому подошел.

И уже потом, после того, как постепенно все обговорили, Костя спросил наконец: «Почему вы не попытались арестовать меня?» Рысин пожал плечами: «Я занимаюсь исключительно уголовными делами. Выставляя засаду у Желоховцева, я только подчинялся приказу!» — «Тогда почему вы действуете в одиночку?» — «Командант запретил мне применять к Якубову какие бы то ни было санкции». — «Вы нам сочувствуете?» — с надеждой спросил Костя. «Ни в какой мере, — последовал ответ. — Просто хочу довести дело, за которое взялся, до конца. Безразлично, с чьей помощью». — «Но на какую помощь с моей стороны вы рассчитывали?» — «Во-первых, благодаря вам, — Рысин церемонно кивнул Лере, — я существенно пополнил мои сведения. Во-вторых, я хочу доказать, что Свечникова убил Якубов. Боюсь, этого мне не удастся сделать, если я обращусь в комендатуру». — «Ага, — сказал Костя. — Вы решили обезопасить меня, чтобы я не помешал вам завтра утром... То есть уже сегодня...» — «Вот видите, — улыбнулся Рысин. — Вы действительно обладаете свойством логически подходить к обстоятельствам!» — «Но ведь в конечном счете наши цели различны!» — «Только отчасти. Я считаю, что коллекция должна быть возвращена Желоховцеву. Но музейные экспонаты я бы оставил их хранительнице. Она имеет полное право распорядиться ими по своему усмотрению». Это уже было кое-что. «И еще, — Рысин помедлил. — Для меня найти убийцу Свечникова — дело чести. Я читал его дневник. Судя по некоторым записям, вы были с ним дружны. Он очень хорошо отзывался о вас. Для меня это много значит... Разве вы не хотите передать убийцу в руки правосудия?» Костя усмехнулся: «Какое правосудие вы имеете в виду?» — «Правосудие всегда одно, — торжественно объявил Рысин. — Только законы разные...»

Разговор шел начистоту, только так и имело смысл его вести. Костя расхаживал по комнате, а его браунинг лежал на диванчике, в полурешине от Рысина. Оба они забыли о нем. Рысин предлагал проследить за Якубовым, куда

тот повезет поклажу, а после спокойно взять с полочным. Но Костя этот план сразу отверг — вдруг ящики тут же погрузят в эшелон и отправят на восток? Якубов будет с лошадьё, так? Рысин соглашался: непременно извозчика возьмет или на подводе придет. Значит, нужно подождать, пока все ящики и мешки будут погружены, а потом попытаться угнать лошадь вместе с грузом. И с Якубовым, если получится. На это Рысин возражал, говорил, что тогда не сможет возбудить против Якубова дело, так как сам будет скомпрометирован сотрудничеством с красными. Но Костю этот вариант как раз и устраивал — увезти, и все. Там видно будет. Куда? Скажем, в музей. Или к Рысину домой. Разве нельзя? Еще не известно, насколько нынешнее правосудие окажется справедливо к Якубову. Ведь он — человек Калугина! Почему бы им самим с ним не разобраться?

«Самосуд? — ужаснулся Рысин. — На это я никогда не пойду!»

«Хорошо, — Костя пошел на уступки. — На худой конец можно будет инсценировать мой арест и побег. Это вас реабилитирует!»

В конце концов Рысин сдался.

Затем они выработали соглашение в трех пунктах. По первому пункту музейные экспонаты возвращались Лере. По второму серебряная коллекция передавалась Желоховцеву. Тут Рысин стоял твердо. Судьба коллекции должна была быть решена Желоховцевым. Третий пункт гарантировал Рысину заступничество Кости после прихода красных. Это Костю окончательно успокоило — все-таки имелась во всем деле и для Рысина прямая выгода.

А Лера — та сразу прониклась к нему доверием. Она щедро подливала ему горячий кофе и даже подарила на счастье маленького чугунного ягненка каслинского литья...

Костя взглянул на часы — половина восьмого. Рысина все еще не было.

«А если вообще не придет?»

Поначалу, после всего услышанного под окнами федоровского особняка, он хотел обратиться за помощью к Андрею. Но думалось об этом без всякого воодушевления — неизвестно, как тот отнесется к задуманному, даст ли людей. Вдруг сочтет, что риск не оправдан. Сам Андрей пытался помешать эвакуации паровозоремонтных мастерских и типографии. Судьба сасанидского серебра его мало беспокоила.

Рысин появился без четверти восемь.

Костя еще издали приметил его журавлиную фигуру. Он был в форме, тщательно выбрит. Шею плотно облегал свежий подворотничок. Револьвер не оттягивал карман, сидел в кобуре.

— Я думаю, Якубов вооружен, — предупредил Костя.

— Надеюсь... Мне бы хотелось взглянуть на его оружие, — Рысин достал из бумажника ре-

вольверную пулю, положил на ладонь.— Этой пулей был убит Свечников.

Костя взял ее, покрутил в пальцах:

— Кольт?

— Точно. Тридцать второй калибр.

— Понятно,— кивнул Костя.

Рысин спрятал пулю, осторожно коснулся его плеча:

— Смотрите!

Вдалеке, на фоне низкой и белой церковной ограды показалась запряженная парой извозчичья пролетка. И в это время с запада донесся гул канонады...

«Это наши!» — подумал Костя.

— Значит, так, — сказал Рысин. — Я пойду вперед и задержусь возле дома Федоровых. Вы остаетесь. Но на месте тоже не стойте, идите потихоньку вдоль заборов. Смотрите только, чтобы Якубов вас не узнал. Я думаю, ящики он будет выносить вместе с извозчиком. Когда кончат, подниму руку. Раньше не бегите, ни к чему... Лера сколько тогда ящиков насчитала?

— Три. И два мешка.

— Многовато для одной пролетки. Не мог, что ли, ломового нанять?

— Им виднее,— сказал Костя.

Рысин отстегнул металлическую пуговку на кобуре, только сегодня утром пришитую женой вместо сломанной застежки, и медленно пошел по улице. Пока шел, из ворот федоровского дома показались двое. Один в зеленом пиджаке, простоволосый. Другой бородатый, в картузе. Они вынесли ящик, поставили его в пролетку. Зеленый пиджак вновь исчез в воротах, а извозчик замешкался, пристраивая ящик. Рысин с болезненной отчетливостью видел все его движения. Вчерашнего спокойствия не было и в помине. Затем извозчик тоже ушел, и появилась вчерашняя барышня, Лиза Федорова, Лизочек, как называла ее Лера. Она погладила лошадь, сунула ей что-то в рот. «Сахар», — подумал Рысин. Сахар он не мог рассмотреть, видел лишь сложенные щепотью пальцы Лизы, но жест этот опять четко запечатлелся в мозгу.

Рысин пошел медленнее.

Вынесли второй ящик, поставили рядом с первым. Одна из лошадей всхрапнула, дернула обмотанные вокруг жердины вожжи.

Третий ящик не выносили долго — Рысин начал уже волноваться. Наконец принесли и ушли опять.

Федоров, которого они с Костей допрашивали сегодня ночью, клялся и божился, что ничего не знает и никаких ящиков у себя в доме не видел.

Гул на западе начал стихать.

— Славен Христос,— извозчик перекрестился.— Кажись, отогнали!

Рысин остановился у пролетки, поднял руку

вверх, повертел ладонью туда-сюда, словно определяя направление ветра.

— Ветер-то западный. Может, и в самом деле отогнали.

Якубов покосился на Рысина, ушел во двор, крикнул оттуда:

— Лизочек, а где мешки?

— Все переложено в ящики,— сказала Лиза.

Рысин посмотрел в сторону тюремного сада — Костя был уже совсем близко.

Извозчик отвязал вожжи.

— Вон как нагрузились-то, барышня. Все сиденье, поди, дорогой обдерем... Прибавить бы надо против уговору!

— Лизочек, посуда тоже в ящиках? — Якубов подошел к пролетке.

— Разумеется...

Извозчик залез на козлы.

— Ну, поехали, что ль?

Осторожно вытягивая револьвер, Рысин шагнул к нему:

— Ваше оружие!

Якубов оторопело уставился на него, потом перевел взгляд на револьвер, который Рысин прижимал к предреберью, и тут же овладел собой:

— Это недоразумение. Угодно взглянуть на мои документы?

— Ваше оружие! — повторил Рысин.

Якубов оглянулся, увидел подбежавшего Костю, и разом его смуглое лицо сделалось матово-желтым. Пригибаясь, он метнулся к воротам. Судорожным движением рванул из кармана наган.

Костя успел схватить Якубова за запястье. Наган вихнул в его руке, и в эту минуту в конце улицы показался патруль — двое солдат и офицер. Офицер что-то неразборчиво прокричал и побежал вперед. Костя вырвал у Якубова наган, прицелился.

— Зачем? — крикнул Рысин.

Но Костя уже нажал на спуск. Еще. Еще.

Солдаты сбросили с плеч винтовки. Передний припал на колено, прижался щекой к прикладу. Плоский фонтанчик пыли косо брызнул возле колес.

Патрульные придвинулись к забору, выстрелили еще несколько раз. Одна из пуль расщепила верхушку штакетины. Извозчик, даже не пытаясь укрыться, оцепенело наблюдал происходящее. Лиза побежала к дому, и сразу запахнулось окно — то самое, под которым ночью Рысин сидел в кустах сирени, отлетела занавеска. Из комнаты хлестнул выстрел. Пуля с глухим чмокающим звуком впилась в кожаное сиденье пролетки. Извозчик, опомнившись наконец, заорал:

— А-а-а-а!

Лошади понесли.

Рысин бросился к пролетке, уцепился за

верх. Его проволокло по земле, потом он подтлнул и, распластавшись на ящиках, вырвал у извозчика вожжи. Попытался остановить лошадей и не сумел.

Обернулся:

— Костя-а!

Из окна еще два раза сверкнуло. Костя схватился за плечо, а Якубов вдруг подломился, словно его ударили в поясницу, запрокинулся назад, упираясь руками в горло.

Зеленые обшлага окрасились темным.

9

Лошади несли вперед, прямо на патруль. Извозчик, что-то невнятно бормоча, стал хвататься за вожжи. Рысин толкнул его локтем:

— Прыгай! Убьют!

Извозчик покорно вывалился на обочину.

«Остановить лошадей,— мелькнула мысль.—

Все объяснить!»

Но поздно, поздно.

Шарахнулся в сторону офицер. Снизу, на вскидке, выстрелил два раза. Промаяхнул. Передний солдатик медленно повел винтовку, и Рысин, понимая, что ничего уже не поправит, отрешенно подумал: «Куда я бегу? Зачем?». Боек клюнул капсюль, воспламеня пороховой заряд, пуля ввинтилась в нарезы ствола, но мгновением раньше пролетка с грохотом подскочила на ухабе. Рысин даже выстрела не услышал. Теряя ногами днище, он завалился на ящики. Пуля чиркнула рядом, оставила на вожжах возле самых его рук рваную щербинку. Он выпрямился, посмотрел на ее черные края — жизнь распалась надвое. Не воздух, а само пространство обтекало его лицо. Надвинулась, выросла церковь, разваливаясь, словно гармоника, потом ушла вбок. Заборы приобрели объем, а дома и деревья стали плоскими, как театральные декорации. Исламываясь, они пролетали мимо с короткими легкими хлопками. Литые резиновые шины скользили в уличной пыли. «По следу найдут», — пожалел Рысин. Не целясь, он выстрелил назад, и с этим выстрелом прошлое ушло навсегда. Одним движением указательного пальца он оборвал все нити.

«Но кто же стрелял из окна?»

И еще — не мыслью даже, а пустотой в груди наплывало: «Ведь Трофимов-то решит, что я его предал!»

Через несколько минут пролетка запрыгала по булыжнику, и, хотя двигалась она теперь медленнее, Рысин вздохнул с облегчением — посмотреть следы колес на булыжной мостовой было труднее...

Дома он затащил ящики в ограду, на ходу бросил жену:

— Я скоро, Маша!

Снова вскочил в пролетку и погнал лошадей под угор, в сторону завода Лесснера. Погони не было. Проехав несколько кварталов, он остановил лошадей в пустынном проулке у железнодорожной насыпи. Огляделся — никого. В ближайших двух дворах огорода заросли лебедой, окна в домах заколочены. Рысин осмотрел пролетку — не обронил ли чего. Взгляд упал на дырку от пули. Из темной, потрескавшейся кожи сиденья торчал клоч ватина. Спрыгнув на землю, он достал складной нож, вспорол сиденье и поковырял лезвием внутри. Вытащил светлую, почти не деформированную пулю, сунул в карман. Затем взбежал на насыпь, прошел шагов двести по шпалам, чтобы не оставлять следов, и сделал петлю, двинулся к дому.

Вернувшись, Рысин заволок ящики в дровяник, взял гвоздодер и осторожно поддел верхние рейки самого большого ящика. Гвозди отошли с протяжным скрипом. Сверху лежала тонкая неровная плита известняка, какими хорошие хозяева выкладывают обыкновенно дорожки в оградах. Рысин отшвырнул ее в сторону — плита разлетелась на куски. Под ней обнаружился всякий мусор — деревянные обрезки, стружка, ветошь. Раскидав все это по дровянику, он вскрыл другой ящик, третий — то же самое. В четвертом вместе с разным хламом лежал ржавый четырехугольный якорек и обломок багетовой рамы.

Чертыхнувшись, он запустил якорек в стену. Два рога мягко впились в доски, якорек прилип к стене...

Рысин прошагал в комнаты, лег на незастланную постель лицом в подушку. На участливые расспросы жены отвечать не хотелось.

Он поднял голову, ткнул пальцем в белую бязь наволочки — на подушке образовалась ямка. В эту ямку он поместил пулю, извлеченную из сиденья пролетки. Рядом положил другую, ту, которой был убит Свечников. Взяв с тумбочки лупу, навел на них. Пули были совершенно одинаковы. Они дрогнули, поплыли, растекаясь в стекле, потом снова замерли. Левая была предназначена ему, Рысину.

«Кто же стрелял из окна?»

Рысин встал, сел к столу, достал записную книжку с надписью «Царьград». Пристроив ее на колене, написал сверху страницы: «Якубов». Остальных действующих лиц обозначил начальными буквами их фамилий, а Лизу Федорову — двумя буквами: «Л. Ф.». Все буквы он расположил полукругом, на некотором расстоянии друг от друга. Затем, используя стрелки и условные значки, стал строить схему.

Стрелки пересекались — сплошные и пунктирные, означающие меньшую вероятность. Значки и даты событий ложились на страницу связующими звеньями.

В рисунке была та логика обстоятельств, которую все время затемняли всякие мелочи. Ма-

шинистка Ниночка со своим «ремингтоном», лежащий над городом тополиный пух, гудки уходящих на восток эшелонов и орудийный гул на западе, платок с двойной каймой на плечах у Лизы, синяя — почему именно синяя? — тетрадь-дневник Сережи Свечникова — весь этот невнятный и вместе с тем удивительно значительный язык жизни уступил место ясному, строгому коду геометрических фигур, цифр и стрелок.

Особенно много стрелок — сплошных и пунктирных — сходилась к человеку, которого Рысин обозначил буквой «икс»...

Переодевшись в штатское, он отправился в город.

Желоховцева он нашел возле главного университетского подъезда, где тот вяло распорядился погрузкой книг на подводы. Погрузка книг — дело нехитрое, особых указаний не требующее, и видно было, что Желоховцев занялся им от тоски.

Они прошли в замусоренный вестибюль, по которому сновали студенты и служащие с пачками бумаг, связками книг, ящиками, кулями и физическими приборами. Лазарет уже эвакуировали. Сквозь раскрытую дверь виднелась груда грязного белья на полу, голые продавленные койки.

Швейцар стоял у окна, приставив к глазу подзорную трубу.

— Едете? — спросил Рысин профессора.

Вопрос был пустой, и Желоховцев надменно поднял брови:

— Эвакуация университета решена давно. Вчера вечером ректор сделал окончательные распоряжения.

— И куда же?

— Пока в Томск.

Рысин отметил это «пока».

Они сели в старинные кресла с шишечками, сиротливо стоявшие у стены и, как видно, тоже приготовленные к отправке.

— А как же коллекция?

— Мои научные интересы ею не ограничиваются, — все так же надменно проговорил Желоховцев. — А у вас есть сообщить мне что-то новое?

Рысин вспыхнул:

— Вы так об этом спрашиваете, как будто я — главное заинтересованное лицо!

Сказал и понял, что так оно и есть, наверное. Слишком многое слилось для него в этом деле, которое уже и делом-то перестало быть, стало жизнью, судьбой. Он взялся распутывать клубок, у которого несколько концов. У всех, кто запутал его, была своя ниточка, своя выгода. У Желоховцева — наука, тема. У Сережи Свечникова — любовь к учителю. У Якубова — корысть. У Леры — Костя. У Кости — идея. У «икса», несомненно, тоже какая-то выгода была, хотя и неизвестно какая. Один он, Рысин, не

имел в этом клубке ни ниточки своей, ни выгоды — какие уж там выгоды! Он только справедливости хотел, ничего больше.

— Я не верю, что вы отыщете коллекцию, — сказал Желоховцев. — Я не хочу знать, кто убил Сережу. Этим его не воскресить... Я уезжаю!

Рысин помолчал.

В этом неустойчивом дурацком мире он, бывший частный сыщик с ничтожной практикой, недоучка и неудачник, а ныне и вовсе непонятно кто — то ли прапорщик из военной комендатуры, то ли красный агент, представлял собой правосудие. Он был потерпевшим, следователем, прокурором и адвокатом в одном лице. Присяжные заседатели кричали в нем на разные голоса... Он и приговор вынесет, если нужно, и это теперь не будет самосудом. Вот только кто приведет этот приговор в исполнение?

— Вы уезжаете, подчиняясь приказу ректора или по внутреннему убеждению? — спросил Рысин.

— Я слишком прочно связан с университетом. Без него я ничто... Да и красные, как сила, не внушают мне особого доверия. Хотя, должен признать, среди них попадаются и порядочные люди.

— Например, Трофимов?

— Например, он. — Желоховцев вызывающе поглядел на собеседника.

Перегнувшись пополам, Рысин оперся локтями о колени, уставился в пол:

— Григорий Анемподистович, сегодня в перестрелке Трофимов ранен и, по-видимому, арестован...

— Я тут ни при чем! — быстро проговорил Желоховцев. — Что ему грозит?

— Самое худшее... Но вы можете помочь его спасти.

— Каким образом? — напрягся Желоховцев.

— А когда вы должны уехать? — Рысин ответил вопросом на вопрос.

— Завтра вечером.

— Тогда у нас еще есть время.

— Простите, но какое вам дело до Кости Трофимова? — Желоховцев только сейчас уразумел всю несуразность этого диалога. — Я не скрываю своего сочувствия к нему, он мой бывший студент. Но вам-то что, расстреляют его или нет?

— Не ищите в моем предложении какого-то подвоха. Я не собираюсь вас провоцировать. Военная комендатура этим не занимается. Я лично — тоже... Вам ничего не грозит, понимаете? — Рысин говорил коряво, долго подыскивая нужные слова. — Я столкнулся с Трофимовым во время поисков коллекции, о подробностях поговорим после. Его идеи меня не интересуют, но он безусловно честный человек. И мне хотелось бы помочь ему... Я никуда не хочу уезжать...

— Не продолжайте, — оборвал его Желохов-

цев.— Все и так ясно. Хотите к приходу красных заработать себе политический капиталец?

— Ничего вам не ясно! — Рысин ударил кулаком по подлокотнику и тут же осекся.— Даю вам честное слово, это не потому. Обстоятельства сложились так, что он может плохо обо мне подумать. Решить, будто я предал его. А я этого не хочу... Кроме того, наши цели во многом совпадают... Понимаете?

— Неужели вы тоже намерены передать мою коллекцию большевикам?

— Ни в коем случае. Мои деловые отношения с вами не дают мне на это права!

Желоховцев усмехнулся:

— Весьма признателен.

— Боюсь, вы меня не совсем правильно поняли,— сказал Рысин.— Вы мой клиент. Это накладывает на меня определенные обязательства. Но по справедливости я бы отдал коллекцию Трофимову. Для него она не просто тема очередной научной работы.

— Очередной! — Желоховцев прикрыл глаза.— Вы ничего не поняли, молодой человек! Чехов, помнитесь, говорил, что человеческая жизнь всего лишь сюжет для небольшого рассказа. В этом смысле коллекция — тема для научной работы. Но чтобы иметь право так сказать, нужно быть Чеховым и Желоховцевым... И вообще! Вы ведете разговор так, будто блюдо шахиншаха Пероза лежит у вас за пазухой...

Разговор кренился в нужную сторону. Желоховцев сам должен был понять, что, если он откажет Рысину, вина за гибель Кости ляжет и на него.

И он это понял. Спросил:

— Что я должен сделать?

— Пойти со мной к помощнику военного коменданта города капитану Калугину, выслушать нашу беседу и подтвердить известные вам факты. Только и всего.

— К Калугину? — переспросил Желоховцев.

— Да... Вы с ним знакомы?

— Помните, при первой встрече я говорил вам, что коллекцией интересовался майор Финчок из британской миссии? Так вот, Калугин сопровождал его... Очень интеллигентный человек.

— Кто? Калугин?

— Ну да. Впрочем, майор Финчок тоже.

— И отлично,— Рысин поднялся, протянул Желоховцеву руку.— Жду вас в восемь часов вечера в ресторане Миллера, на Кунгурской.

— Почему там? — удивился Желоховцев.

— Наш разговор лучше вести во внеслужебной обстановке. А Калугин снимает у Миллера номер.

Забыв, что он не в форме, Рысин с неуклюжей щеголеватостью запасника поднес ладонь к надбровью, вышел. После сапог ноги в ботинках казались невесомыми, идти было легко, весело, и он вспомнил, что не в форме...

Весь день Лера не выходила из музея. Накануне они условились с Андреем об очередной встрече у Миллера в половине восьмого, но она решила никуда не ходить, дожидаться Костю. С того самого момента, как она услышала выстрелы, ее не оставляло чувство свершившегося несчастья. Она всячески успокаивала себя, пыталась читать, потом взялась прибирать комнаты — ничто не помогало. День длился бесконечно, как в детстве, и было вместе с тем мучительное, до тошноты, ощущение стремительно уходящего времени, в котором она могла что-то сделать и не сделала.

Ближе к вечеру явилась мысль: «Лизочек! Вот у кого можно обо всем разузнать...»

Лера сбегала в соседнюю лавку, купила хлеба, колбасы, бутылку оранжада. Затем заставила доктора Федорова поклясться здоровьем дочери, что не сделает попытки убежать, велела ему на всякий случай отойти в дальний угол чуланчика и, прислушиваясь к его шагам, на секунду отворила дверь, поставила еду на пол у порога и вновь задвинула засов.

Федоров честно выполнил обещанное.

— Сейчас иду к вам домой,— сказала Лера.— Все передам, как вы просили.

— Буду очень обязан, голубушка,— вполне миролюбиво отозвался Федоров. Перед этим он действительно просил Леру сходить к дочери и поставить ее в известность...

Лизочек сидела на софе с книжкой в руках. Возле нее лежала коробка папирос «Аспер».

— Ты-ы? — протянула она, когда горничная ввела Леру в комнату.— Вот это сюрпри-из!

— Я на минутку,— смутилась Лера.— Алексей Васильевич просил меня...

— Да ты садись,— Лизочек длинной шпилькой с изображением попугая на конце заложила книгу.— Ведь сто лет не видались!

Она убрала папиросы, освобождая место рядом с собой.

Лера села, пристроила сумочку на коленях.

— Алексей Васильевич просил передать, чтобы ты не беспокоилась,— ей было стыдно врать.— Его срочно командировали на вскрытие в Верхние Муллы. Он обещал вернуться завтра утром. Дело спешное, и не было времени тебя предупредить. Меня он встретил по дороге, а я закутилась вчера, забыла... Извини!

— Спасибо,— Лизочек равнодушно кивнула.— Бедный папа! Он всегда чересчур серьезно относился к своим служебным обязанностям. В нынешние времена это особенно смешно... Я думаю, он и в ваши музейные дела вмешался со страстью старого неудачника.

— Нет,— искренне возразила Лера.— Алексей Васильевич бывал нам очень полезен.

Ей стало обидно за Федорова.

— Ну, ладно, ладно... Расскажи лучше, как живешь. Замуж не вышла? — Лизочек засмея-

лась, откинув голову.— Обычный разговор двух бывших гимназисток после разлуки, да? Я видела тебя вчера у Миллера с каким-то мужчиной. Лицо такое,— она свела к переносью выщипанные брови, показала растопыренными пальцами под подбородком вверх и вниз.— Мне такие нравятся. Одет, правда, неважно, без легкости. Но сейчас трудно штатскому хорошо одеться... А помнишь Верку Лебедеву? Она еще Пушкина на словесности декламировала: «И мальчики кровавые в зубах!». Я думала, она за генерала замуж выйдет. У нее фигура была — Даная. Ты ее голую видела когда-нибудь?

— Нет,— сказала Лера.

— А вышла за Калмыкова, лавочника. Можешь себе представить?

В лавке у Калмыкова Лера полчаса назад покупала еду для Федорова.

Лизочек достала папиросу, затянулась. Сладковатый дым пополз по комнате.

— Знаю, что вредно для горла, но не могу удержаться... Ты когда едешь?

— Еще не знаю.

— Поторопись, голубушка. Говорят, билет до Омска в классном вагоне стоит уже шесть тысяч,— Лизочек сняла со стола небольшое серебряное блюдо и поставила его на софу между собой и Лерой.

Лера отодвинулась, чтобы невзначай не опрокинуть его, и вдруг отчетливо увидела под сероватым налетом пепла изображение лежащего Сэнмурв-Паскуджа — собачья голова, птичье туловище, рыбий хвост. Спросила как бы между прочим:

— Что за стрельба тут у вас была сегодня утром?

— Красного разведчика арестовали,— Лизочек выдохнула дым.— Один в офицерской форме был, тот ускакал. А другого взяли...

Лера встала, прижала сумочку к груди.

— Ты уже? — огорчилась Лизочек.— Побудь еще!

В углу, за дверью, лежали какие-то предметы, накрытые одеялом. Рядом стояли два тюка. В одном из них, под натянутой мешковиной, Лера угадала знакомые очертания малахитового канделябра.

Теперь оставалась одна надежда — Андрей. Больше ей не на кого было надеяться...

10

В общей камере, куда после предварительного допроса привели Костю, сидело человек тридцать — в большинстве пленные красноармейцы. Они освободили ему место в углу, на досках, подложили под голову ком тряпья. Никто ни о чем его не расспрашивал, и он был рад

этому — не то что говорить, думать не хотелось. В голове было пусто, звонко. Раненое плечо горело, и знобкий жар от него разливался по всему телу.

Часа через три рядом с ним присел мужик, начал рассказывать:

— Я сам-то из Драчева. Драчево наша деревня, от Троицы четыре версты. Неделю назад заявили к нам казаки. Дутовские вроде. Ну, понятно, стали все хватать — живность, одежду какую ни на есть. Реквизиция, одним словом. Но без квитанций уже, так. У одного Ефима Кошурникова нисколько не взяли, потому как у его царский портрет на стенке висел. А бабы и раззвонили по деревне. Кой-кто в сундуки полез портреты доставать. Моя-то — чистое колоколо. Ноет и ноет — люди, дескать, вешают, добро спасают. Уговорила, одним словом. Казаки-то в одну избу заходят — портрет. В другую — портрет. Поудивлялись поначалу, пропустили избы две-три. А как до моей дошли, осерчали. Ты зачем, говорят, падла, четверо сложенного государя на божницу вешаешь? И давай нагайками обхаживать. Ну, я не утерпел, шоркнул одному. Меня сперва к коменданту в Троицу отвели. По дороге-то испинали всего. Уж кровью харкал. А здесь отошел. Сижу вот. И чо к чему? Вы-то хотя за дело сидите, а я за чо? За дурость бабью!

— Сиди, сиди,— сказал один из пленных.— Посидишь, поумнеешь. Царя-то зачем в сундуке держал?

— Попить бы,— попросил Костя мужика.

Тот не двинулся с места.

— Слышь, пить просит,— проговорил бородатый красноармеец.— У тебя, поди, запасец имеется.

— У него всегда в наличии,— поддержал кто-то.

Мужик, ворча, поднялся. Отлил из котелка воды в кружку.

— Больше лей! — выругался красноармеец.— Раненый ведь!

Мужик огрызнулся:

— Обыскал Влас по нраву квас!..

Костя пил, стуча зубами о край кружки.

— Эге, да ты горишь весь,— мужик тронул его лоб.— Тиф, может? Эй, гляньте-ка... Сыпняк ведь у него!

— Какой сыпняк? — отмахнулся бородастый.— От раны горит.

— А я говорю, сыпняк. Вон и пятна на морде. Позаражает всех!

— Да пушай лежит,— откликнулся другой арестованный.— Одно, кончат всех через день-два... Пушай с народом побудет!

— Тебя, может, и кончат,— выкрикнул мужик,— а меня-то за чо?

Он подскочил к двери, забарабанил в нее ладонями, как заяц по пеньку — быстро-быстро.

Объяснил вошедшему надзирателю:

— Тифозный тут у нас. Прибрать бы, куда положено...

— Да пушай лежит! — раздались голоса. — Не мешает никому!

— Дело-то к концу идет, чего там!

Последняя фраза все и решила.

— Шабаш, думаете? — надзиратель набычил шею. — Кончился, думаете, порядок? Не-ет, рано распелись! Тифозный, значит, в барак, как положено... Давай, бери его!

Никто не пошевелился.

— Ну?! — надзиратель схватился за кобуру.

Двое подошли к Косте, помогли встать. Он не сопротивлялся. Лишь тихо застонал, зацепив дверной косяк раненым плечом.

Перед входом в ресторанный зал на стене висело зеркало. Оно понравилось Рысину еще накануне. Это зеркало заметно сплющивало и раздвигало вширь его длинную нескладную фигуру. Такие зеркала попадались нечасто, и Рысин любил в них смотреться — они придавали ему уверенности. Перед зеркалом он замедлил шаг, повернулся к нему всем корпусом, поправив ремень, который все время оттягивала вниз кобура с револьвером.

Рысин задержался у кадки с латанией, обзревая зал, и тут к нему подошла Лера. Они успели переброситься несколькими фразами, когда в дверях показался Желоховцев. Он был в строгой черной тройке, с тростью. Сухо кивнув ему, Лера вернулась за свой столик, где ее ждал узколицый мужчина лет тридцати с цветком львиного зева в петлице пиджака.

— Выпить хотите? — спросил Рысин у Желоховцева.

Тот покачал головой.

— А я выпью, — Рысин задержал пробежавшего мимо официанта. — Мне бы рюмку водки, любезный!

— Не положено, — официант отстранился. — Садитесь за стол и делайте заказ...

Рысин сунул ему мятую керенку:

— Кстати, капитан Калугин в каком номере проживает?

— В четвертом.

— Он у себя?

— Вроде, как пришел, не выходил больше...

Рысин выпил рюмку под осуждающим взглядом Желоховцева и кивком пригласил его следовать за собой.

На лестнице было темно. Лишь вверху, там, где кончался третий пролет, тускло горела лампа. Металлический наконечник трости Желоховцева клацал по каменным ступеням, и этот открытый, не таящийся звук успокаивал. Желоховцев шел сзади. Откинув портьеру, Рысин первым ступил в коридор и ощутил, как в жи-

воте, в самом неожиданном месте, возникла вдруг, напряженно и ритмично подрагивая, тонкая ниточка пульса.

Теперь он знал все, что хотел знать, — несколько Лериных слов расставили последние точки. Подаренный ею на счастье чугунный ягненок лежал в кармане галифе. Он и взял его с собой на счастье. Расследование кончено, начинается игра, и ему, как всякому игроку, нужна удача!

Рысин резко остановился, придержал Желоховцева, который едва не налетел на него:

— Григорий Анемподистович! Все, что я буду говорить, принимайте как должное. Ничему не удивляйтесь и задавайте поменьше вопросов.

— Позвольте? — вскинулся было Желоховцев.

Но Рысин уже стучал в дверь четвертого номера.

Откликнулся мужской баритон:

— Открыто!

Рысин вошел первым.

— Прапорщик Рысин, помощник военного коменданта Слудского района.

— Профессор Желоховцев, — представился Желоховцев. — Хотя, впрочем, мы знакомы...

Калугин в расстегнутом френче сидел за столом и что-то писал. Его португеза с большой желтой кобурой, из которой торчала рукоять кольта, висела на крюке у входа.

— Чем обязан? — он обернулся, не вставая.

И сразу глаза его сузились, пальцы стиснули спинку стула:

— Это вы?!

Он отшвырнул стул, метнулся к двери.

Рысин выхватил револьвер:

— Сядьте, Калугин! Оружие вам ни к чему. Свое я тоже сейчас уберу. У нас разговор сугубо деловой, свидетели не требуются, — он вынул из кобуры кольт Калугина, покачал на ладони. — Отличная вещь... И именная к тому же! Это для меня приятная неожиданность...

Желоховцев опирался на трость левой рукой, а правую держал в кармане пиджака. Калугин истолковал эту позу по-своему. Покосившись на него, он вернулся к столу, поднял стул. Сел, закинув ногу за ногу...

— В следственной практике Североамериканских штатов, — медленно заговорил Рысин, — применялся такой эксперимент. Брели оружие подозреваемого в убийстве и из него стреляли в мешок, набитый шерстью или хлопком. Пуля, как вы понимаете, при этом не деформировалась. Затем пулю сравнивали с той, которая была извлечена из тела жертвы...

Калугин усмехнулся:

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Полоски, оставляемые на пулях нарезам ствола, позволяют сделать определенные выводы. Но есть и более простые случаи. Напри-

мер, ваш. Это когда канал ствола имеет какой-то дефект, который метит пулю. Ваш колыт, скажем,—Рысин опять покачал его на ладони,—оставляет на ней характерную канавку. Ее хорошо видно под небольшим увеличением. Я располагаю двумя образцами. Первый извлек доктор Федоров из тела убитого студента Сергея Свечникова,—он помедлил, взглянул на Калугина.—Второй образец по счастливой случайности застрял не во мне, а в сиденьи извозчичьей пролетки... И еще! В точности такую же канавку мы можем при желании обнаружить на той пуле, которой сегодня утром был убит Михаил Якубов...

— Боже мой! — Желоховцев прислонился к стене.

Калугин, не обращая на него внимания, поощряюще кивнул:

— Продолжайте, продолжайте, прапорщик! Все это чрезвычайно любопытно.

— Я, пожалуй, вернусь к самому началу,— все так же размеренно проговорил Рысин.— Эта история требует последовательного изложения...

— Завязка, однако, весьма интригующая. Чувствуется, что в гимназии вы усердно читали романы...

— Помолчите, вы! — срывающимся голосом крикнул Желоховцев.

— За все детали не ручаюсь,— сказал Рысин,— но основная линия выглядит так. Якубов числился вашим агентом. Более того, предполагалось, что после прихода красных он останется в городе. С какой целью, вам лучше знать. Меня это не интересует, я не из чека...

— Вы меня очень утешили,— Калугин иронически кивнул.

Рысин спокойно продолжал:

— Однако политические симпатии Якубова, который еще в прошлом году состоял членом подпольного «Студенческого союза», были в городе слишком хорошо известны. Рассчитывать на доверие большевиков он не мог. Вы это прекрасно понимали. И потому сразу согласились на его предложение реквизировать кое-какие художественные ценности. Тем самым он получал возможность реабилитировать себя и предстать перед новой властью не с пустыми руками. Восточное серебро Якубов добыл, сыграв на привязанности Свечникова к Григорию Анемподистовичу,—кивок в сторону Желоховцева.— А для ограбления музея вы помогли ему устроить небольшой маскарад. Впрочем, ваш агент отлично разбирался в военной обстановке. Он не собирался ни оставаться в городе, ни отдавать похищенные сокровища большевикам. Да и вы, осматривая с майором Финчкоком сасанидские раритеты, бы-

стро оценили все значение коллекции. Чего стоит, например, одно блюдо шахиншаха Пероза!

— Финчокк предлагал за него шестьсот фунтов,— вставил Желоховцев.

— Вот видите! Что же касается музейных экспонатов, тут вам пришлось целиком положиться на авторитет Якубова. И он не обманул ваших ожиданий, отобрав действительно самые ценные вещи... Я не знаю, в какой момент зародилась у вас мысль присвоить их себе, это неважно. Как бы то ни было, вы настояли на том, чтобы перевезти все к Лизе Федоровой. У вас с ней роман, и вы собираетесь увезти ее с собой на восток...

Калугин выпрямился.

— Просил бы покороче...

— Хорошо,— согласился Рысин.— Якубов не посмел отказать, о чем впоследствии пожалел. Но я опять забежал вперед. Еще до того, как все было перевезено к Федоровой... пардон, на Вознесенскую, встал вопрос о том, что делать со Свечниковым. Ведь он от чистого сердца помогал Якубову, рассчитывая, как тот уверял, что припрятанная коллекция заставит любимого учителя остаться в городе. И вы попросту устранили Свечникова. Инициатива несомненно принадлежала вам. Якубов бы на это не пошел. Скорее всего, вы поставили его в известность уже постфактум.

— Я все-таки верил, что мой ученик не способен на убийство!— Желоховцев благодарно взглянул на Рысина.

Тот не отрывал взгляда от Калугина.

— Провожая Свечникова, вы поздно вечером у железнодорожной насыпи выстрелили ему в спину. Пуля попала в сердце.

— Один вопрос, прапорщик,— сказал Калугин.— Кому вы служите?

— Я помощник Слудского коменданта по уголовным делам.

— Бывший,— поправил Калугин.

— Это неважно... Занимаясь расследованием убийства Свечникова, я исполняю мои прямые служебные обязанности.

— Помощь большевикам тоже входит в ваши обязанности?

— Если правосудие находится в преступных руках,— произнес Рысин,— то да!

— Вы поставили на красных, прапорщик,— сказал Калугин,— и еще пожалеете об этом!

— Я продолжаю,— вытерев взмокший лоб, Рысин сдвинул фуражку на затылок.— Якубов, понимая, что тянуть дольше некуда, решил тайком увезти похищенные вещи на восток. Вчера вечером он известил Федорову, прикинув, что до утра она с вами не увидится. И обманулся. Лиза отправилась не к Лунцеву искать отца, как сказала Якубову, а к вам. Вы не захотели вступать с ним в объяснения. Еще бы! Тут неизбежно

всплывали ваши собственные планы, отнюдь не бескорыстные. Тогда вы довольно удачно придумали этот трюк с ящиками. Все прошло бы гладко, не появившись на Вознесенской случайный патруль. Мы с Трофимовым вам ничуть не мешали. Пожалуй, вы даже готовы были закрыть глаза на то, что под самым вашим носом — красный разведчик. Но патруль, стрельба — это другое дело! Какое-то дознание, какие-то ненужные разговоры! И вы решили избавиться от всех свидетелей разом. Тем более, что убийство Якубова вполне можно было приписать мне или Трофимову. Напади, дескать, с невыясненными намерениями...

Калугин поднял голову.

— Ваша версия напоминает астрономическую систему Птолемея. Стройна, красива, объясняет все видимые явления, но неверна по существу. Сами подумайте, зачем мне при моем служебном положении все эти хитроумные уловки, о которых вы говорили? Как помощник коменданта города, я просто мог изъять ценности из университета и музея. В условиях прифронтового города мои полномочия достаточно велики!

— Догадываюсь,— сказал Рысин.— Но ваше возражение лишь подтверждает правильность моей версии.

— Каким образом?

— Сейчас объясню... Если бы мысль о присвоении ценностей родилась у вас первого, вы именно так и поступили бы. Но первым об этом подумал Якубов. А вы поначалу клюнули на его приманку. Слишком опасно было бы реквизировать коллекцию и экспонаты вашей властью. Такая акция могла обрасти слухами, которые неизбежно потянулись бы за Якубовым, захотел он и в самом деле предстать перед красными с этими вещами. Это вы сообразили. Потом ваши планы переменялись, но было уже поздно. В дело оказались втянуты Якубов и Свечников... Вот, собственно, и вся история!

— Весьма занимательно,— проговорил Калугин.— И что же, по-вашему, я собирался делать дальше?

— Вот уж не знаю! Но подозреваю, что ваши замыслы возникли не без влияния майора Финчка.

— Та-ак. А что вы скажете на такой вариант продолжения этой истории. Я зову на помощь. Стрелять, как я сейчас понимаю, вы не станете...

— Не стану,— подтвердил Рысин.

— Из соседних номеров сбегает офицеры. Я говорю им, что вы — красный шпион. Это не так уж далеко от истины. Вас отводят в тюрьму, где устраивают очную ставку с Трофимовым, а затем предъявляют на предмет опознания начальнику утреннего патруля. После чего по обвинению в измене... Эпилог предоставляю вашему пылкому воображению!

— Но я пойду к вашему начальству и все расскажу! — сказал Желоховцев.

Калугин повернулся к нему:

— Ваша сегодняшняя миссия, профессор, мне не совсем ясна. И в случае с Трофимовым вы вели себя не лучшим образом. Ведь он был у вас? Так что поезжайте-ка в Томск вместе с вашими коллегами. И чем скорее, тем лучше!

— Ваш вариант, Калугин,— чтобы скрыть волнение, Рысин говорил подчеркнуто громко,— не учитывает двух обстоятельств. Во-первых, я в форме и сумею привлечь внимание собравшихся кратким изложением только что сказанного. Во-вторых, вы не сможете избавиться от меня немедленно. Придется исполнять разные формальности. Те доказательства, которыми я теперь располагаю, не снимут вины с меня, но убедят в вашей вине. Кроме того, обе пули, дневник Свечникова с записью о похищении коллекции,— при этих словах Рысин многозначительно посмотрел на Желоховцева,— а также протокол осмотра кабинета Григория Анемподистовича и медицинское заключение, написанное доктором Федоровым, хранятся у вполне лояльного человека. В случае моего ареста они будут вместе с моей запиской представлены вашему прямому начальнику, полковнику Николаеву. Копии тоже пойдут в дело. Будет обследована и пуля, сидящая в горле Михаила Якубова... Так что если вы сейчас позвоните на помощь, можете считать свою карьеру законченной. Это в лучшем случае!

Калугин поморщился.

— Доктор Федоров напишет такое заключение, какое будет мне нужно. Он прекрасно осведомлен о моих отношениях с его дочерью и рассчитывает на брак.

— Не буду разрушать ваших иллюзий,— Рысин вновь обрел уверенность.— Но в ближайшее время ваш возможный тесть ничего написать не сможет. Он заперт в чулане. А вот где находится этот чулан, вы не знаете и не узнаете. Трофимову это тоже неизвестно... Кстати, пока мы с вами здесь разговариваем, туда же везут и Лизу Федорову.

Это уж был блеф чистой воды.

Но Калугин поверил.

— Подлецы-ы! — проговорил он, стиснув зубы и по-бабьи растягивая последний слог.— Ах, какие подлецы-ы!

В этом его восклицании было что-то истерическое, фальшивое. Рысину почудилось даже, что Калугин не столько возмущен и опечален последним его сообщением, сколько пользуется поводом выплеснуть накопившуюся за время разговора бессильную злость.

— Все вещи, находившиеся в Лизиной комнате, отправлены в тот же чулан,— Рысин с наслаждением нанес завершающий удар.— А дабы вы окончательно мне поверили, добавлю: в один из тюков я лично засунул небольшое серебряное

блюдо с изображением собако-птицы. Федорова использовала его в качестве пепельницы...

— Блюдо с Сэнмурв-Паскуджем! — Желоховцев жалобно сморщился.— Это же ценнейший экземпляр!

— Хорошо,— Калугин снова взял себя в руки.— Допустим на минуту, что все вами рассказанное — правда. Тогда зачем вы пришли ко мне? Отчего не представили материалы по начальству или сразу полковнику Николаеву?

— Мне нужен Трофимов,— сказал Рысин.

— Ага! В таком случае с этого и следовало начать. Роль неподкупного стража законности вам не к лицу, прапорщик!

— Вы согласны?

— А что я получу взамен? — Калугин с нарочитым равнодушием заправил вылезшее наружу ушко сапога.

— Все вещественные доказательства.

— Вот теперь я до конца убедился, что вы продались большевикам! — Калугин вскочил со стула.— А как же законность, порядок? Священная кара, наконец! Вы предлагаете мне сделку? Хорошо. Так это и назовем. Давайте начистоту. Да, я хотел сбыть коллекции союзникам. Да, мне нужны деньги. Моя мать сидит в Омске без всяких средств. У обеих моих сестер мужья убиты. Сестры бедствуют. А у меня нет ничего. Понимаете, ничего! Вот что я получил за службу! — он схватил шашку, рванул с нее боевой темляк.— Якубов! Свечников! Эта дрянь отсиживалась в тылу, когда я умирал в Мазурских болотах. А вы, прапорщик? Что посулили вам Трофимов и его друзья? Какие золотые горы?

— Замолчите! — Рысин почувствовал, как у него холодеют кончики пальцев.

— Вы меня презираете? Зря. У вас нет для этого ровно никаких оснований. Это проклятое время уравнило нас всех...

Дрожжащими пальцами Рысин загнал патрон в патронник, приподнял кольт.

Калугин отшатнулся. Красные пятна выступили у него на щеках.

— Григорий Анемподистович, — попросил Рысин,— возьмите оружие и покарауйте господина капитана, пока я не вернусь... Пойду кликну извозчика.

Желоховцев принял кольт.

— Вот сюда палец,— сказал Рысин.— Предохранитель снят.

Желоховцев кивнул. Лицо у него сделалось отрешенно истовым, рукоять мертво легла в большую желтоватую ладонь. И Рысин почувствовал: он выстрелит без всяких колебаний, при малейшей попытке Калугина что-либо предпринять.

Видно было, что Калугин это тоже почувствовал.

Спустившись в ресторан, Рысин велел швей

цару позвать извозчика, а сам направился к столику, где сидела Лера.

— Знакомьтесь,— она кивнула на своего спутника.— Андрей Николаевич... Прапорщик Рысин.

— Вижу, что прапорщик,— сказал Андрей.

11

Стук подков далеко разносился по ночным улицам.

— Вам придется подождать меня здесь,— проговорил Калугин, когда пролетка остановилась у тюремной ограды.— Я постараюсь не задержаться.

Он сказал что-то часовому у входа, толкнул дверь в воротах и исчез.

Рысин остался сидеть в пролетке.

Логика обстоятельств была на его стороне. Пока Калугин думает, будто Лиза Федорова взята заложницей, он бессилен что-либо сделать. Можно быть совершенно спокойным, и умом Рысин понимал это. Но неподвижная, словно впечатанная в стену, фигура часового, белый круг луны, истаивающий на ущербе, как брошенный в горячую воду сахар, неестественно четкий очерк тюремной кровли и странный контраст стоящей над городом тишины с далеким гулом канонады— все это непонятно почему приобретало значительность, тревожило. Внизу ветер совсем не чувствовался, а на вершинах лип порывами шелестела листва. И от этой, в обычное время не замечаемой раздвоенности пространства тоже рождалось ощущение опасности, неподвластной его расчетам.

Поежившись, Рысин вылез из пролетки, прислонился к дереву.

Лера, Андрей и Желоховцев уехали на другом извозчике к Федоровым за полчаса до того, как Рысин с Калугиным покинули номера Миллера. Договорились вывезти вещи на квартиру к Андрею, а Лизу не трогать. Даже в том случае, если Калугин из тюрьмы отправится прямо к ней, все будет уже кончено. Костя исчезнет, Желоховцев передаст свое серебро в университет, под охрану. Сам по себе профессор Калугину не нужен, и за судьбу его можно не опасаться. Лера вообще вне подозрений, к Федоровым она заходить не станет... Впрочем, кое-что Лиза может заподозрить после встречи с Калугиным. Значит, Лере придется пересидеть несколько дней у Андрея. Только и всего.

Потом Рысин подумал о себе— что ему-то делать? Может, сегодня же ночью забрать жену и податься к тетке на Висим? Он в форме, с документами. Заставы ему не помеха... Извозчик? Ведь Калугин его запомнит, разумеется... Но извозчика можно сменить, это пустяки...

«Значит, так. Сейчас, от тюрьмы, вместе с Костей домой. Отпустить извозчика, забрать жену— и все втроем на Висим...»

Ему показалось, что поблизости кто-то есть. Оглянулся— никого. Посмотрел на часового— тот все так же неподвижно стоял у будки. Извозчик, нахохлившись, дремал на козлах. Рысин хотел пойти, взглянуть, нет ли кого за кустами акации— шорох вроде оттуда послышался, но сдержал себя, не пошел.

Калугин не появлялся.

Начиная волноваться, Рысин поднес к глазам руку с часами и успокоился— прошло всего три минуты.

Он ждал, что вот-вот придет к нему то чувство спокойствия и расслабленности, какое испытывает человек после трудной, хорошо сделанной работы. Рысин подумал об этом еще в пролетке, по дороге к тюрьме. Но желанное чувство не приходило. И дело было не только в том, что Костя Трофимов оставался пока за тюремными воротами. Дело было в другом. Калугин прав: преступление останется безнаказанным... Он, Рысин, пожалел Костю и Леру, не довел дело до конца, как предписывали ему долг и совесть. Можно, конечно, успокаивать себя тем, что если бы он даже передал материалы расследования полковнику Николаеву, все равно ничего не изменилось бы. В беспристрастие нынешних властей не очень-то верилось. Ну, положим, разжалуют Калугина или переведут в армию. А то и вовсе отделается легкой епитимьей... Но как бы то ни было, он-то сам, Рысин, должен был все-таки попытаться открыть дело. Он мог попробовать и Костю при этом выручить, но уже на свой страх и риск, это его личное право. Надо было открыть дело! А он впутал свои личные привязанности в такие вещи, где о личном и речи идти не может.

Потому и не приходило спокойствие.

Он представил на своем месте Путилина Ивана Дмитриевича. И понял, что перед ним такой вопрос просто не мог встать. Путилин всегда был над делом, а он влез в него по уши. Но что еще ему оставалось делать? Путилин всегда был только охотником. Он же стал охотником, егерем и дичью одновременно.

Рысин вынул чугунного ягненка— подарок Леры, поставил его на ладонь. Ягненок уперся в нее всеми четырьмя копытцами на ножках-растопырках. Его мордочка выражала недоумение и любопытство. Рысин смотрел на ягненка и думал о том, что так и не увидел блюдо шахиншаха Пероза. Да и не увидит, наверное. Он представлял его большим, ослепительно светлым и в то же время похожим на немецкую серебряную сухарницу, которую принесла в приданое жена— единственную ценную вещь в их доме...

Дверца в воротах отворилась со скрипом. Мелькнул кусок белой стены и заслонился темным.

— Прапорщик! — позвал Калугин, выбираясь к будке. — Где вы?

Рысин шагнул вперед.

Калугин наклонился к часовому, потом си-
луэт его странно изломился — локти выпятились
в стороны, плечи приподнялись, и узкая сталь-
ная полоса, укорачиваясь, блеснула между
ними.

«Все!» — успел подумать Рысин, налетая
грудью на острое и твердое.

Полыхнуло огнем — ярко, до самого неба.

Подаренный на счастье чугунный ягненок
спрыгнул в траву, подбежал к лицу Рысина и
ткнулся холодным носом ему в подбородок.

В Кунгуре поезд простоял несколько часов.

На вокзале творилось бог знает что — гово-
рили, будто билеты на восток идут уже по две-
надцать тысяч. Пьяные солдаты врывались в
классные вагоны, сбрасывали пассажиров с
площадок. Двое студентов из вагона, в котором
ехал Желоховцев, встали с револьверами в там-
буре и закрыли двери.

Франиска Алексеевна даже к окну не под-
ходила. Сидела, сжавшись, в уголке и все спра-
шивала:

— Что же это делается-то, Гришенька?

Часа через два страсти поутихли, и Жело-
ховцев вышел на перрон.

В стороне, у закованных ларьков, стояла,
дожидаясь погрузки, артиллерийская батарея.
На хоботе крайнего орудия во всю длину висе-
ло дамское белье из разбитых лавок. Вокруг
толпились бабы, шла торговля.

Высокий офицер в форме карательных войск
подошел к Желоховцеву:

— Я поручик Тышкевич... Что ваши тарел-
ки, профессор? Так и не нашлись?

— Нашлись, — сказал Желоховцев.

— Да ну? — удивился Тышкевич. — А Рысин
ведь сбежал, подлец. С красными остался...

Круто повернувшись, Желоховцев пошел к
своему вагону.

Что он мог рассказать этому подпоручику?

Что он вообще мог кому-то рассказать про
ту ночь, когда они сидели с Лерой в темной
комнате и перед ними таинственно поблески-
вало на столе блюдо шахиншаха Пероза?

Андрей тогда пошел к тюрьме прямо от
Федоровых. Лера, один из парней, дежуривших
у входа в ресторан, и он, Желоховцев, в музей
ехать побоялись, поехали домой к Андрею.
Извозчика на всякий случай отпустили за два
квартала. Перетащили все дворами, на руках.
Первым делом он нашел блюдо шахиншаха
Пероза. Поглаживая донце, начал объяснять

Лере, что круглый ободок на донце (кольцевая ножка) стерся не сам по себе, а был спилен. Таким путем древние обитатели Приуралья стремились придать блюду большее сходство с ликом лунного светила, которому и поклонялись в образе этого блюда. Он говорил, волновался и все не мог заставить себя оторвать руку от блюда. Гладил его ладонью и пальцами, проводил ногтем по впадинам чеканки. Лера слушала невнимательно, то и дело вставала, подходила к окну. За окном висела настоящая луна — белесая, низкая.

Все последующее вспоминалось обрывками. Далекие выстрелы — вначале один, потом еще два, потом еще и еще. Пальцы Леры, мнувшие занавеску. Застывший на пороге Андрей — рукав у пиджака оторван, нелепо торчит рука в белой сорочке. В петлице — чудом уцелевший цветок львиного зева.

Андрей наблюдал за Рысиным, укрывшись в кустах акации, и выстрелил секундой позже Калугина.

Собственный возглас помнился: «Но как же? Ведь он думал, что Лиза у нас! Почему он стрелял?»

Не выпуская из руки револьвера, Андрей стянул пиджак, бросил прямо на пол. «Да на кой черт она ему, ваша Лиза! Только обуза лишняя... Я его, гада, второй пулей достал...»

Лера плакала, навалившись грудью на стол. Желоховцев положил рядом с ней блюдо шахиншаха Пероза, шагнул к двери. Никто его не задерживал. Блюдо шахиншаха Пероза, и блюдо с Сэнмурв-Паскуджем, и все остальное, что еще совсем недавно казалось чуть ли не самым важным в жизни, теперь виделось пустяком, малостью. И эту малость он оставил там, за дверью, потому что так хотели мертвые — Сережа Свечников, Костя, да и Рысин тоже, и больше он уже ничего не мог для них сделать...

Припомнилась забытая в спешке тибетская картинка — всадник на тупомордом скакуне,мышь с жемчужиной.

Ругань, толкотня, пыль... Раздавленный зонтик валяется в пыли, хищно топорщатся голые спицы.

«Неприменно прочесть записки этого Путилина...»

Вдалеке взвыл паровоз, и Желоховцев прибавил шагу — Франциска Алексеевна уже махала ему из вагонного окна.

Двадцать девятого июня белые спустили в Каму и подожгли керосин из десятков цистерн, стоявших на берегу, в районе железнодорожной станции Левшино. Оставляя за собой мертвую пелену непла, огонь по течению двинулся вниз, к Перми. Горели, разваливаясь, лодки у берега. Гигантскими свечами пылали дебаркадеры.

Чалки обугливались, расползались. Пароходы и баржи неуклюже разворачивались, огонь обтекал их борта, чернил ватеры, потом двумя-тремя языками взбегал к палубным надстройкам. Огненными гирляндами провисали канаты, веревки, и баржи, медленно проседая, плыли вниз, к мосту.

Дым стелился над рекой. У воды он был густой, черный, вверху — серый.

У реки, на путях железной дороги суетились солдаты, поджигая составы, которым не хватило паровозов. Горели вагоны с зерном, углем, хлопком, обмундированием. Английские френчи с рубчатыми нагрудными карманами, желтые ремни, башмаки с металлическими заклепками вокруг дырочек шнуровки — все это тлело, ползло, дымилось, превращалось в зловонную слипшуюся массу. Взлетали над городом невесомые черные хлопья. Покружив, опускались на крыши домов, на воду, на улицы.

В это же время части 29-й дивизии 3-й армии Восточного фронта вышли с северо-запада к Каме.

Перед ними расстилалась огненная река. С треском бежали по воде длинные желто-красные языки. Клубы дыма окутывали левый, подветренный берег, откуда редко, с навесом, била случайная батарея. Вода кипела, шла пузырями, потом становилась матовой. Черную вонючую пену выносило на плесы.

Командир полка, кизеловский шахтер Гилев поднес к глазам бинокль и увидел чайку. Бинокль чуть подрагивал, и чайка металась в окулярах, как подстреленная — вверх, вниз, опять вверх и вбок. Неподвижно распластанные крылья, настороженный блеск маленького глаза.

После полудня подвезли орудия. Снаряды с воем перелетали через реку, и их разрывы не были видны в сплошной завесе дыма. Вскоре белая батарея замолчала, огонь ушел вниз, и началась переправа. На мертвой реке затемнели лодки, шитики, плоты.

Утром тридцатого числа завязались бои на окраинах.

Утром тридцатого числа Костя очнулся на нарах тифозного барака в тюремном дворе и убедился, что никакого тифа у него нет и не было. Слабость была во всем теле, тяжесть — рукой, кажется, не пошевелишь, и плечо ныло. Но жар спал, голова была ясной. Даже есть хотелось — он ничего не ел уже трое суток. Воды и той не было. Сторожа и персонал исчезли позавчера. Умерших никто не выносил. Рядом с Костей лежал мертвый матрос в распоротой нагайками тельняшке. Тускло-зеленая муха ползла по его руке, чуть пониже сгиба, где выколото было: «Верный». Костя хотел согнать муху, но в эту минуту со двора грянул залп, и она сама улетела. Через несколько минут еще залп. «Расстреливают», — догадался Костя. Он

слез на пол, подполз к маленькому окошку, на три четверти забитому фанерой, и осторожно выглянул наружу. Человек пять солдат в черных погонах бежали к соседнему бараку, где помещались раненые. Солдаты скрылись в дверях, и сразу посыпались отдельные выстрелы — раненых добивали.

В их бараке стояла тишина.

Трое солдат подошли к окошку, и Костя сполз на пол, чтобы его не видно было с улицы.

— Вишь, как разит! — выругался один. — Вы как хотите, а я в эту помойку носу не суну... Лучше от пули подохнуть, чем от этой заразы...

— Может, из дверей хотя постреляем, — предложил другой. — Или пожжем!

— Да покойники одни, кого стрелять, — вступил еще голос. — Гранату кинуть, и готово!

— Жалко гранату... Может, пожжем?

— Чем жечь станешь, дура? Керосину-то нет!

Тишина. Потом опять разговор:

— Лимонку давай!

— Может, пожжем, а?

— Да пошел ты!

— Ленту, сперва ленту срывай... Дай-ка сюда!

— Чиркай теперь!

— Отвяжись, сам знаю...

Фосфор зашипел, и Костя, не видя, увидел, как бежит огонек к капсюлю по внутреннему шнуру.

— Дава-ай!

Звякнув, рассыпалось стекло. Граната влетела в окно, сея белые искры, и разорвалась у другой стены, под нарами.

Взметнулись вверх доски, тряпье. Беленый потолок обрызгало красным, посекло осколками.

— А-а-а! — закричали в углу.

Костя лежал ничком, чувствуя на губах вкус известки. Едкий дым полз по бараку. Потом дым разошелся. Несколько выстрелов хлестнули сквозь фанеру на окне, послышались удаляющиеся шаги, и тогда Костя явственно различил тот звук, которого он ждал со дня на день, с минуты на минуту — отдаленный треск ружейной перестрелки.

Из белой пены кружев на подзеркальнике поднимались два ракушечных грота. Они казались Косте такими же нереальными, как цветы на окнах, как чистые простыни и подушки, на каких он с детства не спал, — большие, легкие, в ситцевых наволочках с торчащими уголками.

Лера, напевая, возилась на кухне. «Красота нередко к пагубе ведет...» — разобрал Костя.

— Лера!

Она пришла, опустилась на колени у изголовья, подперев кулачками подбородок:

— Помнишь у меня в музее икру австралийской жабы? Из-под нее весь спирт выпили.

— Кто? — удивился Костя.

— Вот уж не знаю. Солдаты, наверное. Тут такое творилось! — она помотала головой. — И о чем я говорю, дура... До сих пор не могу поверить, что ты здесь, у меня!

— Я и сам не очень-то верю, — сказал Костя.

— Рысина жаль...

— Он тебя в тот вечер, у Миллера, ни о чем не просил?

— Нет вроде.

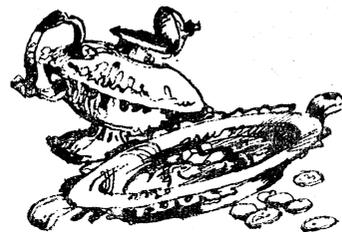
— Ну, может, жене что передать? — настаивал Костя.

— Он же не думал, что погибнет...

За окном раздалась звуки военного оркестра.

Обо всех будущих победах гремели трубы, радовались сегодняшней медные тарелки, и глухо бил барабан, вспоминая мертвых...

Шахиншах натягивал невидимую тетиву лука. Под липами тюремного сада стоял чугунный ягненок, задрав к небу влажную от росы мордочку. Мимо него, мягко ступая по булыжнику разбитыми сапогами, проходил полк Гилева. Впереди, с обнаженной шашкой в руке, шел командир. На его бритой голове криво сидела выгоревшая фуражка, красный рубец стягивал кожу на щеке.

«Издать в первую очередь!»

**Юрий
МЕШКОВ**

Свои автобиографические заметки «Я сам» В. Маяковский начинает полемическим заявлением: «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу».

В биографии великого поэта интересна любая частная деталь, способная помочь глубже понять ту или иную страницу его творчества. А иногда — всего лишь одну строку. Творческая биография поэта — это его стихи. Но и за пределами стиха открываются новые грани таланта и широта интересов Маяковского. Хорошо, если это, по выражению поэта, «отстоялось словом». Свидетельство самого поэта чаще всего имеет решающее значение и облегчает поиски. А если не отстоялось?

В январе 1928 года Маяковский приезжал в Свердловск. Эта поездка его обстоятельно освещена в мемуарах очевидцев, в исследованиях ученых и разысканиях краеведов.

Но задолго до своего приезда в Свердловск В. Маяковский был связан издательскими делами с Екатеринбургом. Имя его довольно часто появлялось на страницах местной печати.

В 1923 году при Агитпропе ЦК ВКП(б) стали выходить «Бюллетени Прессбюро», которые печатались на ротаторе и рассылались в редакции областных газет. Начиная с апреля этого же года, стихотворения В. Маяковского перепечатывались из «Бюллетеня Прессбюро» газетой «Уральский рабочий». Первое из них — «Строки охальные про вакханалии пасхальные» — было опубликовано 5 апреля 1923 года. Всего в течение 1923 года стихи Маяковского появлялись на страницах «Уральского рабочего» шесть раз. В следующем 1924 году имя поэта в этой газете появляется дважды: 23 апреля опубликовано стихотворение «Комсомольская», а 7 ноября — отрывок из поэмы «Ленин». И здесь источник, из которого были взяты публиковавшиеся тексты, — те же «Бюллетени Прессбюро» Агитпропа.

А вот для екатеринбургского журнала «Товарищ Терентий» В. Маяковский писал специально.

Литературно - художественный журнал «Товарищ Терентий» выходил в Екатеринбурге в 1923—1925 годах. Он задумывался как журнал с постоянными сатирическим и юмористическим отделами. И для первого номера Маяковский пишет статью «Можно ли стать сатириком?».

Возможно, что статья эта предназначалась для какого-либо другого журнала. Не случайно автор начинает ее указанием на широкий интерес общественности к сатире: «В РСФСР появился, появившись — размножился и в настоящее время усердно и успешно работает целый ряд сатирических журналов... Просто литературные журналы объявляют о сатирических отделах... газеты больше чем когда-либо печатают сатирические стихи и фельетоны».

Пафос статьи Маяковского в ее заключительной фразе: «Сатира растет — нужно дать ей высшую квалификацию».

Узнав, что в далеком рабочем Екатеринбурге затевается журнал и сатира в этом журнале будет не заветной гостьей, а пропишется постоянно, Маяковский передает редакции статью «Можно ли стать сатириком?». 18 марта 1923 года выходит двоярный (1—2) номер «Товарища Терентия» с этой статьей.

Заметим, больше она нигде, кроме Собрания сочинений, не публиковалась.

25 марта, через неделю, журнал перепечатывает из «Бюллетеня Прессбюро» стихотворение «На земле мир, во человецех благоволение». 11 октября в № 23 публикуется стихотворение «Газетный день».

Но между этими двумя датами летом 1923 года в журнале «Товарищ Терентий» появляются подряд три статьи В. Маяковского: «Агитация и реклама» — № 14, 10 июня, «Мелкий нэл (Московские наброски)» — № 15, 24 июня и «О мелочах» — № 16, 1 июля. По этим журнальным вариантам, как по первопечатным источникам, статьи публикуются и в Собрании со-

чинений поэта. Следовательно, редакция «Товарища Терентия» располагала авторскими рукописями статей.

Найти их пока не удалось.

А как рукописи статей В. Маяковского попали в Екатеринбург? Поэт послал их сам? А на чье имя? Или перedal для пересылки? Кому?

Одну из машинописных рукописей В. Маяковского отыскать удалось. Она хранится в Государственном архиве Свердловской области. Но связана она уже не с журналом «Товарищ Терентий», а с издательством «Уралкнига».

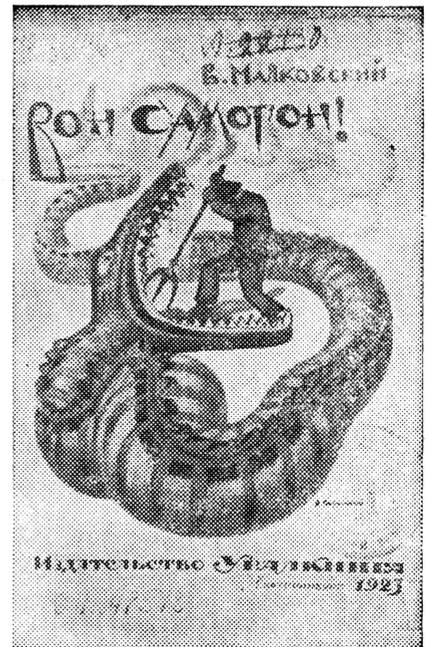
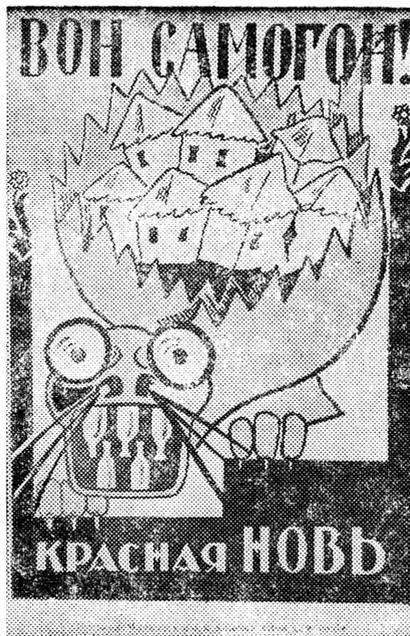
Осторожно листаю объемные тома архивных дел и часто на страницах документов встречаю памятные всем имена — П. П. Бажова, Л. Сейфуллиной, Ю. Либединского, Д. Бедного, А. Неверова и ряда других, ныне широко известных литераторов.

Редакционный совет на своем первом заседании обсуждает план изданий, называет книги, которые надо «издать в первую очередь (со сдачей в печать до 15 июля 23 года)». Названо 12 первоочередных изданий, в основном это сочинения Ф. Энгельса и В. И. Ленина, общественно-политическая литература. А завершают список две поэтические книги: «И. Асеев. «Буденный». Тираж 40 000. 12. Маяковский. «Вон самогон!» Тираж 40 000».

Агитационная поэма В. Маяковского «Вон самогон!» в конце августа 1923 года вышла в московском издательстве «Красная новь». А 7 сентября того же года газета «Уральский рабочий» сообщила о выходе ее в издательстве «Уралкнига». В московском издательстве «Красная новь» книга В. Маяковского вышла с его рисунками и с его обложкой. Екатеринбургское издание вышло без рисунков, а обложку рисовал художник А. Парамонов.

В Екатеринбурге поэма набирается по рукописи, присланной из Москвы. В рукопись красными чернилами внесено несколько стилистических поправок. Во всех последующих изданиях агитационная поэма В. Маяковского «Вон самогон!» перепечатывалась с учетом этих поправок, то есть по екатеринбургскому изданию. Это дает основание утверждать, что Маяковский не только знал об отправке рукописи на Урал, но и правил ее.

Значит, в 1923 году и у журнала «Товарищ Терентий», и у издательства «Уралкнига» была прямая связь с В. Маяковским. Но в Екатеринбурге поэт тогда не был, сам передать рукопись и завязать отношения с журналом и издательством не мог. Более

того, «Вон самогон!» — первая книга поэта, вышедшая в провинции, до этого книги его выходили только в Москве и Петрограде.

Кто помог ему? С чьей помощью В. Маяковский печатается на Урале?

О Маяковском написано много. Не раз писали и о связях его с Уралом. И во всех книгах и статьях называется имя Бориса Федоровича Малкина.

Литературовед В. Земсков утверждает, что личная связь Маяковского с Уралом началась при посредничестве Б. Ф. Малкина.

Профессор В. Раков, обращаясь к статьям В. Маяковского, опубликованным в «Товарище Терентии», пишет: «И в том, что эти статьи сразу же после их написания попали на Урал, — немалая заслуга Б. Ф. Малкина, сумевшего своими указаниями об Урале приковать к нему внимание поэта».

Ссылаясь на В. Земскова и В. Ракова, А. Пудваль в своей книге «Поиск» приходит к выводу, что статьи «написаны специально для уральского журнала, а заказ поэту передан Малкиным во время одного из его приездов в Москву. И уж наверняка не без содействия Бориса Федоровича издательство «Уралкнига» выпустило в 1923 году отдельным изданием стихотворный рассказ Маяковского «Вон самогон!».

С В. Маяковским Б. Малкин познакомился в первые дни революции.

По поручению Всероссийского ЦИКа в ноябре 1917 года Малкин попытался собрать в Смольном творческую интеллигенцию Петрограда. Молодая Советская власть сама искала контакта с писателями, деятелями культуры и искусства. Но пришло всего несколько человек. Примечательно, что русскую поэзию представляли два великих поэта — А. Блок и В. Маяковский.

В 1918 году Б. Ф. Малкин был назначен заведующим агентством Центропечать и содействовал публикации произведений Маяковского.

30 января 1921 года Б. Ф. Малкин присутствовал на диспуте «Надо ли ставить «Мистерию-буфф»?». В резолюции участнику диспута охарактеризовали «Мистерию-буфф» как «талантливую и пролетарскую пьесу» и требовали «постановки ее во всех театрах республики и напечатания в возможно большем количестве экземпляров».

Сам диспут, страстное выступление на нем В. Маяковского произвели на Малкина большое впечатление. На другой день, 31 января, он был на приеме у В. И. Ленина. Б. Ф. Малкин рассказал Владимиру Ильичу о диспуте, о поэте, еще до революции связавшем судьбу свою с партией, о «Мистерии-буфф» и встретил доброжелательное понимание.

Две-три недели спустя Б. Ф. Малкин писал Вс. Мейерхольду: «Необходимо поставить (мы заинтересовали

большую группу партийных товарищей) Мистерию для партсъезда. Я говорил с Лениным о Маяковском и о Мистерии — мы с ним условились, что он прослушает пьесу (в чтении автора). Но теперь уж лучше подождать постановки».

Можно лишь пожалеть, что за текущими делами Б. Ф. Малкин упустил возможность организовать встречу В. И. Ленина с Маяковским.

В августе 1921 года Б. Ф. Малкин был командирован на Урал, в Екатеринбург, в распоряжение губкома партии. 17 августа на проводах его был В. Маяковский. Поэт посвятил Малкину следующие шуточные строки:

Когда, боясь футуристической
рыси,
в колеса вставляли палки нам,—
мы взмалкивались:
«Спаси нас, отче Борисе!»
И враги рсточались перед
бешеным Малкиным.
Я человек не очень юркий,
но черт разберет ее, волю создателя.
Словом,
примите меня в Екатеринбург,
ежели сбежать придется
от сумасшедшего Госиздателя.

В Екатеринбурге Б. Ф. Малкин ведал отделением Центропечати и издательскими делами, организовал Уральскую литературную ассоциацию, выступал с лекциями и докладами. В сентябре его назначили заведующим губполитпросветом. Он возглавил комиссию по празднованию годовщины Октября.

Б. Ф. Малкин, конечно же, заинтересовал екатеринбургских партийных и театральных деятелей пьесой В. Маяковского «Мистерия-буфф». Весной она шла в Москве, а в июне три спектакля были даны для делегатов III конгресса Коминтерна.

В это время инструктором поддела искусств работал Г. Александров, впоследствии известный советский кинорежиссер. Вспоминая свой путь в искусство, он рассказал и о том, как в Екатеринбурге поздней осенью 1921 года была осуществлена постановка «Мистерии-буфф»:

«Играли в цирке шапиро. В спектакле участвовали цирковые артисты, и мы, участники его, по ходу действия наравне с ними лазили по веревочным лестницам и кувыркалились на арене... Мы сыграли «Мистерию-буфф» два раза... зима неожиданно ударила жуткими морозами. На последнем представлении в нетопленном цирке было 25 градусов мороза, потом дошло до 50, и нечего было думать, что «он» (наш зритель) высидит на спектакле».

Если «Мистерия-буфф» и была поставлена в Екатеринбурге, это, несомненно, заслуга Малкина — только он мог заинтересовать режиссера этой пьесой.

В начале 1922 года в Москве проходил съезд рабочих-металлистов. Б. Ф. Малкин был делегирован на него от екатеринбургского союза металлистов. 6 марта он присутствовал на заседании коммунистической фракции съезда. Выступая на этом заседании, В. И. Ленин очень высоко отозвался о стихотворении В. Маяковского «Прозаседавшисья», которое днем ранее было опубликовано в газете «Известия».

Малкин вспоминал: «В тот же вечер мы позвонили Маяковскому и рассказали ему о выступлении Владимира Ильича. Маяковский был крайне взволнован и обрадован. Не удовлетворившись телефонным разговором, он приехал к нам поздно ночью, заставил передать ему всю речь Ильича и долго расспрашивал о съезде».

Газета «Уральский рабочий» в номере от 4 марта сообщила, что через два дня, 6 числа, в Уральской литературной ассоциации (ее тогдашний адрес — Пушкинская, 12) состоится доклад Малкина «Литература и революция». Доклад был перенесен в связи с поездкой на съезд. А вернувшись со съезда, Малкин делится впечатлениями от речи В. И. Ленина.

И все сходится на том, что ставший екатеринбуржцем Б. Ф. Малкин не только поддерживал Маяковского и пропагандировал его творчество, но и помог ему установить связь с уральскими изданиями. И вопрос о том, через кого рукописи Маяковского шли в Екатеринбург, можно было бы считать решенным, если бы не одно существенное но...

17 марта 1922 года газета «Уральский рабочий» сообщала о том, что Б. Ф. Малкин уезжает в Москву. И больше он в город не приезжал. А журнал «Товарищ Терентий» и издательство «Уралкнига» появились в 1923 году.

Да, между Малкиным и Маяковским были и продолжали сохраняться добрые дружеские отношения. Но с момента отъезда Малкина из Екатеринбурга в марте 1922 года мы не прослеживаем никаких связей его с Уралом. А это дает повод по меньшей мере усомниться в утвердившемся мнении, что именно Малкин способствовал публикации в Екатеринбурге статей В. Маяковского и его книги.

Но ведь факт первой публикации статей В. Маяковского в «Товарище Терентий» доказан, а машинописная рукопись агитпоэмы «Вон самогон!» с правкой — доказательство еще более убедительное.

Ряд лет я собираю материалы о творчестве соратника Маяковского поэта Н. Н. Асеева. И меня очень интересовало, как рукопись его поэмы

«Буденный» попала в «Уралкнигу». А рукопись эта — с авторской правкой и с финальной песней «Марш Буденного», тогда еще не опубликованной. В 1924 году журнал «Товарищ Терентий» (№ 29, 1 октября) печатает поэму Ник. Асеева «Двадцать шесть». Это была первая журнальная публикация, ибо всего неделей раньше поэма опубликована в газете «Бакинский рабочий» (22 сентября).

Пытаясь найти связи Асеева, я и вышел к связям Маяковского. Ясно было одно: они, эти связи, общие.

Снова внимательно просматривая периодику тех лет, изучаю авторский актив журнала. А в нем значатся Д. Бедный и А. Безыменский, В. Кириллов и В. Казин, Ю. Либединский и Н. Ляшко, А. В. Луначарский, О. Мандельштам, Н. Никитин, С. Обрадович, Н. Полетаев, И. Садофьев, С. Третьяков, И. Филипченко... Совсем как в ином московском журнале.

И тут, отмечая, кто редактор, где помещается редакция, вдруг обращаю внимание на любопытное указание: «Уполномоченный редакции журнала «Тов. Терентий» в Москве — М. Е. Долинов, Тверская, Б. Гнездиковский, 10, кв. 509» — и номер телефона.

У журнала была, оказывается, московская редакция!

Не имея достаточных литературных сил на Урале, редакция молодого журнала рассчитывала на активную поддержку со стороны известных московских литераторов. А для этого нужна была постоянная связь с ними. Издательство «Уралкнига» в первое время тоже ориентировалось на известных писателей, переняло опыт журнала «Товарищ Терентий», используя его связи в Москве. Да и журнал издавался «Уралкнигой», и штаты утверждались издательством.

А вот и документ — протокол заседания правления «Уралкниги», на котором утверждаются по журналу «Товарищ Терентий» редактором в Москве — М. Е. Долинов, редактором в Екатеринбурге — В. В. Владимирский. Нашелся в архиве Свердловской области приказ об официальном назначении Долнова Мориса Евсеевича на должность литературного представителя в Москве.

М. Е. Долинов, официально представляя в Москве екатеринбургские издания, договаривался с писателями (в том числе — с В. Маяковским и Н. Асеевым) о сотрудничестве, брал у них рукописи и отправлял их в Екатеринбург.

Литературовед и критик И. А. Дергачев, хорошо знающий историю литературного движения на Урале, интересовался моими разысканиями.

И однажды Иван Алексеевич говорит мне:

— У меня есть приятная новость: я нашел Долинова.

— Где? Как?

— В справочнике Союза писателей. Долинов Морис Евсеевич, Москва, Б. Гнезниковский переулок, дом 10, квартира 509.

— Тот же адрес, что был и в 1923 году?!

— Да, тот же...

Тут же звоним в Москву. К телефону подошла Антониды Михайловна, вдова писателя. Она сообщила, что Долинов умер летом 1975 года, что он действительно был московским редактором екатеринбургского журнала «Товарищ Терентий».

Из последующих бесед удалось установить, что после освобождения осенью 1919 года Екатеринбурга от колчаковских войск М. Е. Долинов работал в екатеринбургском отделении РОСТА, в начале 1920 года был переведен в Пермь, а затем — в Москву.

В. Маяковский был тесно связан с работой Российского телеграфного агентства, близко знал многих его сотрудников. Здесь же он мог познакомиться и с Долиновым, который продолжал поддерживать связи с Уралом, с охотой принял предложение стать московским представителем журнала «Товарищ Терентий». А. М. Долинова говорила мне о том, что в их квартире бывал В. Маяковский, обсуждал с мужем свои издательские дела. Маяковский привел сюда и Н. Асеева. Оба поэта предоставили в распоряжение только что организовавшегося издательства «Уралкнига» рукописи своих книг: В. Маяковский агитпоэму «Вон самогон!», а Н. Асеев — поэму «Буденный».

Таков путь рукописей В. Маяковского в Екатеринбург в 1923 году.

САБЛЯ ПАВЛА КАТЕНИНА

В краеведческом музее старинного русского города Кологрива оборудован уголок, посвященный памяти Павла Александровича Катенина — поэта, переводчика, литературного критика, близкого друга Грибоедова и Пушкина.

Среди личных вещей Катенина особое место занимает сабля, с которой он участвовал в Бородинской битве и других сражениях Отечественной войны 1812 года. За храбрость и военное искусство в 25 лет Павел Александрович был произведен в полковники лейб-гвардии Преображенского полка. Но после войны оказался в числе неугодных царю лиц, получил отставку, а позднее был выслан из Петербурга.

30 лет прожил Катенин в деревнях Кологривского и Чухломского уездов Костромской губернии. Будучи энциклопедически образованным человеком, он много писал, переводил. О литературной жизни столицы аккуратно оповещали в письмах многочисленные друзья. Мнением Катенина весьма дорожили все писатели того времени. Пушкин считал его самым значительным критиком в России и гордился тем, что их обоих одновременно в 1833 году избрали действительными членами Российской Академии наук.

Тесными узами дружбы был связан с Катениным Грибоедов. В 1817 году они в соавторстве написали комедию «Студент». А когда Грибоедов создал свое бессмертное «Горе от ума», то, прежде чем обнародовать его, послал в Кологривское имение Катенина на отзыв своему другу.

По своим убеждениям Павел Александрович Катенин был близок декабристам. И потому «недремлющее око» жандармов не упускало его из виду, а многочисленные недруги при каждом удобном случае старались уязвить самолюбие «костромского затворника», создав ему славу «неуживчивого человека».

Кологрив и Чухлома — два города Костромской области, поделившие между собой светлую память о замечательном земляке. Прах Катенина покоится в Чухломе, а сабля — свидетельница воинской доблести русского офицера-патриота — в Кологриве.

Виталий
ПАШИН

**Валентин
НОВИКОВ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ЗВЕЗДНАЯ ЛОДКА

Рассказ

Странный это был учитель. За полосатый костюм мы его звали Полосатиком. Слушая путанные наши ответы, он добродушно поглядывал на нас через чистые, со светлыми ломаными отблесками, очки и улыбался доброй снисходительной улыбкой. И только Филиппа, а попросту — Липочку, когда тот нес околесицу у доски, слушал задумчиво и внимательно, не обращая никакого внимания на то, что мы в это время «балдеем».

Я уж и не помню теперь, что у нас вызывало смех. Кажется, при решении задачи Липочка нарушал последовательность — сначала писал ответ, кстати, всегда правильный, потом его куда-то заносило, он все путал, и в конце концов у него вместо прежней задачи получалась совсем другая.

Липочка потешно бормотал у доски, «шаманил», как мы говорили, но ни разу при этом в глазах учителя не пробежало столь привычной насмешливой искорки. Да и смотрел он не на доску, а на самого Липочку, маленького, взмокшего от усердия, на его тонкие смуглые руки, перепачканные мелом. Смотрел и молчал. Иногда почему-то заметно нервничал, покусывал ногти и хмурился. Потом ставил Липочке тройку и отправлял на место. Ни разу Липочка не получил у Полосатика отметку выше тройки.

Наш шестой «А» на уроках Полосатика шумел больше, чем у других учителей, но, не знаю уж почему, шум не мешал нам. И самое интересное — хоть мы и ходили на головах при этом учителе, и домашние задания «закалывали», и вообще не слушали порой, о чем шла речь на уроке, — именно тогда появились у нас в классе любители математики. Было их немного, и носили они презрительную кличку — «профессора». Липочку к профессорам не причисляли. Легкие задачки он вовсе не умел решать, а трудные... я уже говорил: трудные он решал совсем не так, как было надо.

Верно, потому, что уроки математики не были нам тягостны, выходя из класса, мы не стремились освободиться от того, что говорил Полосатик, как от докучливой необходимости,

напротив, невольно припоминали его спокойный голос, светлые блики очков. Нередко он увлекался и говорил на уроках о вещах, для нас малопонятных, но заманчивых своей причудливой сутью. Нам, шумной мелюзге, он помог тогда увидеть математику как инструмент познания мира...

Добрый и скромный, такой привычный Полосатик... Он вдруг распрощался с нами и уехал совсем в какой-то южный город.

Вместо него пришел Михаил Нилыч.

Если раньше, приходя из школы, я пинал от порога портфель так, что он летел под бабушкину божницу, наскоро хлебал горячие щи и хватал лыжи, то теперь сидел, как проклятый, над задачками, в глазах рябило от множества неизвестных, от иксов и игреков, и, недобро поминая бодрого, полного сил Михаила Нилыча, с нежностью думал о Полосатике, редко и неохотно ставившем двойки.

Липочку Михаил Нилыч долго не спрашивал, наверно, потому, что Филипп Яшин был записан в журнале последним и до него просто не доходила очередь. Потом вызвал. Липочка вышел и, как всегда, понес. Михаил Нилыч долго сидел на месте, потом встал и тихо подошел к доске, — нам показалось, что подкрался, — чтобы получше разглядеть Липочкины каракули.

Мы сидели затаив дыхание и ждали потехи. Но потехи не последовало. Липочка получил пятерку.

После этого учитель стал приносить ему какие-то книги. Липочка прочитывал их так быстро, что учитель, недоверчиво хмурясь, задавал ему непонятные для нас вопросы. Липочка отвечал торопливо, захлебываясь, словно щенок.

Скоро это стало привычным, и мы потеряли к Липочке интерес.

Однажды, получив по математике двойку, я шел из школы и с неприязнью смотрел на шагавшего впереди меня Липочку. Я совсем уже собрался выбить у него из рук портфель и насмешливо пройти мимо, как не раз делал прежде, но увидел вдруг, что он совсем маленький и тонконогий в своих шортиках, что портфель,

набитый книгами, которые принес ему Михаил Нилыч, слишком тяжел для него и оттягивает плечо...

Ничего не говоря, я взял у него из рук портфель и зашагал рядом.

В тот день мы подружались.

Он научил меня решать задачки — палочкой на речном песке. До сих пор я не понимаю, почему Липочке так легко удалось сделать то, чего не могли учителя.

Помню, в конце учебного года мы возвращались с рыбалки. Мокрой от дождя травой шли по берегу реки, когда уже загорались на очистившемся небе звезды, и я поразился необычному блеску Липочкиных глаз. Я смотрел на его запрокинутый подбородок, колечки прилипших ко лбу волос, на его острые плечи. А он смотрел в провал неба, в темнеющую бездну над головой.

Почему небо называют куполом? Это не крыша над головой. Это дорога. Бесконечная дорога...

— Я построю звездную лодку, — сказал Липочка.

— Чудак, ты же гвоздя забить не умеешь! Бьешь себе по пальцам.

— Я построю звездную лодку, — повторил он.

— Из чего ты ее построишь, из бумаги? — Меня почему-то раздражала его уверенность.

— Это все равно. Можно и из бумаги.

— А ты знаешь, из чего строят космические корабли?

Он думал что-то свое. Что-то необычайное родилось в его сознании. Он остановился, маленький и щуплый, расставив ноги в стоптанных сандалиях, и посмотрел в космос:

— Я построю звездную лодку!

И мурашки побежали у меня по спине.

А осенью, когда мы бегали за грибами, — их сушила моя бабушка в печи на соломе, по углям прыгали синие огоньки, грибы становились маслянистыми и пьянили своим запахом, — этой осенью Липочка уехал в Новосибирск в математическую школу. Ехать туда он не хотел, но настояли родители — мама, врач районной поликлиники, и отец, главный бухгалтер совхоза.

От Липочки я отвыкал долго и мучительно. Никто не мог заменить его. Другие ребята были ловчее в игре, лучше знали лес, ездили верхом, некоторые даже водили трактор, но без Липочки я испытывал мучительное чувство одиночества.

Я собирал лекарственные травы — иногда один, иногда с бабушкой. Старая, скрюченная и глухая, она была сущим профессором по травам, редчайшие какие-то стебельки вынюхивала по болотным кочкам и песчанкам и, находя, светлела лицом, рассказывала мне про чудодейственные свойства этих трав, про их целительную силу. Некоторые из них брала аптека, некоторые бабушка оставляла у себя, сушила. И зи-

мой я часто подходил к связанным сухим пучкам, закрывал глаза, возвращался в лето — и всегда вспоминал Липочку.

Я надеялся, что встретусь с ним на летних каникулах, когда он приедет домой. Но домой Липочка не приезжал. Говорили, что в знаниях у него полно пробелов и с ним занимаются по математике профессора.

Через два года осенью уехали навсегда из поселка родители Липочки.

Сперва незаметно исчезли разные мелочи, связывавшие меня с Липочкой: источенный маленький перочинный ножик я потерял где-то в полях, собирая травы; книгу «Всадник без головы», которую подарил мне Липочка, кто-то взял почитать и не вернул; запропали куда-то обшарпанный маленький глобус, карманный фонарик... Удивительно, в детстве вещи прямо-таки бегут от нас в разные стороны, ничего не сохранишь!

Спустя двадцать лет после того, как мы расстались, я встретил его в цветочном магазине крупного научного центра на севере.

Я знал, что Липочка возглавляет научно-исследовательский институт, занимающийся чуждыми моему сознанию вещами. Конечно я много был наслышан об идеях «достаточно безумных, чтобы быть правильными», о таинственной кухне современной физики. Но до того дня все это никаким образом не касалось меня. И Филиппа я никак не мог про себя называть иначе, нежели Липочкой.

У прилавка над грудой белых роз стоял высокий худощавый человек — с бородкой, но совсем еще молодой. Только по глазам да темным длинным ресницам я узнал в нем Липочку. По каким-то признакам он тоже узнал меня.

Ошеломленные встречей, мы долго не могли разговаривать. Он забыл, видно, что хотел купить цветы, и повел меня к себе домой.

Ветер гнал по улице жесткий сухой снег: стоял хмурый ветреный день глубокой северной осени.

Квартира у Липочки была большая и уютная. Я вошел следом за ним в просторную комнату с двумя письменными столами. Один был, словно скатертью, покрыт нетронутой серой пылью, на втором лежали бумаги.

Меня поразила огромная библиотека. Полки, набитые книгами, тянулись по стенам; раскрытые книги лежали на полу, на подоконниках.

— Когда ты успел их собрать?

— Да я, собственно, не собирал, — он без особой любви оглядел полки с книгами. — Как будто много, а по существу ни то ни се. Обычно беру книги в институте. Тут — никакой системы...

Он достал из-под кровати кофейник и пошел на кухню.

Я более тщательно без него оглядел комнату и поразился запустению. Казалось, здесь ни-

кто не живет. Отчего-то вспомнилось мне, что моя бабушка всегда обходила стороной единственный у нас в деревне пустующий дом с заколоченными окнами. Обходила и крестилась...

— Кто хоть прибирает у тебя? Такой беспорядок...— сказал я, когда вернулся Липочка.

— Сам прибираю. Раньше приходила соседка, а теперь отказалась.

— Почему?

— Не знаю. То есть я, конечно, знаю, но это смешно... Видишь ли, она говорит, что у меня тут кто-то ходит. Видимо, эго принимает за чьи-то шаги.— Он усмехнулся, но глаза его смотрели грустно.— Не любят люди пустых квартир...

— У меня тоже ощущение, что здесь никто не живет.

Липочка огляделся с таким видом, будто и сам был тут гостем.

— Я все время в лаборатории.— Он провел пальцем по столу и оставил ясную полосу полированного дерева.— Не думай, что мне это нравится. Но изменить, исправить что-либо я уже не в состоянии. Для этого не остается времени.

— И никто к тебе не заходит?

— Зачем? Ведь то, что целиком занимает меня, никому более не интересно. Вернее, интересно лишь узкому кругу лиц, которые вечно заняты так же, как и я...

Оборвав разговор, Липочка ушел на кухню.

Я не могу сказать, что произошло в следующий миг. Может быть, вышло из-за туч солнце и осветило мимолетно угрюмую комнату. Все в ней мгновенно преобразилось, стало радостным и светлым. И эта мимолетная ясность, возникшая в комнате, испугала меня, столь чуждой она была царившему здесь сумраку, столь неожиданной и непонятной...

Спустя некоторое время Липочка возвратился с кофейником и чашками. Он достал сахар, неторопливо налил кофе и, казалось, забыл о нашем разговоре.

— Ты начал о своей работе,— напомнил я.

— Да. Понимаешь, я сейчас пытаюсь разрешить одну загадку... При всей кажущейся простоте она... Несколько лет назад мы проводили необычный эксперимент. Неудачный, но с загадочными побочными явлениями...— Липочка стал вдруг странно рассеянным, начал беспокойно озираться по сторонам.

До меня долетел мимолетный запах дождя. Далекого внезапного дождя, ворвавшегося в горячий день. Я ощутил, как остро запахло водой и пылью. Но окна были закрыты, в стекла сухо шелкала снежная крупа... В этой угрюмой заброшенной комнате происходило что-то необычайное.

— Продолжай, я слушаю.

— Удивительно, что мы с тобой встретились именно сейчас. Ты пришел, и сразу меня словно отбросило назад, в детство. Не удивляйся, мне

всегда не хватало тебя, все эти годы. Помню, как я уехал в Новосибирск, плакал тайком. Не потому, что мне было плохо. Напротив, там все было хорошо. Но я никак не мог отвыкнуть от нашей деревни, мне все казалось, что вечером вот-вот погонят домой коров, что бабка Васильевна принесет нам кринку парного молока, поставит на подоконник и будет разговаривать с мамой. До слез было жаль нашу школу, Полосатика. Он мне ничего не навязывал, и в голове у меня рождались сумасбродные теории. Я бегал с тобой по берегам реки и делал открытие за открытием. И совсем случайно я натолкнулся на...

— Звездную лодку?

Он кивнул.

— Но в детстве эта идея казалась мне простой и ясной. Сейчас ясность утрачена, и я не могу ее вернуть. От истины меня уносит чувство тревоги и неуверенности. Но я по-прежнему ощущаю ее близость...

Липочка устало прикрыл на миг глаза. И я увидел, что лицо его серо, на лбу следы непрерывной усталости.

Что я знал о работе ученого, делающего шаг в неизвестность?

И вдруг комната как будто зазвенела от света. У меня было такое ощущение, словно цветущий весенний луг с перегретой травой, жуками, звоном дневного света кто-то взял да и перенес на миг из невообразимой дали сюда, в сумрак угрюмой комнаты.

— Что это?— спросил я у Липочки.— Что это за свет, запахи? Что у тебя тут происходит?

Он смотрел на меня, как в детстве, когда прутиком на песке учил решать недоступные моему пониманию задачи.

— Они пытаются... Они тоже пытаются по-своему связаться с нами, как и мы с ними. У них, как видишь, свой путь... Но и у них, видимо, тоже не клеится. Да, пространство—это совсем не то, что ты думаешь. И пути преодоления его не однозначны.

Меня поразило, что все происходившее ничуть его не удивляет, не кажется ему неожиданным.

— Тебе мыслится, как видно, лишь машинная связь—сигналы, формулы, явления в математическом выражении...— продолжал он.— Машина считает, говорит, думает, обобщает и делает выводы, машина анализирует свое собственное и человеческое мышление. Где же грань, разделяющая нас?

Он встал из-за стола, прошелся по комнате.

— Их попытки связаться с нами... А может быть, это явление просто не имеет аналога... Погоди, погоди...— Он настроенно замер, потом снова зашагал по комнате.— Одна сторона этого явления чрезвычайно проста. Их импульсы... так я называю то, что ты только что наблю-

дал... направлены не на наши антенны или иные приборы, а непосредственно на человека. В данном случае на меня. Я и сам открыл возможность контакта, но загадку для меня представляет совсем иное...

Замолчав, он замер, а затем попятился, глядя на второй стол. Я проследил за его взглядом.

На пыльном столе лежали цветы — обычные луговые цветы, бледно-голубые и желтые, с редкой примесью прошлогодних сухих стебельков, некоторые были вырваны с корешками, в их светлых нитях темнели комочки свежей земли.

Это была растительность иного мира. Только на первый взгляд она казалась похожей на земную: подойдя ближе, я различил лилово-красный блеск стеблей, необычное строение цветков...

— Ну что? — голос Липочки донесся словно издалека.

— Я никогда не видел такой травы... На Земле не может быть такой травы!

Липочка, стоя перед столом, о чем-то напряженно думал. Растрепанные волосы падали на его лоб, весь в ранних беспокойных морщинах, под глазами лежали тени, и явственна была в этот миг седина его висков.

— Погоди, погоди... Я хотел купить цветы... Затем... я вспомнил о том, как мы с тобой... о траве и дождях... Ну, конечно же... от нас они принимают лишь то, что сильно и эмоционально. Как раз то, что отличает нас от машины! Черт побери... Как я раньше не мог этого понять? Ведь и у нас все зависит от силы и цельности наших чувств. Как просто, однако! — он схватил цветы и уткнулся в них лицом. — Как все просто! Как просто...

ТУДА И ОБРАТНО

СЮЖЕТ ДЛЯ РОМАНА

В апрельском выпуске «Калейдоскопа» мы поместили расшифровку первой главы рассказа, составленного из названий НФ произведений [см. № 6—10 за прошлый год]. На очереди — вторая, самая длинная (и потому самая трудная для отвечающих) глава рассказа. Вот ее 79 названий, — авторы произведений, как и прежде, указаны в скобках.

Сплошные неприятности [Г. КАТТНЕР]. Шесть гениев [С. ГАНСОВСКИЙ]. Охотники за динозаврами [А. ШАЛИМОВ]. Одержимые [А. КЛАРК]. Перед дальней дорогой [Ю. ТУПИЦЫН]. Чрезвычайное происшествие [А. и Б. СТРУГАЦКИЕ]. «Одним меньше» [И. РОСОХОВАТСКИЙ]. Что случилось с капралом Куку! [Д. КЕРШ]. Наш новый приятель [Ю. САМСОНОВ]. Джентльмен, приехавший из Америки [С. МИНКОВ]. Не ищите кролика Кузю [В. РУЧИНСКИЙ]. По соображениям безопасности [Э. ДОНАДЖО]. Он решил вернуться [Э. ГОЛИГОРСКИ]. Рационалист [С. ХОСИ]. Мы пойдем мимо — и дальше [В. ЖУРАВЛЕВА]. Авария [Г. АДАМОВ; В. ЗЕГАЛЬСКИЙ; В. ФИРСОВ]. Машина останавливается [Э. М. ФОРСТЕР]. Темнота и плесень [С. ЛЕМ]. Ах, Баттен, Баттен! [А. АЗИМОВ]. Нажми, нажми кнопку!.. [Р. МАТЕСОН]. Отряд исследователей [М. ЛЕЙНСТЕР]. Во тьме веков [И. ПОТАПЕНКО; М. УЭЛЛЕН]. Джунгли [И. РАДУНСКАЯ]. Самое страшное [Р. ПОДОЛЬНЫЙ]. Совсем рядом [Г. МАРТЫНОВ]. Динозавры [И. КАЛЬВИНО]. С ружьем на динозавра [Л. СПРЭГ ДЕ КАМП]. Просто смешно! [Ф. БРАУН]. Ради всего святого [С. МАТИНЕС]. Обратно в будущее [Р. БРЭДБЕРИ]. Боюсь... [Д. ФИННЕЙ]. Если бы знать заранее... [В. КОМАРОВ]. Пожалуйста, тише! [А. КЛАРК]. Сломался эскудер [Д. БИЛЕНКИН]. Бегство в пространство-время [А. РОГОЗ]. Равносильно смерти [Д. КРИСТОФЕР]. Я не верю!.. [Д. УИНДЭМ]. Согласно научным данным [В. БАХНОВ]. «Гений» не может ошибаться [Д. МАКИНТОШ]. Выручайте, Мих. Мих.! [Д. БИЛЕНКИН]. «Сиди и не высовывайся!..» [Р. КОШУРНИКОВА]. Приход ночи [А. АЗИМОВ]. В безвыходном положении [Д. СМИТ]. Принцип оптимальной целесообразности [А. КОБРИНСКИЙ]. Убежище [Р. СЕРЛИНГ]. Но если... [С. ГАНСОВСКИЙ]. У каждого дерева есть своя птица [С. ДРУГАЛЬ]. Один шанс из тысячи... [С. ЖИТОМИРСКИЙ]. Где-то там, далеко... [А. и С. АБРАМОВЫ]. Другое место [Д. ПРИСТЛИ]. Можно пойти пешком [Р. СЕРЛИНГ]. Но много миль еще пройти... [У. НОЛАН]. В серебристой лунной мгле [Р. БРЭДБЕРИ]. Через речку, через лес [К. САЙМАК]. Кружным путем [Э. Ф. РАССЕЛ]. Поправка на икс [В. ЖУРАВЛЕВА]. Надо идти [И. АКИМОВ]. Поиски наугад [Д. УИНДЭМ]. Звук бегущих ног [Р. БРЭДБЕРИ]. Хищник [Д. ВИЛЬЯМС]. Погоня [В. МИХАНОВСКИЙ; А. ПОРДЖЕС]. Поединок динозавров [Д. СЕРГЕЕВ]. Бег [В. БАБЕНКО]. Крик о помощи [И. РОСОХОВАТСКИЙ]. Подождите, пожалуйста [А. БЕСТЕР]. Люди, где вы!.. [Р. СЕРЛИНГ]. Последний шаг профессора Вудда [Г. РЕЙМЕРС]. Профессор накрылся [Г. КАТТНЕР]. Не может быть [М. КРИВИЧ, О. ОЛЬГИН]. Бедолага [К. СОШИНСКАЯ]. Нам было его жаль... [Я. ВАЙСС]. Но ведь Рубен не знал... [К. СИМОНЯН]. Исчезновение инженера Боброва [В. САПАРИН]. Иду к вам [И. РОСОХОВАТСКИЙ]. Учитель [И. РОСОХОВАТСКИЙ; В. ШИТИК]. Где бы ты ни был [Д. ГАНН]. Здесь могут водиться тигры [Р. БРЭДБЕРИ]. Макс выполняет свой долг [Р. ШЕКЛИ]. Безумие [М. ГРЕШНОВ; Ю. ТУПИЦЫН].

Возвращение земли

Почему же все мы вдруг так беспокоились об охране природы и своей собственной охране (ведь мы — часть природы)? Включаешь телевизор — там показывают густой ядовитый дым — туман над Лос-Анджелесом. Идешь в кино — там фильм «У озера», проблема сохранения чистоты Байкала. Берешь газету — очередная дискуссия о судьбе малых рек. Открываешь книгу Василия Пескова — она о «братьях наших меньших», — фотография павших от ядохимикатов зайчишек. В театре — новая пьеса И. Дворецкого «Веранда в лесу» с мучительными размышлениями: выживет ли человечество, не погубит ли технический прогресс природу и нас?

В общем, боевая тревога.

Люди старшего поколения знают: раньше обо всех этих проблемах разговору и споров было меньше. Почему? Потому что лишь в последние десятилетия человечество переступает границу дозволенного во взаимоотношениях с природой.

В самом деле, представьте себе ту местность, где вы живете, такой, какой была она столетия назад. На просторах степей, в густых лесах, на берегах полноводных рек были мелкие поселения охотников, хлебопашцев, рыбаков, скотоводов.

Разве могли поколебать «золотое равновесие природы», скажем, дымы костров или даже первых железодельных заводов? Или отходы какого-нибудь пенькового производства?

Конечно, жилось тем людям намного тяжелее, чем нам. У них не было автомобилей и самолетов. Не было наших удобных больших домов с горячей водой, паровым отоплением и электричеством. Их жизнь во многом зависела от капризов природы: в неурожай, в эпидемию вымирала целые народы.

Теперь нас, людей, стало намного больше и живем мы несравненно лучше. Наш комфорт обеспечивают высокоразвитые химия, металлургия, машиностроение, добыча нефти, угля, газа. И все эти отрасли отравляют окружающую среду своими стоками и выбросами, портят землю, уничтожают леса.

Мы, человечество, в выигрыше

от все убыстряющегося технического прогресса.

Мы, человечество, в проигрыше: ухудшаются условия для здоровой жизни.

Закон природы: выигрывая в одном — проигрываешь в другом. Это противоречие не фатально, однако оно вынуждает нас вести борьбу за свое здоровье, за свою жизнь, за будущее, за разумное использование природы. И мы обязаны победить в этой борьбе — на земле, в воде и в воздухе.

Об этом шел разговор с членом-корреспондентом Академии наук СССР, директором первого в стране Оренбургского научно-исследовательского института охраны и рационального использования природных ресурсов Александром Степановичем Хоментовским.

— Что вы можете сказать о крайних взглядах на перспективу этой борьбы — от «ничего уже не сделаешь» до «ничего, технический прогресс породил конфликт с природой — он и уничтожит этот конфликт»?

— В любом деле есть пессимисты и оптимисты. Давайте разберемся. На английских ТЭЦ ставят дымовые трубы ростом с телевизором. В окрестностях радуются: воздух стал чище. А за морем, за сотни километров, в Норвегии начинает чахнуть растительность и гибнуть рыба: ветры перекинули беду из одной страны в другую.

Или еще: в Антарктиде в телах пингинов обнаружен ДДТ, который где-то за тысячи километров рассыпал над сушей для борьбы с вредителями. С водой рек он попал в океан, там — в организмы рыб, и дальше — в пингинов.

Видите: дело зашло далеко, проблема стала глобальной. Так что пессимистов можно понять.

— А. Крон в своем романе «Бессонница» говорит примерно так: земная атмосфера и мировой океан стали местами общего пользования, в которых надо поддерживать чистоту и порядок, точно так же, как людей, живущих в большой комму-

нальной квартире, заставляет сотрудничать и соблюдать известные нормы естественная забота о здоровье и безопасности.

— Очень точная мысль, однако пока что она больше в пользу пессимистов.

Но с другой стороны — энергичные, широкие меры уже дают заметный успех. Чище стали Волга и Урал после постановлений партии и правительства о предотвращении загрязнения бассейнов этих рек.

Или вот пример: как удалось сохранить подлинную жемчужину нашей природы — Бузулукский бор. В нем нашли нефть. Разгорелась настоящая сражение между оренбургскими областными организациями, общественностью и хозяйственниками: добывать эту нефть или законсервировать месторождение, чтобы не погубить бор?

Несколько лет шла эта борьба. Сами можете оценить ситуацию: стране очень нужна нефть — топливо и сырье для химии, да еще так близко к центрам нефтехимической переработки. И все-таки было принято решение сохранить уникальный бор. Будет жить и радовать людей этот самый южный на Русской равнине сосновый лес на 11 тысячах гектаров.

Так что в борьбе за чистоту окружающей среды есть достижения и у оптимистов.

— Ваша точка зрения!

— Видите ли, я считаю преждевременными и несостоятельными как мрачные прогнозы, так и шапкозакидательство.

Давайте поставим вопрос так: можно ли хотя бы приостановить технический прогресс, как это предлагают некоторые горячие головы, то есть, к примеру, меньше строить ТЭЦ, выбрасывающих в атмосферу миллионы тонн вредных газов и веществ? Или, скажем, оставить в покое миллионы гектаров пашни, пусть, мол, снова будет первозданная степь — рай для зверей и птиц?

Нереально. Один английский эколог сосчитал насчет той истории с выбросами из английских труб и гибелью норвежской природы: «Надо или нашу промышленность остановить, или Норвегию отодвинуть».

Нет, возврат к первобытной гармонии человека и природы невозможен, потому что человечество растет и ему нужно все больше и больше благ. Остановиться, даже затормозить — нельзя.

И мне кажется, не пользу, а вред приносят отдельные «борцы за природу», которые лишь причитают, идеализируют ее, сочно и ярко живописуют конфликт человека с природой, но не могут четко предложить: а что же нам делать?

Надо, надо принимать ответственные, твердые, реалистические решения.

Как мы в нашем институте понимаем рациональное природопользование? Это, во-первых, наиболее полное использование природных ресурсов при минимальном загрязнении окружающей среды. Во-вторых, охрана природы. И в-третьих, преобразование ее, направленное на улучшение существующих природных условий в интересах человеческого общества.

Надо действовать.

— Хотя расходы на эти цели очень велики и будут расти!

— Да, за охрану природы и своего здоровья человечество вынуждено платить все больше. К примеру, стоимость очистных сооружений составляет все более значительную часть стоимости вводимых в строй предприятий.

Василий Песков, один из самых интересных наших журналистов, пишущих о природе, приводит такую цифру: не менее двух процентов своего бюджета каждое государство сейчас обязано отдавать на охрану природы, если оно хочет создать у себя комфортные условия жизни населения. Это — многие миллиарды, но... нельзя экономить на охране природы — себе дороже выйдет, как говорили в старину.

— Пожалуйста, о конкретных работах и планах первого в стране института охраны природы во всех трех сферах — на земле, в воде и воздухе.

— Хочу только уточнить, что институт организован с разрешения Минвуза РСФСР на общественных началах при Оренбургском политехническом институте. Мы, при поддержке Уральского научного центра Академии наук СССР и многих других авторитетных организаций, добиваемся, чтобы институт наш был полноправным, юридически оформленным.

Итак, «на земле...» Если надуть детский резиновый шар и представить его моделью нашей планеты, то тоненькая его оболочка — это почва, слой плодородия и жизни. Накапливается почва, такая как оренбургские черноземы, веками. А уничтожить целые гектары можно, к сожалению, за один рабочий день бульдозером или экскаватором. Немало земель — и не только в Оренбуржье — пропадает при строительстве карьеров: смешали почву с породой, вывезли в отвал, в поле. А когда разработка месторождения закончена — бросили карьер. И остались на лице земли безобразные шрамы, пропала даром почва, со-

кратились площади, пригодные для хлебопашества.

Поэтому одно из главных направлений научной деятельности нашего института — это рекультивация земель. Да, нужны нам руды, нужен уголь, нужно, кроме этого, строить здания, дороги. Но при этом нельзя терять почвенный слой.

Вот, к примеру, строится железная дорога Оренбург — Мурапталово, которая почти на тысячу километров сократит путь из Уфы через Оренбург в Среднюю Азию. Институт составил технический проект снятия, сохранения и использования плодородного слоя почвы и рекультивации земель, то есть когда дорога будет готова, почва вернется на место и не будет на земле шрамов, покроет ее здоровая зеленая трава, деревья.

А на выработанных карьерах и отвалах в Оренбургской, Челябинской, Актюбинской областях, в Башкирии мы проектируем или создаем пахотных угодий — на Айдарбакском никелевом руднике например, или облесение, или заполнение карьеров водой, чтобы появились искусственные озера.

Наши исследователи поработали от тайги до пустынь на трассе намечаемого к строительству канала Тобольск — Амударья, по которому воды сибирских рек должны пойти на засушливый юг, и теперь по нашим проектам вернутся в оборот земли вдоль этого громадного канала.

Вам приходилось видеть саксаул на Урале? Странное, казалось бы, сочетание: «саксаул» и «Урал». А между тем научные работники нашего института засеяли саксаулом, джузгуном, терескеном — растениями пустыни — пески южных районов Оренбуржья. И оказалось, что прижились южане, закрепляют пески и будут служить кормом для овечьих отар.

Работаем мы и по предотвращению эрозии почвы, чтобы не размывало ее, не уносило ветрами, и по созданию степного государственного заповедника, и по обследованию и паспортизации памятников природы.

Направлений, готовых решений и идей много. А результаты — спасенная земля, возвращенное плодородие.

— Теперь о воде. Не раз приходилось видеть, как экскурсионные автобусы подкатывали в Оренбурге к набережной, и приезжие разочарованно спрашивали:

— Так это и есть Урал! Посреди реки люди бродят по груди в воде.

— Проблема эта чрезвычайно острая. Земли на Южном Урале и в прилегающих областях богаты, но

урожаем во многом от дождей зависит. Будут дожди хотя бы после посева и под налив — и мы с хлебом. А если бы можно было орошать наши поля... К тому же растет и промышленность, из Урала берут воду такие гиганты, как Магнитогорский и Орско-Халиловский металлургические комбинаты, Южуралмашзавод, Южуралникель, Оренбургский газовый комплекс... Увеличивается население.

А решение только одно: поворот на юг части стока сибирских рек. Сейчас ведутся гидрологические, геологические, экологические и прочие изыскания для обоснования смелой идеи канала Тобольск — Амударья, о котором я уже упоминал. А наш институт составляет технико-экономическое обоснование переброски от 5 до 10—12 кубических километров воды из этого канала в бассейн реки Урал.

Мы доказали, что в этом случае проблема обеспеченности водой будет решена в Оренбуржье и соседних областях комплексно. Удастся перестроить все сельскохозяйственное производство, получать устойчиво высокие урожаи, обеспечивать кормами значительно больше скота, чем сейчас.

Вздыхнет свободно промышленность, снятая со скудного водного пайка, можно будет развивать и новые отрасли, особенно химию. Улучшатся условия жизни людей в городах и селах.

Правда, вода из года в год ценится все дороже, и мы не исключаем возможности того, что к концу века, когда должен быть готов канал Тобольск — Амударья, нам дадут не 10—12 кубических километров, а меньше.

Что тогда — конец всем нашим планам? Нет. Я напомню вам одну из задач института: организация наиболее полного использования природных ресурсов. Даже урезанная норма воды, по нашим исследованиям, способна резко поднять урожайность. Для получения стабильных урожаев в 35—40 центнеров с гектара можно обойтись таким количеством воды, которое в два раза меньше того, которое считается сейчас нормой. Эту разработку методов и способов наиболее эффективного орошения полей мы будем продолжать.

Но есть воды, от которых надо избавляться, да так, чтобы была гарантия, что они не попадут в реки и озера, не испортят подрусловые и прочие подземные хранилища хорошей пресной воды.

Речь идет о сточных водах, особенно когда их много и их промышленная очистка экономически невыгодна или недостаточно качественна.

Когда можно, мы эти воды очищаем и либо пускаем их снова в

дело — в замкнутый водооборот предприятия, либо стараемся использовать так, как это сделано на Оренбургском газоперерабатывающем заводе, крупнейшем в Европе. Там стоки проходят механическую, химическую и биологическую очистку, а потом подаются в громадную бетонную емкость размером со стадион в Лужниках. А в воде плавают рыбки — своеобразные живые индикаторы: если живы — значит, вода очищена хорошо.

В этой емкости вода накапливается, отстаивается, а потом, летом, подается на луга и помогает получать отличные урожаи трав. Большое практическое значение имеют и работы нашей лаборатории обезвреживания промышленных отходов.

— И, наконец, «...в воздухе». Как-то в городе, где большой металлургический комбинат, выступал столичный поэт. Рабочая аудитория хорошо его принимала. Но вот когда он с упоением прочел новые стихи об этом городе, который «издали узнаешь по цветной симфонии дымов», — аплодисментов не последовало.

— Действительно, неумно — восторгаться «цветной симфонией дымов», которой сейчас покрыта значительная часть планеты.

Космонавты рассказывают, что почти каждый город обозначает себя именно дымами.

Как бороться за чистоту воздуха? Строим высотные дымовые трубы, особенно на ТЭС, и тем самым забрасываем вредные выбросы выше в атмосферу, чтобы ветры рассеяли их на возможно большей площади.

Но это — не лучший выход. Впервые, хотя и в меньшей концентрации, вредные для природы и человека вещества все равно попадают и в землю, и в воду, которую мы пьем, и в воздух, которым дышим, к тому же из-за «дальнобойности» труб они попадают в такие районы, которые раньше были совершенно чистыми, заповедными. А во-вторых, что такое эти выбросы из заводских труб? Это миллионы тонн несгоревшего топлива, пыли, различные химические соединения, а все это можно бы пустить в дело к огромной выгоде для государства.

Поэтому я считаю, что главный путь борьбы с вредными выбросами в атмосферу, кроме усовершенствования технологического процесса, — это установка мощных и совершенных фильтров.

Еще лет десять назад на комбинате «Южуралникель» было несколько десятков рабочих, которые занимались — чем бы вы думали? В три смены сметали с цеховых крыш пыль, оседавшую из клубов дыма, который валил из труб.

Сейчас «подметальщиков» на комбинате уже нет, поставили хотя и дорогостоящие, но эффективные фильтрующие устройства. Выгодно и комбинату, который в полном смысле из воздуха стал получать дополнительную продукцию, и главное — заметно улучшилось качество воздуха, которым дышит население Орска.

Наш институт разработал новую конструкцию ДЭФа — диафрагменного электрофильтра для улавливания пыли и газа. Получены авторские свидетельства на три изобретения, связанные с очисткой воздуха.

Наши ДЭФы успешно прошли промышленные испытания на Медногорском медно-серном комбинате. Если вы бывали на комбинате раньше, то помните, что в некоторых цехах работали с противогазами. Сначала поставили обычные электрофильтры, они улавливали 80—90 процентов вредных выбросов. А теперь попровозвали наши ДЭФы, и оказалось, что они улавливают 98 процентов.

Можно надеяться, что наши фильтры, — а они, кстати, требуют меньше металла и эксплуатационных затрат, чем обычные, — сделают большое дело.

— Даже короткий ваш рассказ о том, что намечено и сделано институтом, впечатляет. Если уж продолжить сравнение со сражением, то институт — крупная часть, в которой не только пехота — экологи, так сказать, чистые специалисты по охране природы, но имеется и авиация, артиллерия, танки и прочее — инженеры, гидрологи, специалисты сельского хозяйства, ботаники, экономисты...

А такой боеспособной, хорошо вооруженной части — быть на направлении главного удара.

— Наша работа — это часть плановой, стратегически продуманной борьбы всего нашего государства за то, чтобы сохранить биосферу и передать ее тем, кто будет жить после нас, в улучшенном состоянии.

Вчитайтесь внимательно в каждое слово статьи 18 новой Конституции СССР: «В интересах настоящего и будущего поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

В этих словах и программа действий, и уверенность в победе.

Вел беседу
Випьям САВЕЛЬЗОН

Столица Урала в прошлом

**Маргарита
СИТНИКОВА**

В И. Ленин называл перепись населения делом «огромной государственной важности». В прошлом году в нашей стране была успешно проведена шестая всесоюзная перепись населения, которая, безусловно, поможет планированию развития всех сфер нашего общества. Она показала, например, в каком темпе идет рост населения страны и то, как быстро растут города; знание этих процессов поможет управлению ростом городов. Растет и Свердловск, и перепись населения — это взгляд в его будущее. И в то же время — это повод оглянуться на прошлое: как проходили переписи у нас, на Урале, в Екатеринбурге, какой была столица Урала?

В первом советском справочнике-путеводителе «Советский Екатеринбург» (1922 г.) читаем: «...с самого основания ему (Екатеринбургу) суждено было играть роль административного центра горной промышленности, уже зародившейся на развалинах вымершего или выселившегося неизвестного финского племени «чуди», или «чудаков», — творцов местного горного промысла». До Екатеринбурга административным центром был Уктусский завод. Первыми жителями его были солдаты, мастера с уральских и олонецких заводов и из Тобольска.

В XVIII веке из Сибирской губернии, разделенной на Приуральскую (Пермскую) и Зауральскую, Екатеринбург перешел в Пермское наместничество и получил название провинциального, или областного, города (1781 г.). Тогда в губернии насчитывалось около 80 тысяч жителей.

В 1787 г. была подворная перепись. В Екатеринбурге проживало более девяти тысяч человек. Семьи рабочих составляли 43 процента, крестьян — 9, дворовых людей — 4,7, служащих — 7, купцов и цеховых — 13, духовенства — 3,3, дворян — 3,2, военных — 10 и прочих — 3,6 процента.

Результаты однодневной переписи, произведенной 26 марта 1873 года в Екатеринбурге, представляют собой любопытный документ, отпечатанный в частной типографии Е. Ахматовой. Всего в городе переписано более тридцати тысяч человек. В ту пору Екатеринбург имел мужскую и женскую гимназии, два училища, приют для девиц духовного звания, театр, клуб для дворян, три библиотеки, два книжных

магазина, детский приют, две типографии, одну литографию. Зато кабаков было 96, публичных домов 48, 11 винных складов и к тому же 22 рейнских погребка, 7 водочных заводов.

Практиковались и разовые переписи в заводах. Например, в 1881 г. екатеринбургский земский врач В. Ковалевский провел однодневную перепись в заводах: Невьянском, Петрокаменском, Верхне-Тагильском, Быньговском, Шуралинском, Рудянском и Верх-Нейвинском.

Возьмем, к примеру, только Невьянский завод — наиболее старый и многочисленный на Урале. В нем было около четырнадцати тысяч душ. Неграмотных 8759, больных 457, 322 человека имели телесные недостатки, 26 — умалишенные. Детей — 5504. Более всего землекопов, затем идут сапожники, сундучники, слесари, занятых торговлей — 220. Иконописцев — троё и каменщиков — десять. Больница Невьянского завода устроена на двенадцать коек.

Города России росли тогда исключительно благодаря притоку населения. Средняя рождаемость в Екатеринбурге на 1000 жителей в конце прошлого века составляла 36,8, а смертность 36,5 человека. Количество женщин было не только относительно большим, чем в среднем по стране, но и абсолютно превосходило количество мужчин. Женщинам легче: шли прислугой в дома, а также в мастерские и на фабрики.

В начале 1897 года в России решено было провести первую всеобщую перепись населения, значительно позднее многих европейских государств. Многим деятелям она казалась невозможной на такой большой территории, с многонациональным, неграмотным и полуграмотным населением.

В Екатеринбурге жило тогда уже более сорока тысяч человек. Следом за русскими шли белорусы и малороссы, татары. Уроженцев других государств в Екатеринбурге было сто человек. В газете «Урал» появилась заметка о переписи в селе Шарташ. Известный автор пишет: «Когда я, в сопровождении сотских, вошел в одну избу, величиную всего в квадратную сажень, то моментально шархнул назад, так как не было никакой возможности дышать тем промозглым, затхлым и спертым воздухом, кото-

рый наполнял «гниоше» обитательниц — двух старых дев. Изумительно, до чего может быть выносливым человек! Кажется, в такой атмосфере нельзя пробыть и часу, а сестры-весталки живут тут многие и даже очень многие годы. Правда, видом своим они напоминают скорее гномов — до того зелены и нездоровы их лица, а все живут». Какой же вывод сделан в конце этой заметки? А вот какой: «Трудно, разумеется, внушить нашему темному бедному люду весь вред антигигиенических условий. Улучшение может проникнуть в эти углы тогда, когда меньший наш брат усвоит себе хотя бы элементарные познания грамоты».

При переписи происходили неприятные сцены, люди отказывались давать сведения. Один житель, например, выпроводил из квартиры счетчика-офицера, пришедшего в военной форме. Не открывали калитки, спускали собак. Иноверцы опасались, чтобы их не подвергли крещению в православную веру, боялись нового закрепощения и т. д.

В 1912 году была проведена однодневная перепись. Ее цели: исследование кустарных промыслов в Екатеринбургском уезде и учет всех занятий, влияние неурожайного 1911 года, чтобы учесть размер посевов и количество скота. Проведена перепись по предложению земской управы, по ее программе и за ее счет. Выводы таковы: главным занятием населения являлось земледелие, на втором месте стояли горнозаводские работы, на третьем — горные работы, на четвертом — кустарные промыслы.

После всеобщей переписи 1897 года неоднократно ставился вопрос о необходимости проведения новой переписи населения в России.

После долгих бюрократических проволочек было решено провести вторую всеобщую перепись в 1915 году. Но первая мировая война помешала осуществлению этого плана.

На открытках:

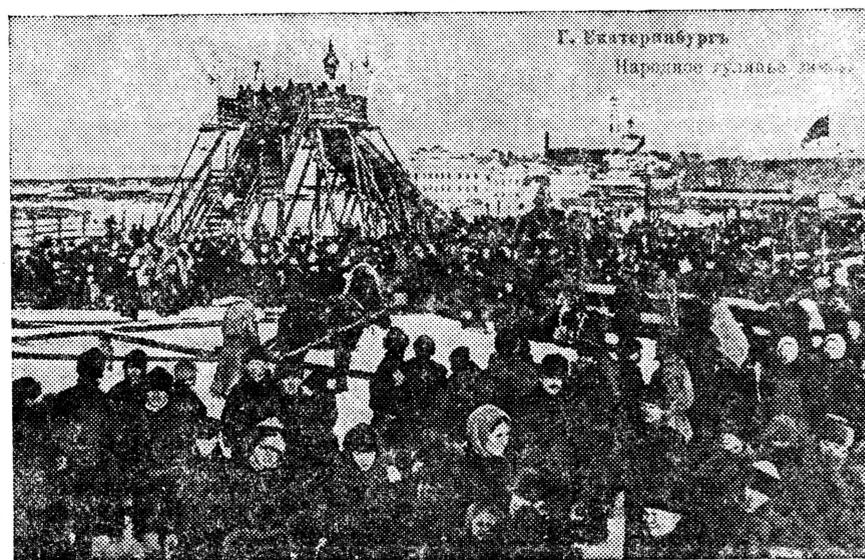
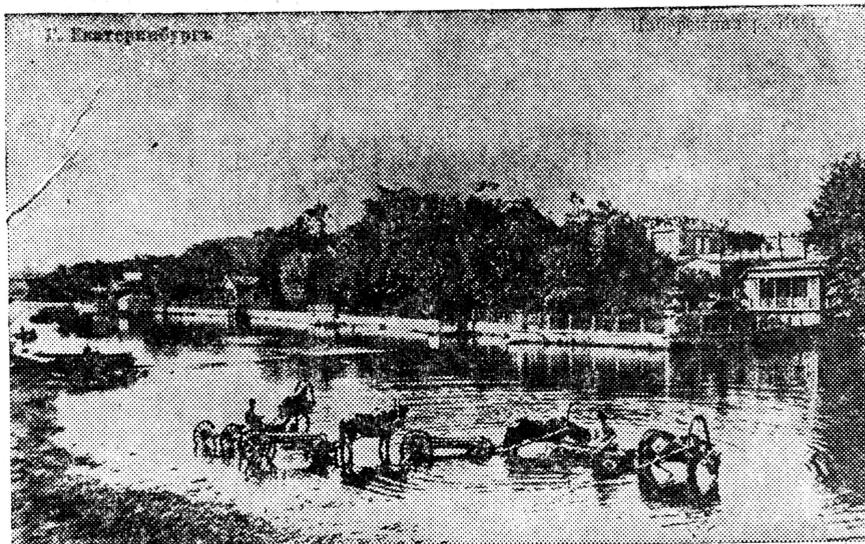
Екатеринбург,

набережная р. Исети.

На конном базаре.

Вид на реке Исети. В.-Исетская дача.

Народное гулянье.

ОБИРАТЕЛИ

И ОБИРАТЕЛИ

**Юрий
РЯЗАНОВ**

*Оформление
З. Баженовой*

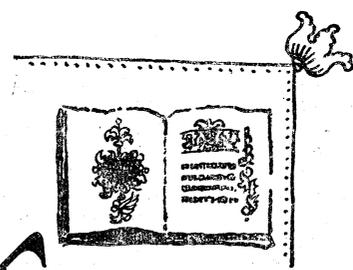
СПРОС НА НЕСТАНДАРТ

ПОСЛАНЦЫ ВЕКОВ МИНУВШИХ

КАК ДЕЛАЮТ БИЗНЕС

КУДА СМОТРЯТ МУЗЕИ?

НУЖЕН ЗАКОН!

Коллекционирование в последние годы вдруг стало модным хобби, повсеместным занятием, и многие тысячи людей начали собирать даже то, что еще вчера безжалостно выбрасывалось или сдавалось в утиль. Если говорить о коллекционерском буме, то явление это, очевидно, не случайное и, думается, не временное. Достаток свободного времени, денежные средства, остающиеся сверх прожиточных расходов,— все это немало содействовало расцвету коллекционирования. Мощный толчок ему дала урбанизация с ее стремлением к стандарту. Ведь каждый человек, или почти каждый, осознает себя индивидуумом. И сопротивляется, порой невольно, всякому обезличиванию, пусть даже во имя комфорта. Особенно это чувствуется дома, в собственной квартире.

И в самом деле: пара бронзовых подсвечников в застекленной мебели, старинная книга в кожаном переплете на ширпотребовском столе — эти

Уральский коллекционер журналист Ю. М. Рязанов, долгие годы собиравший предметы древнерусской духовной и материальной культуры, не зря считает, что ему завидно повезло: лучшие произведения русской иконописи и мелкой пластики XVI—XIX веков из его собрания, а также 80 рукописных и старопечатных книг кирилловского шрифта приняты в дар музеями страны для экспозиции.

Ю. М. Рязанов надеется, что и остальная часть его коллекции древних русских книг в недалеком будущем займет достойное место в музейных витринах.

и подобные им детали интерьера способны превратить стандартное наше жилище в нечто оригинальное. Предметы старины в квартирной обстановке не только стирают ее безликость, но и соединяют людей с прошлым, с миром подлинного искусства, с общепризнанной культурой.

Сопrotивление личности стандартизации вызвало спрос на нестандарт, а спрос породил предложение. Однако коллекционные запасы ограничены и уже истощены. Спрос на предметы старины явно превышает предложение. И в этом — громадная опасность для произведений искусства прошлых веков, ибо музейный фильтр на насос коллекционерства пока не установлен, и множество ценностей перекачивается из частных в частные же руки коллекционеров-хищников. А они собирают не для того, чтобы сохранить, а чтобы нажиться.

Кроме того, стандартные наши жилища, благоустроенные для людей, вовсе не рассчитаны на хранение музейных экспонатов. Следовательно, их ждут порча и гибель — в первую очередь иконопись. Мало кто из владельцев может поддерживать в своих жилых помещениях необходимую музейную температуру и влажность воздуха. Мне довелось видеть десятки икон, загубленных в частных коллекциях: с осыпавшимся красочным слоем, растрескавшимся и опавшим левкасом¹. Уж не говорю о самостоятельных расчистках икон и их реставрации, неизбежно приводящих к уничтожению древней русской живописи.

заставками, печатными гравюрами, концевками и другими графическими элементами.

Вот они — в массивных переплетах из дубовых или сосновых досок, обтянутых крепкой телячьей кожей, с бронзовыми фигурными и серебряными застежками, одетые в бархат или металлические оклады.

Раскрой книгу на любой странице, и будешь удивлен ее красотой. Тщательно выписанные буквы, чуть наклоненные вправо, стоят каждая особо и в то же время в монолитных рядах строк. Интервалы между словами отсутствуют, точками отделены только предложения, однако это не мешает пониманию смысла, текст читается легко.

Глядя на листы побуревшей бумаги с изломами возле переплета, невольно задумываешься, сколько рук переворачивали их, сколько глаз впитывали каждую строку бесценной рукописи, рассказывающей об удивительных житиях подвижников и о многом таком, что в те времена считалось образцом духовного совершенства.

Приходится лишь удивляться тому, как ценили, любили книгу на Руси. Книгой дорожили как духовным богатством, да и стоимость ее была очень высокой. Иметь книгу, даже в XVII веке, особенно печатную, могли себе позволить лишь состоятельные люди.

В последние годы отчетливо виден возрождающийся и все растущий интерес к книге вообще и к старинной, в том числе кирилловского шрифта, в частности. Это веяние радует. Есть надежда, что от гибели будет спасено то, что еще осталось в сундуках бабушек, на пыльных чердаках и в темных чуланах. Ведь часто, к сожалению, бывает еще и так, что книги, и рукописные в том числе, непонятного кирилловского шрифта, уничтожаются, бездумно выбрасываются, сдаются утильщикам или попадают к спекулянтам, макирующимся под коллекционеров.

ное, тонкое лицо Валеры была надежда ироническая полуулыбка, а глаза — светлые и холодные — не выражали ничего.

Дело было субботним вечером в клубе коллекционеров, и нас сразу обступили любопытные нумизматы, филателисты, фалеристы² и личности, просто высказывающие, что бы такое уникальное ухватить по дешевке. Впрочем, себя они тоже называли коллекционерами.

С Валерой я был знаком давно. Несколько лет назад он из «марочников» вдруг перекаленичился в «монетчики». Не знаю, какие глубинные течения повернули его бриг на новый курс, но Кузьмин весьма выгодно распродал кляссеры с марками и стал активно и в то же время как бы не спеша приобретать русские монеты прошлых веков.

Несмотря на молодость, небольшой рабочий стаж и среднюю зарплату, Валера всегда располагал значительными наличными суммами. И когда кто-то из коллекционеров испытывал нужду в деньгах, то мог обратиться к нему и получить необходимую сумму — правда, на кабальных условиях.

За глаза Валеру многие звали жлобом и пауком. И в самом деле, в его настороженности, в прожекторном поблескивании очков, в малоподвижности и скупости жестов угадывалось что-то хищное.

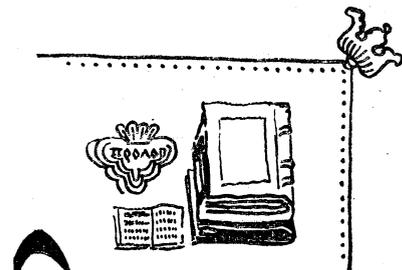
...И вот я молча рассматриваю верхнюю крышку тома с тисненой надписью на почерневшей от времени коже: «Книга глаголемая».

Передо мной первый лист рукописи: полуустав, затейливая вязь кинноварного заголовка; бумага... бумага XVII века, можно и на просвет не смотреть, по оттенку видно, по фактуре.

Валера внимательно наблюдает за мной, я это вижу боковым зрением, глядя в книгу. Не хочется выдавать себя перед ним, но Валеру не проведешь.

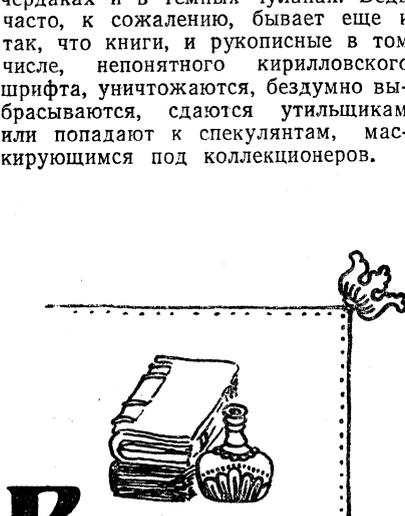
А рукопись — замечательная. Хроники. Причем в одну книгу — конволют — объединены по крайней мере три разновременные рукописи и обрезаны в один формат. Рисунки — чудесные, тонкие, с растушевкой. Заканчивается хронограф девяностыми годами XVII века, царствованием Ивана и Петра Алексеевичей...

Трудно описать, что я чувствовал, когда закрыл нижнюю крышку с остатками оторванных застежек. Эта книга, кроме того, что украсила бы любую коллекцию как произведение древнерусского искусства, могла оказаться (и это главное!) бесценным историческим документом,

Старинные книги я собирал почти десять лет и приобрел более 150 рукописных и печатных древнерусских книг кирилловского шрифта, большинство которых имеет не только научную, но и художественную ценность. Почти каждая рукописная или старопечатная книга — произведение искусства. Они украшены рисованными миниатюрами, узорчатыми буквицами, роскошными

¹ Левкас — слой грунтовки по дереву.
² Фалеристы — собиратели значков.

Валера Кузьмин извлек ее из большого желтого портфеля — книгу средней толщины в старинном кожаном переплете. На интеллигент-

возможно, содержащим новые сведения, не известные науке факты минувших веков.

Но ничего не поделаешь, рукопись надо возвращать.

— Семнадцатый? — небрежно спрашивает Валера и опускает книгу в недра бездонного, как купеческий сундук, портфеля.

— Зачем этот вопрос? Ты не хуже меня знаешь.

Валера выжидающе молчит.

— Что ты думаешь с ней делать?

Валера обдумывает, что ответить.

— За бабли (деньги) не сдам. Нужны два собрания. Для обмена. Майн Рид и Жюль Верн.

— Оставь за мной. Срок?

— Месяц.

— Идет.

Но я не уверен, даже вовсе не надеюсь, что хронограф будет моим, и мне непреодолимо хочется взять его в руки сейчас, сию минуту, листать, рассматривать, читать.

— Может, пока оставишь рукопись у меня?

За стеклами модных очков не улавливаю выражения глаз, но окаменевшая физиономия Валеры не сулит никакой надежды.

— Нет, старик, — голосом робота отвечает Валера и дает понять, что разговор окончен.

Я пытаюсь успокоить себя — неужели не сумею достать эти два собрания сочинений? Пусть даже втридорога. Выменяю, наконец, на что-нибудь. К тому же впереди целый месяц.

В течение недели обзвонил по телефону и обжал знакомых «черно книжников» — безуспешно. Оставалась еще надежда на клуб любителей книги, где по субботам с утра собирались всякие коллекционеры.

В этом клубе я бывал редко. Мне претила деляческая атмосфера, царившая здесь: торгашеские прилавочки, аккуратно уставленные дефицитными изданиями, размноженные под копируку объявления вроде: «Меняю «Фауст» Гете из серии «Школьная библиотека» на пятитомник С. Есенина цвета морской волны». Неприятны были и кучки «книжных жуков», которые шушукались с видом заговорщиков. Да и книги, нужные мне, на этой толкучке появлялись довольно редко и неизменно по астрономической цене.

На сей раз, хочешь не хочешь, мне пришлось пойти на толкучку. Встретил там нескольких знакомых, которых знал как нумизматов и филателистов. Оказывается, они по совместительству были и библиоманами. Но все мои попытки поговорить с

книжными боссами не увенчались успехом: они безошибочным чутьем не признавали во мне своего. А раз так — и делового разговора быть не может.

Выучил знакомый нумизмат. Выслушав меня, он шепнул: «Сейчас потолкую» — и исчез с кем-то из боссов. Вернувшись, коротко, полупешотом, сказал:

— Подойди к Мише.

У человека, которого назвали Мишей, под мышкой, обвязанные атласной розовой ленточкой, сияли в целлофане два тома Майн Рида, новенькие, видимо, еще ни разу не раскрытые.

— Но ведь их шесть, — сказал я Мише, которому на вид было никак не менее семидесяти.

— А у Яши есть еще два, пятый и шестой, — блеснув фарфоровой белизной вставных зубов, пояснил Миша.

— А как же быть с третьим и четвертым?

— Найдутся, — заверил он.

— На каких условиях?

— За первый — огоньковского Стивенсона, за второй — Стефана Цвейга. Тоже огоньковский, семитомник.

Я был ошарашен.

— Но ведь и тот, и другой, по номиналу — 25 рублей...

— Я не спекулянт, — раздраженно отрезал Миша, — и деньги меня не щекочут...

От Миши я отошел глубоко озадаченным: если и Яша, и тот, третий, предложат мне подобные условия обмена, то придется разориться основательно. Но тут перед моим мысленным взором всплыли рукописные листы хронографа, миниатюры, выполненные безвестным древним мастером... и я поплелся к Яше.

Он был вдвое моложе Миши, но только в этом и оказалась разница. Посочувствовав мне, Яша подсказал у кого я мог бы приобрести Стивенсона и Цвейга, — разумеется, за двойной номинал.

Первым был Сеня. Брюнет в цветущем возрасте с хищным массивным носом и черной окладистой бороде. Он долго и нудно трепался, пока не вынудил меня согласиться уплатить за книги двойную цену. Но это было не все: Сеня, якобы стесняясь, попросил впридачу икону «Чудо Георгия о змие».

У меня аж дыхание перехватило — то была любимая, одна из лучших икон моей коллекции...

И тут я вспомнил о Булыге (так все звали спекулянта Алика Бульжникова). Булыга откровенно называл себя бизнесменом, а то, чем он занимался и чем, собственно, кормил-

ся, — бизнесом. Это — для знакомых. А для незнакомых он представлялся студентом: филологом, философом, историком, — смотря по обстоятельствам, хотя дальше первого семестра педагогического института так и не продвинулся.

Барышничал он всем. Знакомым девушкам сплавлял парфюмерию — компактную пудру и перламутровую помаду, не пренебрегал и вещичками сугубо дамского туалета. Парней снабжал жевательной резинкой, пластами (грампластинками зарубежного производства). А когда начался так называемый книжный бум, экстренно переквалифицировался в библиомана.

С годами круг клиентуры Булыги расширился настолько, что он завел четыре записных книжки для адресов, фамилий и телефонных номеров. Забегая вперед, скажу, что позднее, когда Бульжниковым все так занялась милиция, эти записные книжки принесли немало неприятностей тем, кто в них значился: ведь именно за их счет и на их трудные деньги процветал бизнесмен Булыга.

...Алик моему приходу обрадовался и суетливо пригласил в свою комнату, чтобы соседка не слышала, о чем мы будем толковать.

В жилище Булыги из всех углов выпирало оригинальничанье. Стены были расписаны в духе абстракционизма, и прямо на вошедшего взирал жуткий громадный глаз. Полки стеллажа до потолка забиты книгами, причем некоторые издания повторялись. «Женщина в белом» Уилки Коллинза выглядела солидным собранием сочинений: экземпляров восемь, не меньше. Комната больше напоминала антикварную лавку, чем жилье.

Я объяснил цель своего прихода. Алик пообещал помочь, и мы распрощались.

Но Бульжников не был бы Булыгой, если бы бескорыстно кому-либо помог. Правда, восьмитомник Жюль Верна он достал мне дня через два, и всего за двойной номинал, да немного взял «за труды». А вокруг Майн Рида разбросил такие хитроумные сети, что я был вынужден вообще отказаться от его помощи. Обязательным условием он поставил... ту самую икону «Чудо Георгия о змие». Сопоставив факты, я понял, что вся эта компания книжных флибустьеров действовала по единому сценарию.

В оставшиеся дни я еще пытался, пусть даже с большими потерями для себя, раздобыть нужные для обмена книги, но тщетно.

...Блеклые губы Валеры застыли в скорбной полуулыбке, когда я при-

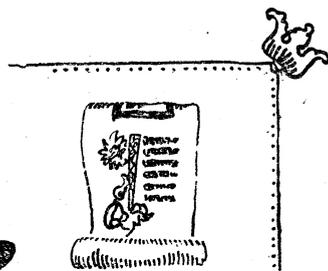
знался, что не смог выполнить его условие. В холодных глазах отразилась ирония: эх, дескать, такой ерунды не смог раздобыть.

— Послушай,— сделал я последнюю попытку,— может, ты продашь книгу в музей или в библиотеку? Хочешь, я похлопочу, чтобы побольше заплатили? Сам понимаешь, нельзя такую книгу бросить в неизвестность, отдать черт знает кому. Помнишь, я тебе рассказывал, как один негодяй распродал иллюминированную рукопись по листочкам: трешку за лист, а с картинкой — пять рублей?

Валеру, разумеется, мои доводы не тронули, и он процедил:

— Продать вещь в музей — все равно что в милиции отметить. И лицо его, благородно-белое, без единой морщинки, не отразило никаких сомнений. Сверкнули в моем воображении всеми красками миниатюр Хроники и растаяли...

Несколько дней меня грызла досада, что упустил редкость. Подумалось: если все, кому небезразлична судьба произведений древнерусского искусства, будут посылать участвовать в розыске и сохранении памятников древней русской письменности и старопечатных книг, потомкам нашим достанется их гораздо больше. Ведь то, что мы видим в музеях, тоже для нас сохранил кто-то, кого уже нет с нами. Вечная эстафета!

В моей коллекции старинных книг самая древняя — Пролог. Рукописная книга с интересной историей.

В будущем, когда мое книжное собрание станет музейной экспозицией, она по праву откроет раздел рукописей. Недавно мне удалось установить, что создан Пролог в конце XV века.

Иногда, если хотят подчеркнуть, насколько популярна та или иная книга, говорят: зачитана до дыр. Это можно сказать о Прологе, и не в переносном, а в прямом смысле: хотя

листы сделаны из прочной, толстой бумаги, большинство (а их осталось 413) протерто на углах насквозь. Десятки листов отстранированы — вероятно, в XVII и XVIII веках.

На бумаге просматриваются филигранные (водяные знаки) шести или семи типов — сложные и простые гербы. Почерк писца очень характерен: угловатый полуустав. Железистые чернила. Вязь заголовков выполнена красной краской с малиновым оттенком — киноварью.

Заголовок книги может читаться как «Книга глаголемая прилог всего (года?)...» В моей коллекции находится лишь часть Пролога, на первую половину года. Когда книга была разъята, неизвестно. Трудно судить и о месте ее написания.

Гораздо более поздней выглядит вкладная запись. Она сделана, видимо, в XVII веке. Словом, книга пока очень мало рассказала о себе, с ней следует еще поработать. Иногда, листая Пролог, я думаю: а вдруг сохранилась и вторая половина рукописи?..

Отыскать Пролог мне удалось в одном из уральских сел с поэтическим названием Русская Теча (недавно ему исполнилось 290 лет). Поскольку не было ни первого, ни последнего листа, а также почти никаких записей на страницах, я вначале не смог точно определить возраст книги. Однако, разглядывая водяные знаки, все-таки утверждался в том, что книга написана если не в конце XV века, то не позднее начала XVI. И хотя проштудировал пособия по палеографии¹, все же рисковал ошибиться. Научно достоверную атрибуцию мог сделать лишь более знающий человек. В городе, где я жил, такой специалист имелся — профессор Андрей Геннадьевич Журбин (имя и фамилия изменены). Познакомиться с ним и добиться аудиенции оказалось делом непростым: ученый был очень занят. Только месяца через три Андрей Геннадьевич откликнулся на приглашение и как-то вечером зашел ко мне домой.

Высокого роста, жилистый и сухопарый, он никак не выглядел на свои 60 с гаком. Крупные черты лица и глуховатый бас профессора запомнились надолго, а чуть застенчивая улыбка сразу располагала к нему. Однако Журбин в обращении с окружающими был цепок и напорист, а уверенность в жестах и суждениях вызывала почтительное уважение.

Он бегло разбирался в старопечатных и рукописных книгах, датировал их уверенно, не заглядывая в выходные данные. Его познания в палеографии меня искренне порадовали, и я был покорен эрудицией ученого.

Андрей Геннадьевич отнесся ко

мне доброжелательно. Спросил, испытываю ли я недостаток специальной литературы. Он попал в точку: этой литературы у меня почти не было. В завершение разговора профессор пригласил меня в гости. Я был польщен и поблагодарил его от всей души.

И тут Андрей Геннадьевич, уже повязав шею пушистым шарфом, словно вспомнив или только что решив, сказал:

— К сожалению, у меня не было времени ознакомиться с вашей коллекцией более основательно. Я попросил бы вас доверить мне на несколько дней одну дефектную рукопись. Я ее дома, на досуге, почитал бы...

И он назвал Пролог.

Наступила очень неприятная для меня минута. Отказаться было почти невозможно. Маститый профессор улыбался так обезоруживающе доверчиво, в выражении его лица улавливалось что-то наивно-детское. И только глаза смотрели пронзительно-жестко.

Я растерялся. Но что-то заставило меня промямлить:

— Извините, но лучше будет, если вы рукопись, сколько хотите, посмотрите в следующий раз. Я вас приглашаю...

— Вы что, мне не доверяете?

Я готов был сквозь пол провалиться, тем более, что разговор происходил в присутствии заведующей институтской библиотекой, которая для меня и устроила эту встречу. В этот момент я наверняка отдал бы рукопись, но следующая фраза гостя вмиг прекратила мои колебания. Он сказал с той же обаятельной улыбкой:

— Эта рукопись — поздняя, совершенно малопенная. Я вам за нее учебник Щепкина дам. И покажу свои книги. Соглашайтесь, это очень хорошие условия.

Условия?.. Он ставит мне условия! Чего ради? Я вовсе не собираюсь отдавать Пролог за рублевый учебник Щепкина «Русская палеография».

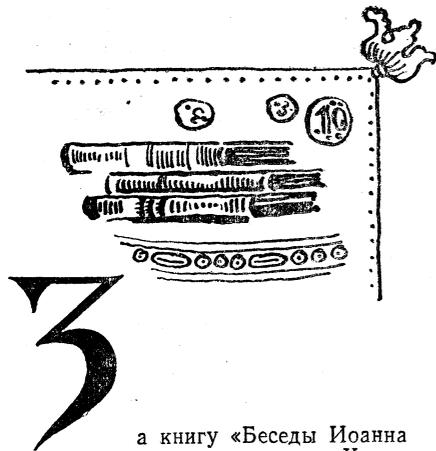
— Извините еще раз, но я не могу обменять эту рукопись.

— Ну, тогда — подарите, — настойчиво жал профессор.

За кого он меня принимает, этот Журбин?.. И тут я осознал, что дружба наша с профессором кончилась. Мне всегда претило нечестное отношение к людям.

Как я узнал, Журбин уже два десятилетия преподавал в институте и каждое лето возглавлял студенческие экспедиции по сбору фольклора в селах области. Ежегодно из экспедиций он привозил немало древних печатных и рукописных книг, но ни одну из них не сдал в научную библиотеку института.

¹ Палеография — наука, которая по особенностям начертания букв позволяет точно определить время написания текста.

а книгу «Беседы Иоанна Златоуста», напечатанную в Киево-Печерском монастыре в 1623 году, гравированный титульный лист которой стал хрестоматийным в изданиях по истории украинского искусства, за эту превосходную книгу мне пришлось расплачиваться в течение четырех месяцев, каждый раз отдавая половину зарплату. Когда владелец получил мой последний взнос и подтвердил, что расчет произведен полностью, я спросил, где и как повезло ему раздобыть такую редкость. Тот натянуто улыбнулся:

— Все там же, — и он назвал город, выросший в XVIII веке около одного из демидовских железоделательных заводов.

Я давно подзревал, что кто-то планомерно и тщательно обирает этот район. Случай помог мне убедиться в этом лично.

По совету своего старого знакомого Ивана Андроновича, у которого как раз в тех краях жила, как он выразился, старинная зазноба, я однажды теплым осенним днем отправился на автобусе в далекую уральскую деревушку.

В Кудричи прибыл только к вечеру. Дом, в котором жила Евфимия Власьева, добротный, пятистенный, с высоким полуподвалом, с широкой лестницей, ведущей в жилые комнаты, стоял в центре бывшего рабочего поселка.

— Один гость за порог, другой — на порог, — ворчливо встретила меня сухонькая старушка, отперев наконец дверь с железного кованого крюка.

Я не понял, о каких гостях речь. Все прояснилось гораздо позднее.

Старушка была туговата на ухо, и это усложнило без того нелегкую мою задачу. Но когда я рассказал об Иване Андроновиче, она заметно подобрела. На столе появился душистый чай, туюсок с медом и даже крендели и конфеты.

— Угощайтесь, не брезгуйте, кушайте на здоровье.

Я разгрыз крендель и похвалил: вкусный. Если бы знал, чье угощение хвалю!..

Выбрав удобный момент, я заговорил об иконах и старинных книгах, которые, по словам Ивана Андроновича, пылились в ее чулане. Объяснил старушке, что я коллекционер и приехал за этими самыми иконами и книгами. Евфимия Власьева спокойно вымолвила:

— Дак, увезли их, иконы-те...

— Как увезли? Кто?

— Да кто их знат. Утром сдани и увезли. Из института, говорят, из Москвы...

У меня оборвалось сердце: кто и куда увез (именно сегодня!) иконы и книги, без малого полвека пролежавшие в этом доме?!

А случай произошел до пошлости обычный. Вчера вечером в окошко постучали. Их было двое: «Большенький черненький такой. Лысенький. Старшой, видать. Начальник. Малой — вроде как помощник у начальника того».

Приехали они на легкой машине. Посоветовали им заночевать у Власьевны (будь они неладны!) словоохотливые соседки. И напросились к ней эти двое, «из института». Высокий брюнет, «начальник», тут же организовал застолье, «помощник» притащил из багажника машины крендели, сахар, конфеты, чай и еще всякую снедь. И за вечер старушку они ловко обработали. Тот, что поменьше ростом и помоложе, пыхтя стаскивал поутру с чердака тяжеленные ковчежные иконы, в человеческий рост каждая, сработанные из плах толщиной с кулак. Было их две или три — иконы из единоверческой часовни. Я прикинул их возраст. Если учесть, что Кудричи основаны раскольниками, бежавшими сюда от притеснений в XVII веке, то и иконы могли быть не моложе, скорее, старше.

Прихватили заодно «ученые из Москвы» и несколько книг, о которых старушка ничего определенного не могла мне сказать, — книги истинно старообрядческие, это точно.

— Гости-то бумагу какую-нибудь оставили вам, бабушка? — с надеждой спросил я. Вдруг и на самом деле ученые добрались до этого дальнего уголка, экспедиция какая-нибудь столичная. Но пришлось окончательно убедиться: если переломной и побывала экспедиция, то самостоятельная, хищническая.

Никаких следов «ученые» после себя не оставили. Кроме сушек, четырех пачек чая да отпечатков протекторов на влажной дороге.

Опечалился я крепко. Ну хотя бы раньше это случилось — за неделю, за две, — не так обидно. А то несколько часов всего отделяло меня от удачливых собирателей. Вернее, обирателей.

Евфимия Власьева заметила мою кручину, посочувствовала. Разрешила влезть по крутой лестнице

на чердак и осмотреть его. Ничего там не осталось. «Гости» добросовестно обшарили каждый угол и умыкнули все, что представляло хоть какую-нибудь ценность: подсвечники, ковш деревянный, прялку резную, медный поддужный колокольчик и даже конскую сбрую. Зачем понадобилась им сбруя, старушка никак не могла взять в толк: ведь приехали они на машине.

Ночевать в Кудричах не захотелось, несмотря на радушное приглашение хозяйки, и я, закинув за плечи рюкзак, зашагал по пыльной дороге в направлении к тракту.

Я брел по обочине проселочной дороги и мысленно возвращался к событиям прошедшего дня. Меня давно беспокоил вопрос: почему самодельные ловкачи-обиралы, по сути дела мошенники, так успешно и безнаказанно расхищают памятники искусства, истории, культуры, а сотрудники областных музеев (по крайней мере, мне известных) не проявляют сколько-нибудь серьезного интереса к тому, за сохранение чего получают зарплату?

Я перебирал в памяти случаи, когда равнодушные сотрудники, а то и откровенное нежелание хоть что-то полезное сделать для музея, лишало его великодушных, уникальных экспонатов, которыми мог гордиться любой, даже столичный город. Неужели этого не видят и об этом не знают в областных управлениях культуры? А если знают, то почему мер не принимают? Средств не хватает? Людей?

Так ведь можно, пока еще не поздно, собрать у населения много экспонатов музейного значения с совсем незначительными затратами денежных средств. И штатов хватит, которыми располагают музеи, и многие энтузиасты готовы помочь, но почему-то их не очень поддерживают в тех же музеях. Вот такие невеселые мысли вновь одолели меня, и тут я вспомнил об Эдике. Не он ли прочесывал Кудричи и окрестности? Сходство есть. Да и этот, «начальник» его лысый, уж не Юра ли «инженер»?

Эдик Попов обладал особыми способностями «коллекционирования». Двадцатипятилетний крепич с покатыми плечами штангиста умел быть настойчивым до конца. Что ему эта старушка, которой в общем-то уже ничего не нужно в нашем брэнном мире? Да у нее как следует попроси — не то что книги, дом родимый отдаст. Лишь бы там, в прекрасном будущем местожительстве ее души, всемогущий и грознокий поднял два перста правой руки, простив все прегрешения земной жизни рабы божьей Евфимии. Что для Эдика «инженером»

Юрой этот божий одуванчик? Таких ли они лихо выворачивали наизнанку!

Имеющий высшее художественное образование Эдик, сын бездарного, хотя и профессионального художника, жил в Москве, был выгодно женат, имел машину, а кормился исключительно «коллекционерским» промыслом, упорно не желая трудиться на благо общества.

Почти каждый месяц на три-четыре дня он приезжал из столицы на родной Урал. Прихватив пару мешков, мчался в известные ему заветные места. Как он говаривал — «в край непуганых дураков».

Денег с собой не брал почти никаких. А возвращался если не с двумя, то с одним полным мешком за плечами — всегда!

Тактика у него была простой до примитивности. Выбирает близлежащую от действующей церкви улицу, подходит к облюбованному дому и стучит в окошко. Стучит терпеливо, пока меж лепесточков примулы не возникнут колючие старушечьи глаза.

— Тебе чё надо-то?

— Открой, бабуля.

— Не отпру! Неча делать.

Ишь, бусурман, лезет...

— Открой, я из Москвы.

Это слово обычно действует. Старушки любопытны: что это, дескать, из Москвы за гость пожаловал, да по какому такому делу лично ко мне?

Следующий этап переговоров уже возле ворот: Эдик намертво вцепился в железное кольцо шеколды. И стоит бабусе хоть чуть-чуть приоткрыть ворота, как в шель уже просунута Эдикова нога, специально для такого случая обутая в лыжный ботинок.

А дальше дело идет веселее. Что бы ни бормотала старуха, как ни кляла незваного гостя, Эдик уже не отступит. А уж как только прорвался в избу («на минуточку, на одну секундочку, милая бабуся, только одним глазком взглянуть, из Москвы специально самолетом к вам летел, из института, музея»), то судьба икон, дедовских и прадедовских, на кои всю жизнь молилась простоватая старуха, решена бесповоротно.

Эдик с ходу безошибочно определяет: «Вот оно — то, что надо!» и по-кошачьи приближается к иконостасу. Далее следует психическая атака: призывая всевышнего в свидетели, Эдик обвиняет владельца икон в небрежении святынями. Помяная о муках ада, в который злощастная бабуля непременно за это попадет, он вынимает из «дипломата» пузырек с рыбьим клеем, кисть, специальную бумагу, шустро подвигает под иконостас скамью или табуретку, вскакивает на нее и, не прекращая исполнения блестяще отрепетированного монолога, сволоаки-

вает с божицы желанную добычу.

Затем самозванный реставратор быстро заклеивает темную поверхность иконы специальной бумагой, бережно, словно хрусталь, укутывает гигроскопической ватой и, поведая (теперь уже бывшей) владелице доски, что в музее (или институте) лучшие специалисты страны займутся ее драгоценным подарком (он об этом персонально ей напишет или телеграфирует), резво сматывает удочки.

Приходится только сожалеть, что на Урале не введен в правах закон порядок. Прекративший бы навсегда это, по сути дела, разграбление исторических и культурных ценностей. Правда, за последние несколько лет в некоторых областях края оживилась экспедиционная работа по сбору древних книг вузами, но это лишь в самой малой степени компенсирует недостаточную собирательскую деятельность музеев.

Коллекционерам, разумеется, с избытком хватит и того, чего ни музей, ни государственные научные учреждения не получают по разным причинам. Но коллекционерство, хотя бы на Урале, нуждается в действенном контроле со стороны государственных учреждений. Его необходимо направить в определенное русло согласно Закону об охране памятников истории и культуры.

перед собой значительную цель, кем руководит благородная идея. Истинный коллекционер чувствует себя ответственным за свои действия перед обществом, и тогда коллекционирование, в отличие от собирательства, наполняется высоким смыслом. А всякие там булуги, эдики, липовые инженеры Юры и подобные им скупщики и спекулянты дискредитируют это занятие, наносят ему громадный, порой непоправимый, урон — как материальный, так и моральный.

К сожалению, именно такого рода собиратели часто составляют ядро общества коллекционеров, их авторитетную верхушку, элиту.

Разумеется, есть и коллекционеры-нестяжатели. Они почему-то не ходят в авторитетных и не владеют уникальными коллекциями, хотя трагят средств из своих заработков значительно больше, чем иные «бизнесмены». Но именно они, истинные коллекционеры, делают все возможное, чтобы произведения искусства не получали ущерба, не гибли. Они способны не завидовать и не огорчаться, если икона или книга принадлежит не им, а другому, и нет возможности ее приобрести: прекрасно уже то, что она найдена и вообще существует.

Приобрести и даже выменять старинную книгу могут многие. Разыскать — далеко не все. Нелегкое это дело.

Именно сейчас, когда охрана произведений искусства, памятников культуры и истории взята под контроль государства, нельзя допускать гибели того, уже немногого, что осталось от прошлых веков, потому что в этом уцелевшем, как море в капле воды, отражается наша великая культура, наша история.

а те годы, что я занимаюсь коллекционированием произведений древнерусской живописи, старопечатных книг и рукописей, мне довелось познакомиться со многими людьми, в большей или меньшей степени причастными к этому увлекательному делу.

По-моему, есть собиратели и есть коллекционеры. Собирать способен практически каждый, а коллекционировать — лишь тот, кто поставил

С АВТОМОБИЛЕМ НА «ВЫ»

**Евгений
ИЩЕНКО,
Владимир
ИОНОВ**
криминалисты

*Рисунки
А. Банных*

Ежегодно из-за дорожно-транспортных происшествий на дорогах мира около 300 тыс. человек гибнет и 7 миллионов травмируются. От инфекционных заболеваний и то меньше умирают! Всемирная организация здравоохранения несчастные случаи на дорогах относит к своего рода пандемии, находящейся по числу смертных случаев на третьем месте после сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей. В 1975 году на улицах Москвы погибло 610 человек и более 5,5 тысячи получили ранения. Ежедневно в столице происходит десять-пятнадцать аварий. А, к примеру, в городе Свердловске и Свердловской области за 1976 год зарегистрировано более пяти тысяч дорожно-транспортных происшествий, в которых 686 человек погибло и 5285 получили травмы.

Предотвращение дорожно-транспортных происшествий — задача большой важности и для криминалистов. Особенно следует остановиться на достоверности свидетельских показаний, связанных с определением расстояний и скорости движения транспорта.

Попытаемся объяснить заблуждения очевидцев, используя эргономические исследования системы «машина — человек». По данным Всемирной организации здравоохранения, в девяти из десяти дорожных происшествий повинен человек. Датская дорожная полиция выявила закономерность: автомобили, окрашенные в темный цвет, сталкиваются чаще с автомобилями также

темными, а светлые со светлыми почти в десять раз реже. Почему? Черные машины кажутся более медленными и находящимися на большем расстоянии, чем светлые.

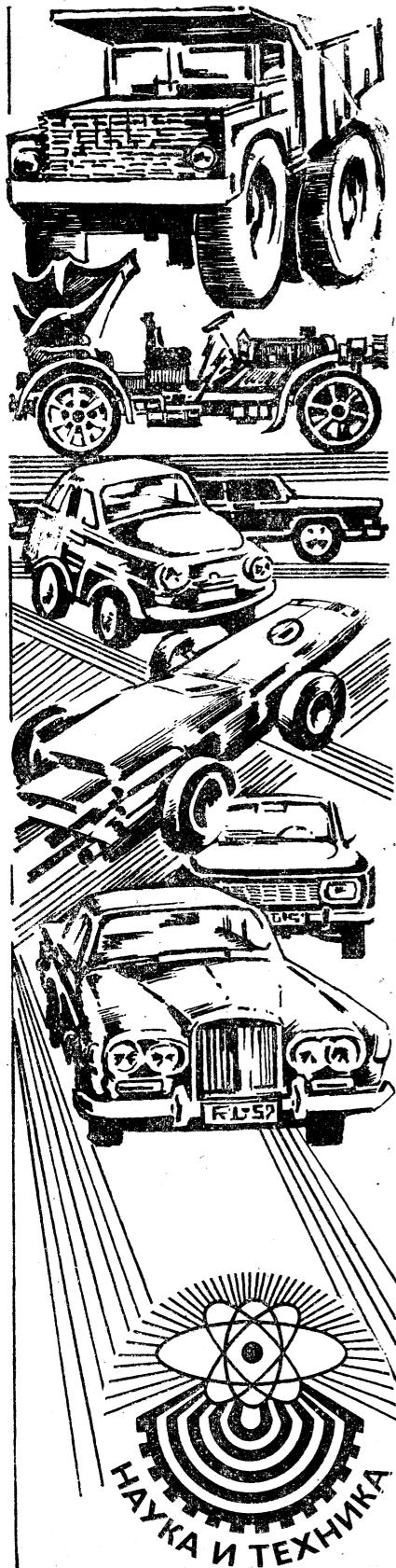
Нескольким наблюдателям было предложено определить скорость черной, белой и красной машин, идущих со скоростью 70 километров в час. Результат наблюдений был таков: черная — 62 км/час, белая — 72 км/час, красная — 78 км/час. А расстояния до автомобилей наблюдатели оценили так: 108, 98 и 92 метра.

Известно, что для водителей лишние 8 километров в час и лишние 8 метров дистанции — ошибка, ведущая к происшествию.

Кстати, отметим, что половина всех наездов на препятствия и пешеходов происходит из-за упущенной десятой доли секунды, называемой «трагедией нескольких метров».

Для уменьшения аварий, вызванных неправильной оценкой скорости впереди идущего автомобиля, американские специалисты предложили и испытывают на тысяче автомобилей в штате Орегон (США) трехцветные задние огни. При увеличении скорости автомобиля включается зеленый свет. Когда водитель снимает ногу с педали газа — загорается желтый свет, а при торможении — красный. Полагают, что такое дополнительное устройство позволит уменьшить число аварий.

Многое в оценке скорости транспорта зависит от особенностей дороги. Например, у того, кто едет по обсаженной деревьями магистра-

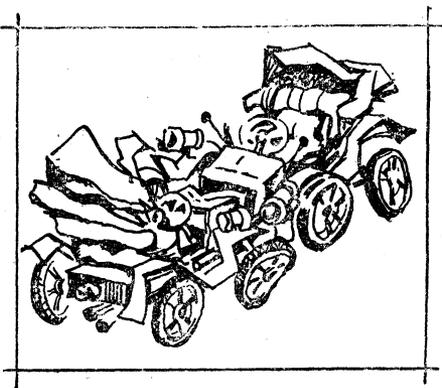
ли, возникает иллюзия возрастания скорости. Аналогичный эффект бывает и в длинных туннелях. И наоборот, автомагистраль без деревьев скрадывает истинную скорость движения. Такое явление даже получило особое название — «гипноз скорости». При плохой видимости (когда дорога окутана туманом, идет дождь, а также в сумерки) скорость транспорта, в том числе и встречного, представляется меньше фактической. Склонны преуменьшить ее и те, кто едет очень быстро, ибо чем больше скорость, тем кажется медленнее движение встречного автомобиля. Замечено также, что чем крупнее встречная машина, тем кажется выше ее скорость...

Медицинская дирекция Центра исследований дорожного транспорта (США) считает, что одна из основных причин несчастных случаев на автострадах — парагипнотическое состояние, в которое впадают водители. Дорожный парагипноз полностью отвечает классическому понятию гипнотического сна. Если водитель долго находится в дороге и скорость движения длительное время постоянна, например 100 километров в час, то вид равномерно чередующихся столбов, световых сигналов, линий на шоссе и движущихся навстречу автомобилей вызывает сонливость. Проведенные в ГДР опыты показали, что водитель может проехать 20 км, не отдавая себе отчета ни об истекшем времени, ни о пройденном расстоянии. И хотя он реагирует на внешние раздражители, сохраняет контроль за управлением, его способность концентрировать внимание снижается, а двигательные реакции замедляются. Водитель в таком состоянии часто даже не замечает ускорения движения.

Создание «безопасного автомобиля» — мировая проблема, затрагивающая всех, поскольку каждый человек участвует в дорожном движении как пешеход, пассажир или водитель. Проблема эта не нова. Она появилась вместе с первыми автомобилями. Они сразу стали источниками повышенной опасности, врагами всего живого. Сколько под их колесами погибло собак и кошек, жуков, бабочек, стрекоз и прочей живности, никто не считал. Но из-

вестно, что стоило в одном американском городе в конце прошлого века «прописаться» двум «коляскам с мотором», как они столкнулись. Да, да, столкнулись, несмотря на то, что тогда на земном шаре было всего 14 таких «колясок». В 1896 году в Англии произошло уже 24 автопроисшествия со смертельным исходом. В США автомобиль впервые стал убийцей в 1899 году. А с 1900 года до наших дней его жертвами стали около двух миллионов американцев. Это больше, чем США потеряли во всех войнах.

Как превратить автомобиль из врага в друга?

Ныне, когда на дороги страны выходит все больше высокоскоростных машин, проконтролировать их техническое состояние становится непростым делом. А по техническим причинам происходит до одной пятой всех автопроисшествий. Проверять на глазок, как это делалось еще недавно, тормоза, рулевое управление, осветительные приборы и другие агрегаты автомобиля теперь нельзя. Поэтому сотрудники автоинспекций Ленинграда несколько лет тому назад разработали и построили первую в СССР автодиагностическую станцию. Оснащена она по последнему слову техники: сложные электронные приборы проверяют «самочувствие» автомашины. Диагностический конвейер станции включает несколько постов, на которых анализируется химический состав выхлопных газов, работа тормозов на различных скоростях движения, замеряется давление воздуха в

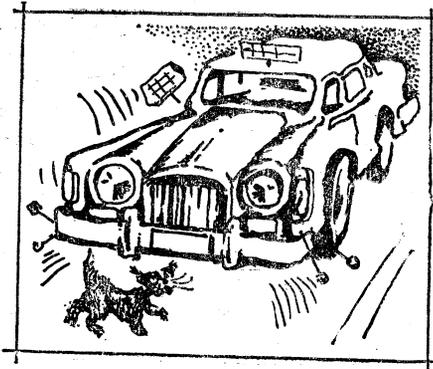
шинах, проверяется яркость света, правильность установки фар и др. Такая разносторонняя проверка автомобиля занимает всего 7 минут, а за день на станции проверяется до 150 машин. Сейчас подобные автодиагностические станции строятся по всей стране.

Но автомобиль может с помощью специальных устройств и сам подсказать водителю, что у него «заболело». Неопытные водители, как правило, теряются, когда в машине возникает даже небольшая поломка. Если это происходит на высокой скорости, то недостаточная быстрая реакция человека на поломку приводит к тяжелым последствиям. Японская фирма «Хонда» оснащает автомобили системой, которая подсказывает водителю, в чем состоит неисправность и что нужно сделать для ее устранения. Специальное табло извещает о двадцати одной неисправности, мелкой или крупной, а указатель действий тут же дает рекомендацию водителю: «снизить скорость», «остановиться», «выключить зажигание» и т. п.

Техническое состояние автомобиля — дело важное. Но еще более важно, как показали исследования, проконтролировать водителя — главную фигуру, определяющую безопасность дорожного движения. Это тоже совсем непросто, так как около одной пятой работоспособного населения СССР имеет право управлять автомобилем, мотоциклом и другим самоходным транспортом. А более половины всех автопроисшествий происходит из-за ошибок пьяных водителей.

Для сотрудников ГАИ сконструирован специальный прибор, позволяющий точно определить, употреблял ли водитель спиртное. Назвали его сокращенно — «ПЭГАС» — переносный экспресс-анализатор газовых смесей, измеряющий концентрацию паров спирта в выдыхаемом водителем воздухе. В зависимости от дозы выпитого отклоняется стрелка, показания которой затем переводятся по специальной таблице в проценты степени опьянения водителя. Прибор очень чувствителен и никогда не ошибается.

Но и тут творческая конструкторская мысль старается перело-

жить контроль водителя на сам автомобиль. Японские специалисты разработали миниатюрный электронный анализатор, который, будучи установленным в автомобиле, не позволяет нетрезвому водителю даже завести двигатель. Прибор так хорошо чует спиртное, что размыкает систему зажигания, даже если кто-нибудь дохнет перегаром рядом с автомобилем.

Нередко и трезвые водители грубо нарушают правила уличного движения. Определить, управление каким видом транспорта можно доверить тому или иному человеку, помогает электронная установка. Она довольно проста: небольшое кресло, педали, приборный щиток. На телеэкране возникает все более сложная дорожная обстановка. С появлением каждого изображения испытуемый должен принять решение и нажать кнопку или педаль, как бы управляя автомобилем. Скорость смены ситуаций на экране все увеличивается, и человек начинает ошибаться. У каждого испытуемого момент сбоев наступает в разное время проверки. Так определяется степень надежности водителя в условиях интенсивного уличного движения. На такой электронный экзамен уходит всего несколько минут. Из проверенных 190 юношей — учащихся Киевского автокомбината — установка «запретила» четырнадцать человек садиться за руль даже тихоходного транспорта. При дополнительном обследовании «забракованных» их непригодности к работе водителем подтвердилась.

Современный автомобиль умеет многое. Он может, например, спас-

ти жизнь водителю и пассажиру. На крыле автомобилей, выпускаемых фирмой «Тойота», устанавливается миниатюрный радар. Если перед автомобилем возникает какое-то массивное препятствие, а водитель не тормозит, то радар включает крошечную ЭВМ, которая сама принимает решение: открывает специальные баллоны, в результате чего кабина мгновенно заполняется полиэтиленовым пузырем, исключающим удар едущих о твердые предметы.

На ровных, монотонных участках дороги водителя начинает клонить в сон. С помощью венгерского прибора «Реакон» автомобиль замечает это. Установив, что переключения передач и торможения стали редкими, он время от времени подает предупредительный сигнал, на который водитель должен отреагировать нажатием кнопки. Если он этого не сделает, включается сирена тревоги. Если же и это не прерывает сон водителя, «Реакон» включает аварийные мигалки, и автомобиль останавливается.

А если водитель не засоня, а наоборот — лихач, путающий обычный автомобиль с гоночным, а улицу — с трассой автотралли? Для пресечения нарушений установленной скорости в СССР широко применяются электронные измерители скорости, называемые лампой-фарой. Действуют они как локатор и могут быть оснащены фотокинопулеметом, снимающим одновременно автомобиль нарушителя и шкалу прибора с показанием его скорости.

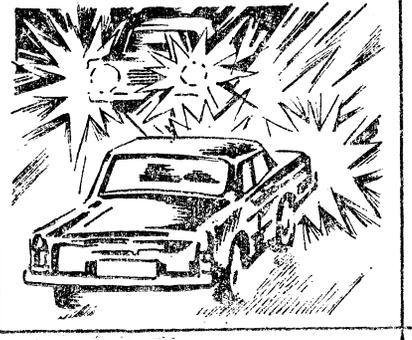
Разработаны для автомобилей и надежные сторожа — противоугонные устройства. При попытке открыть дверцу салона, багажник или капот, а также снять с колеса колпак, сорвать антенну или осуществить какое-либо иное действие, связанное даже с незначительным сотрясением машины, электронный сторож включает звуковой сигнал, фары и мигалки. Спустя несколько минут все это автоматически выключается, однако при повторном сотрясении автомобиль вновь начинает подавать сигналы тревоги. Другая, более сложная система с помощью радиопередатчика извещает вла-

дельца о посягательстве на автомобиль.

Переутомление, неудобство позы, слабые навыки вождения в сложных условиях, сильное переживание какого-нибудь чувства (страх, восторг, ожидание и т. п.) могут быть причинами дорожных иллюзий. Вот случай, описанный одним опытным танкистом.

«Выполняя роль механика-водителя, я уже несколько часов двигался в ночных условиях... Монотонный гул двигателя воспринимался, как музыка. Снежная равнина... простиралась до самого горизонта. Но так как пасмурное небо имело примерно такой же цвет (стирание границей), то через прибор ночного видения наблюдался однообразный зеленоватый фон. Если к этому добавить мою усталость и чувство беспокойства из-за возможности свалиться в овраг или засыпанную снегом яму, то можно сказать, что все условия для возникновения иллюзии были налицо». И далее: «Наступила иллюзия тишины. Затем я ощутил, что танк «поплыл» довольно быстро и плавно (толчки не ощущались). Достигнув горизонта, который из-за отсутствия линии раздела казался рядом, танк начал двигаться по небу вверх гусеницами. Я напрягал зрение и волю, которые, видимо, в значительной степени были подчинены этому почти волшебному впечатлению. Трудно сказать, сколько продолжалась эта иллюзия, видимо, недолго, но мне она показалась вечностью (переоценка коротких промежутков времени в опасной ситуации).

Наконец мне удалось встряхну-

ться, может быть, потому, что случайно наткнулся на рядом установленный повернутый вправо прибор наблюдения. Прильнув к прибору ночного видения, заметил проплывшую верхушку куста, а поодаль — черную опушку зимнего леса (восстановление контраста), ощутил гул двигателя, лязг гусениц, толчки корпуса танка. Я очень обрадовался. Иллюзия исчезла так же внезапно, как и пришла. Из-за боязни ее повторения в этих опасных условиях вождения я остановил танк. При этом почувствовал сильную усталость. Волосы под шлемофоном были мокрыми, мне было жарко.

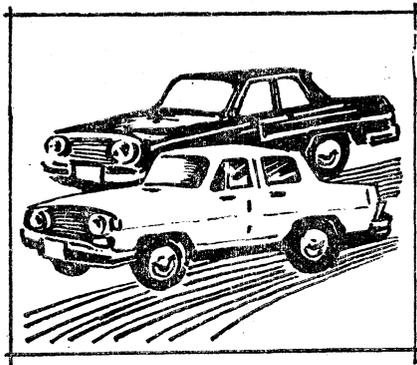
Вспомним и другую закономерность... С давних времен было отмечено, что вертикальный угол зрения меньше горизонтального, и это использовалось как в искусстве, так и в технике. Если на дороге внезапно появляется нависшая слева над шоссе скала, а справа — обрыв, то каждый водитель, впервые оказавшийся в такой ситуации, прижимает машину к краю пропасти, хотя здравый смысл должен подсказать, казалось бы, обратное решение. Оказавшись: точность оценок по вертикали развита у людей слабее, а поэтому, боясь, что скала заденет крышу автомобиля, водитель старается взять в сторону обрыва.

Ослепление... Это еще одна беда.

При обследовании 11 000 водителей выяснили, что время восстановления зрения после ослепления в среднем равняется 2,33 сек. А автомобиль при скорости 60 км/час преодолеет около сорока метров, и не вызывает сомнения, что остановить его за это время невозможно.

Советский ученый и изобретатель Б. Рабкин предлагает водителям транспорта перед рейсом принимать элеутерококк, обостряющий зрение. И действительно, еще в 1931 году на международном конгрессе офтальмологов немецкий ученый Энгелькинг сделал сенсационное сообщение. Он установил, что явления, аналогичные дальтонизму, наблюдаются у 42 процентов людей в состоянии утомления. Гипотезу Энгелькинга подтвердили и другие ученые.

Созданы также фары с асим-

метричным лучом. Чтобы понять сущность этого решения, нужно осветить стену фарами автомобиля «Волга», а затем фарами «Жигулей». Фары «Волги» дают более или менее симметричное световое пятно — свет от «Жигулей» рассеивается прибором особой конструкции.

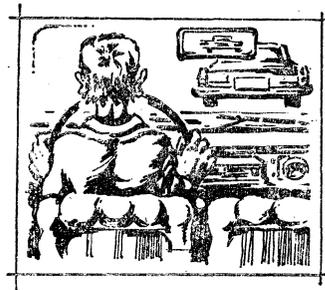
Есть и другое решение — очки, оснащенные фотодиодом, включающим при освещении левый соленоид, который мгновенно закрывает защитным фильтром левый глаз. Правый глаз при этом почти ослеплен. После разъезда автомобилей левый фильтр отключается, а перед правым глазом появляется голубое стекло. Водитель теперь хорошо видит дорогу левым глазом, а когда зрение восстанавливается и в правом, то убирается вверх голубой фильтр. Использование таких очков требует определенной тренировки, а поэтому предлагается делать эти «хлопающие» фильтры большими — на лобовом стекле автомобиля.

Уделим внимание и дороге... Например, в Западной Германии посыпают автодороги алюминиевой крупкой. Белые крупинки вдавливаются в асфальт и образуют хорошо отражающее свет блестящее покрытие. На его фоне гораздо отчетливее выделяются силуэты пешеходов, неосвещенных предметов, лучше видны границы проезжей части. Как считают водители, по такой дороге удобнее ездить и днем, поскольку она лучше контрастирует с окружающей местностью.

Решаются подобные дорожные проблемы и у нас в стране. Интересную дорогу, например, разработали специалисты Волгоградского инженерно-строительного института.

Они предложили добавить в обычный состав асфальтового бетона измельченные резиновые изделия, главным образом старые автомобильные покрышки. Залитая таким составом дорога напоминает сплошной резиновый ковер, обладающий, по сравнению с обычной дорогой, рядом преимуществ. Главное из них — высокий коэффициент сцепления шин автомобиля с покрытием дороги, а это позволяет водителю чувствовать себя уверенно в любое время года. Зимой такую магистраль не надо посыпать песком: ледяная корка на упругом покрытии разрушается под тяжестью машин. В настоящее время уже создано несколько участков дорог с прорезиненными покрытиями. Они проходят всесторонние испытания.

Как уменьшить число автомобильных катастроф, как сделать автомобиль безопасным? Решить эти проблемы помогаем и мы, криминалисты, расследуя дорожные происшествия.

Увольняется по ненадобности

Михаил
ПАРАНИН

Дождливым весенним днем 1830 года по паровой пристани Петербурга в ожидании извозчика прохаживался по-европейски одетый молодой человек. Это был Федор Звездин, крепостной уральских заводчиков Демидовых. Более пяти лет назад его, окончившего Выйское училище, отправили для изучения заводского ремесла за границу. В Германии и Франции он, не теряя времени даром, учился лить из чугуна и меди разные машинные части, а потом и скульптурные фигуры. И вот теперь наука закончена, пора работать. Пора домой — на Урал, в Тагил. Там дом, невеста, завод, там начнется новая жизнь...

Переночевав на приезде дворе Демидовых, Федор с утра отправился в контору. Принял его управляющий Павел Данилов:

— Ну, сказывай, чему тебя там научили? На что способен?

Федор слегка растерялся и как-то несмело заговорил:

— Могу сделать всякое литье, даже художественное. Сам умею готовить и шаблоны для отливки. Позвольте выехать на заводы, там я это самим делом докажу...

Данилов неторопливо переложил какие-то бумаги на столе и медленно, расставляя слова, произнес:

— Прделаешь здесь, в Санкт-Петербурге.

Видно, это было решено заранее. Управляющий больше ничего не сказал, взял колокольчик и позвонил.

— Подожди там, — указал Федору на дверь. — Я напишу письмо господину Бергу.

Письмо управляющего Звездин отдал в заводской конторе Берга служащему. Ждать пришлось порядочно, зато Берг, не в пример Данилову, принял Звездина радушно, сразу предложил сесть. Прочитав письмо, сказал с улыбкой:

— Вы знаете, что пишет господин Данилов? Вот слушайте: «Вручитель сего, Федор Звездин, обучался во Франции литейному искусству и ремесло это знает порядочно. Он не белоручка и любит заводское дело, почему я покорнейше прошу дать ему случай показать свое мастерство».

Рано утром следующего дня

Звездин уже был у проходной. На заводе его приняли прохладно, без особой деликатности, хотя мастерским было известно, что он недавно возвратился из Франции, где учился литейному делу. Провели сразу же в литейную фабрику и поставили отливать части к маховикам для паровых машин. Первые отливки, сделанные Звездиным, должно быть, понравились хозяину. Дня через три прямо из литейной его позвали в заводскую контору. Начальник канцелярии сказал, вежливо улыбаясь, что господин Берг доволен началом работы и распорядился положить ему жалованье 180 рублей в месяц.

Все начиналось отлично. Жалованье хорошее, можно кое-что откладывать на будущее: когда придет на Урал, деньги пригодятся. Федор мечтал уехать, наконец, на родину, но пока что не очень спешил, весь отдавался любимому делу. Однако через месяц с небольшим от Данилова на завод пришло письмо, в котором тот требовал немедленно возвратить молодого практиканта в распоряжение демидовской конторы.

В демидовской конторе Никерин, помощник управляющего, объяснил Федору:

— Тебе надо как можно быстрее выехать на Урал. В Нижнетагильске твоего приезда ждут. Скопилось много работы, а литейщиков нет. Но конторе желательно, чтобы ты перед отъездом женился здесь, в Санкт-Петербурге. В жены тебе определили дочь управителя канцелярией Осипова, Анфису. Она дома обучалась грамоте, хочет жить на Урале и будет тебе хорошей женой. По приезде домой получишь от тамошней конторы деньги на обзаведение.

Федор на минуту даже лишился дара речи. Когда пришел в себя, заговорил тихо, медленно, как оглушенный:

— У меня в Нижнетагильском есть невеста, она не вышла замуж, ждет. На горе работает, руду разбирает. Мне бы на ней жениться сподручней. Я об этом прошу контору, господин Никерин...

— Такова воля его высокоблагородия Анатолия Николаевича. Мы не

вправе послушаться. Все, можешь идти.

Все формальности с женитьбой в конторе устроили без него. Свадьбу сделали в квартире управителя канцелярии. На гулянье гостей было немного, только служащие конторы, с кем Осипов дружил. Оба свадебных дня прошли как-то вяло, скучно. Песен пели мало, плясали неохотно. Никакой радости не чувствовалось.

После свадьбы молодые через несколько дней с попутным обозом выехали на Урал. Звездин сразу же не сошелся с женой. Ростом выше его, худая, Анфиса была Федору неприятна. С тяжелой душой отправлялся он в родные края.

Дома мать и отец обрадовались сыну, приветливо отнеслись и к Анфисе, хотя и подумать раньше не могли, что с ним так обойдутся в Петербурге. Была ведь у Федора невеста на примете, и лучше Феклушки Черноусовой снохи им бы не надо. Статная она, красивая, работающая, да знать, не судьба. Воля господня и хозяйская — куда денешься?..

На Выйском медеплавильном и железоделательном заводе литейной фабрики, как таковой, не было. В темном углу медеплавильни стояла высокая, как квадратная колонна, кирпичная печь — вагранка. Деревянное низкое здание изнутри было совсем темным. Весь день горели факелы из старых прядеников, облитых конским жиром. Крохотные окна так залезла сажа и пыль, что никакой свет с улицы не мог проникнуть внутрь.

В самом помещении стояла невыносимая жара, духота. Работающие у медеплавильных печей были без рубах, только грудь защищал жесткий конопляный запон. Плавильщики то и дело отбегали от печей к кадушке с холодной водой, пили, а затем, зачерпнув полный ковш, обливались. После этого несколько минут можно было стоять у печи, пока тело не высохнет и вновь начнет садить от жары и соленого грязного пота.

К счастью литейщиков, выплавку меди по распоряжению молодых хозяев-заводчиков вскоре стали увеличивать (на нее поднялся спрос на граничных рынках), и на месте вагранок решили построить медеплавильную печь. Для новой литейной ответной пристрой, где хранились медные чушки. Пришлось все делать заново и, как потом убедился, к лучшему. Здесь Звездину пригодился заграничный опыт. Когда клали плавильную печь, он настоял, чтобы пробили отверстия в потолке и поставили над ними трубы для вытравливания пыли и дыма. Много ему пришлось пережить с новой ваграночной, а все же он добился, что людям стало легче работать. В фабрике сделалось светлей и не надо было жечь смрадные факелы. Вагранщики меньше обжигались чужими брызгами при заливке форм.

Некоторые даже работали в рубахах.

Незаметно минуло несколько лет. Федор Звездин работал литейным мастером, и под его ведением было члито множество деталей для ремонта заводского оборудования — паровых машин, лущильных молотов, кузнечных горнов. Но его по-прежнему тянуло к художественному литью. Дома часто перебирал интересные картинки со скульптур, которые начал собирать еще во Франции, соображал, что можно бы отлить из бронзы и чугуна. Но заняться этим никакой возможности не было.

И все же случай выпал: в Перми намечено было провести первую губернскую промышленно-мануфактурную выставку. В конце декабря 1836 года в главную контору Нижнетагильских заводов поступило распоряжение губернского начальника о подготовке к выставке, а также каталог материалов, которые желательно там иметь. Ожидался приезд даже наследника престола цесаревича Александра.

Тут и вспомнили про литейного мастера Федора Звездина. Ему поручили приготовить все, что он сможет отлить для показа заводских изделий «в лучшем виде».

С большим старанием взялся Федор за долгожданную работу. За небольшой срок в литейной Выйского завода им было отлито только одних бюстов больше десятка. Среди них Петра Первого, Николая Первого, цесаревича Александра, а также других знатных лиц. Это из чугуна. Из бронзы изготовил Звездин разные художественные поделки: лошадь, подсвечник и много мелкого литья. Заводские изделия и особенно художественное литье из Нижнетагильского заводского селения имели на выставке большой успех и много похвальных отзывов.

После официального закрытия выставки Мануфактурный комитет решил сделать ее постоянной в виде Губернского кабинета, или музея. В Нижнетагильскую главную заводскую контору пришла просьба: дать согласие о передаче «представленных экспонатов бесплатно на эти цели». Но заводская контора не пожелала отдать, тем более бесплатно. И все отлитое Звездиным было увезено. В Перми так и не осталось никаких его художественных отливок.

Вскоре снова наметилась выставка: Российская промышленно-мануфактурная в Москве. Нижнетагильская главная заводская контора с большой охотой приняла предложение участвовать во всероссийском смотре изделий промышленности. Выйскому заводу предписывалось: «...сделать на помянутую выставку стеновые часы, винтовые, ножей и вилок две дюжины, чугунную вазу, чайный прибор и разных литейных бронзовых вещей, поруча дело часов уставщику Пор-

филью Козопасову, литейные вещи бронзеру Звездину».

Звездин был таким поручением очень обрадован: наконец-то получил официальное указание показать свое искусство. Это его вдохновило, и мастер стал подбирать образцы, по которым будет вести отливку экспонатов. По скульптуре П. К. Клодта отлил арабскую лошадь и назвал ее по-своему — «Жеребец». Отлил быка, взяв за образец работу итальянского мастера. Приготовил и кое-что своего сочинения: орла, паука, распятие Христова, другие скульптурные изделия.

Но после того, как все заводские экспонаты (а их насчитали более двухсот) из Усть-Уткинска были отправлены в Москву, на Выйский завод с пристани привезли обратно два ящика: их не положили из-за перегруза. На показ для столичной выставки попали только подсвечник, ваза, столовые приборы. А то, над чем он так вдохновенно и настойчиво трудился и чему так был рад, на смотр не попало.

Когда сказали Звездину о вернувшихся ящиках с его экспонатами, мастер чуть не заплакал при рабочих. Все старания и труды его пропали напрасно...

Между тем слава Выйской литейной фабрики росла. Приезжие из центральных городов России, а также путешествующие европейцы, узнав о бронзерной, обязательно заглядывали сюда, интересовались художественным литьем, с одобрением отмечали успехи. Горный инженер А. И. Арсеньев писал в своем отчете о посещении заводов: «Главными занятиями Выйского завода является, наряду с выплавкой и очисткой меди, также отливка медных и бронзовых вещей литейщиком Ф. Звездиным».

Путешествуя по Уралу и Сибири, наследник русского престола цесаревич Александр посетил столицу заводской империи Демидовых — Нижнетагильское заводское селение. При осмотре заводских изделий обратил внимание на литые художественные скульптуры из чугуна и бронзы, сделанные Ф. Звездиным. По просьбе наследника они были отобраны для отсылки в Санкт-Петербург.

В конце 50-х годов главноуправляющим всеми заводами и именными Демидовых стал помещик Антон Кожуховский. Человек крутой и быстрый на расправу, он не очень-то считался с рабочим людом, хотя бы и с мастерами, которые поднялись из среды крепостных. Их считал вольнодумцами, выскочками, особенно литейщика Звездина. Управляющий по экономической части Д. В. Белов тоже не раз высказывал свое недовольство бронзером:

— Он все хочет делать, как видел во Франции, а нам это ни к чему. Рабочие люди у нас степенные, все заводские действия знают.

Он же придет и требует для бронзерной разного нового припасу, чтобы отливать насмешников. Хлопочет, чтобы рабочие литейки были одеты и обуты, получали содержание наряду с доменщиками. Урезонишь — уходит с обидой. Да и на фабрике ведет недостойные разговоры. Вольнодумец!

Других причин не было у Кожуховского, чтобы уволить литейного мастера. Сам он с бронзером не встречался, не разговаривал, да и отчислить Звездина из завода прямой целесообразности не было. Но все же без такого человека как-то спокойнее... И вот появилось распоряжение: «По случаю остановки при Выйском заводе бронзерного производства Федора Звездина переместить в ведение Нижнетагильской заводской конторы».

Для Звездина это был тяжелый удар, и он чуть не слег. «Зачем закрывают бронзерку? Неужто ему, хорошо знающему всякое литье, в том числе и художественное, нечего стало делать?» Хотел было поговорить в главной конторе, но с кем? Там теперь все больше иностранцы: управляющий заводами шведский подданный И. Вольстет, по технической части — А. Беккер, Браун приехал литейным мастером, видно, вместо Звездина... Подумав хорошенько, он пришел к выводу, что здесь дело не в закрытии выйской литейки, а в чем-то другом, видимо, в его неугождении.

Распоряжением управителя Нижнетагильского завода бывший литейный мастер был определен на должность помощника уставщика доменного производства. Но пойти на дому Звездин отказался. Не потому, что не знал, как работают печи, или боялся угарного газа. Просто он и думать не мог, как расстанется с литейным делом, которому обучался с юных годов и отдал около двух десятков лет жизни.

Некоторое время литейный мастер находился не у дел. Управлялся в огороде, открыл за двором маленькую кузню с горном, кое-что делал для домашности — по заказам соседей. Но это все не радовало, душа рвалась на завод, в литейную фабрику.

Через неделю в заводской конторе писарь ознакомил Звездина с бумагой: «Федор Звездин, помощник уставщика доменного производства, за уклонение от должности переведен в работу, а потом к увольнению на свое пропитание по неимению в нем особой надобности».

На этом обрываются упоминания о Федоре Филипповиче Звездине в заводских документах. Как сложилась дальнейшая жизнь талантливого мастера — неизвестно. Не было у него и потомков, которые бы могли поведать о дальнейшей его судьбе.

ДЕДУКЦИЯ

У Кирюши день рождения. Поздравить именинника с четырнадцатилетием пришли друзья по школе и по двору, кое-кто даже со своими папами и мамами. Кирюшины родители загодя готовились к этому событию и накрыли большой и вкусный стол.

И вот скатерть опустела, родители обсудили между собой свои взрослые дела и вновь переключили внимание на детей. Они решают устроить импровизированный концерт, блеснув при этом талантами своих отпрысков.

Лена Козырева, фигурастая акселератка в вызывающе куцей юбочке, читает наизусть новеллу Мопассана. В руках Вити Глуценко возникает затрепанная колода, и не успевают отцы оком моргнуть, как оказываются в дураках. А Барсуков, известный в своем и соседних дворах под кличкой Барсук, мастерски выпускает с одной затяжки восемнадцать колец, причем одно в другом, наподобие знаменитой шуховской башни. Родители глядят на своих чад с благоговением и восторгом.

Не желает ударить лицом в грязь и мать виновника торжества.

— Кирилл, исполни нам, пожалуйста, «аллегро нон троппо» из «Интродукции и рондо-каприччиозо» французского композитора Сен-Санса.

Но Кирилл играть «аллегро нон

троппо» из «Интродукции и рондо-каприччиозо» французского композитора Сен-Санса не желает. Он считает, что заставлять его в день рождения брать в руки опостылевший инструмент это уж слишком.

— Исполни это... «кирпичозо». Башку оторву! — приказывает отец. Но эффект тот же.

Родители готовы лопнуть от зора. Отцовское лицо наливаются кровью. Настает гнетущая тишина.

— Лучше я продемонстрирую метод дедукции, — вдруг заявляет Кирюша.

— Как, как? — не понимают гости.

— Он до утра взахлеб читал Конан-Дойля, — спешит пояснить мать. — И весь под впечатлением от Шерлока Холмса.

— Путем логических умозаключений я определяю, кто из вас чем занимается, — объявляет мальчик.

Гости оживляются.

Изображая из себя знаменитого сыщика, Кирюша вытягивается в кресле, подпирает рукой подбородок и ухитряется в себя.

— Начну, пожалуй, с вас, мисс Глуценко, — обращается он к Витиной маме. — Метод дедукции подсказывает мне, что вы работаете в системе общественного питания.

— Ага, — радостно подсказывает та. — На кондитерской фабрике.

— Вы... — мальчик бросает проницательный взгляд на мать Лены. — Вы имеете прямое отношение к книгам.

— Товаровед облкниготорга, — кивает Козырева-старшая.

— А вы, сэр, профсоюзный работник.

— Точно, инспектор курортного отдела, — соглашается Барсуков-отец. — Но как ты об этом догадался?

— Не иначе, узнал от наших детей, — скептически предполагает Козырева-старшая. — Велика сложность!

Но Кирюша дает честное пионерское, что друзья ему ничего не говорили.

— А как же? — сгорают от любопытства Глуценко-мама,

Новоявленный Шерлок Холмс торжественно и важно встает.

— Доктор Ватсон, надеюсь, вы запечатлите это примечательное дело в своих бессмертных записках? — замечает он Барсуку. Тот наигранно строчит спичкой по салфетке.

— Вот ты, Витя, мне в подарок что принес? — начинает раскрывать тайны дедукции юный сыщик. — Шоколадный набор «Мечта». А его, между прочим, так запросто не продают... Так... продолжаю дальше. Лена преподнесла мне не менее дефицитного Майн-Рида, а Барсук — путевку в пионерлагерь на Черное море... Надеюсь, господа, логический ход моей пронизательной мысли разъяснять не надо?

— Феноменально! — восхищается Барсуков-отец. — Причем как все элементарно!

Мать взирает на гостей победоносно, как Наполеон после Аустерлица.

— Но, Кирюша, — продолжает сомневаться Козырева-старшая. —

Все эти вещи все же можно достать, по знакомству... За деньги, наконец. Почему ты решил, что мы имеем к ним прямое отношение?

— А иначе папа и мама вас бы просто не пригласили, — не задумываясь, отвечает Шерлок Холмс.

Гости поражены. Вновь настает гнетущая тишина.

Савелий
ЦЫПИН

Рисунок С. Ашмарина

Проблемы, проблемы...

Если разобраться, у каждого найдется какая-то своя проблема. Индивидуальная, можно сказать. Вот у шекспировского Гамлета — быть или не быть. У нашего соседа — пить или не пить. У Петькиных родителей — бить или не бить. В смысле, Петьку. А у меня своя проблема: куда пойти учиться?

Кругом объявления, проспекты, справочники для поступающих. Газеты откроешь — глаза разбегаются. Зовут техникумы, приглашают институты, увлекают академии, умоляют профучилища и курсы кройки и шитья... Голова кругом идет!

Высшее — это, конечно, высший класс. Специалист с высшим образованием — звучит! А после института, глядишь, профессором станешь. Сажу я, значит, и у Петьки Сидорова принимаю экзамен.

— Два балла, — говорю, — вам, студент Сидоров. Стыдно не знать адекватных заменителей дипольярных асинхронатов!

Можно и в техникум. Хазанов, скажем, кулинарный закончил, — сам об этом по телику рассказывал, — а успех какой?!

Или вот военное училище возьмем. Лейтенант, майор... подполковник... Представляю: иду я по улице в генеральской форме, а навстречу мне Петька Сидоров, и четко так: «Здр-р-равия желаю, товарищ генерал!» Блеск!

Но вот то-то и оно... Попробуй выбрать, когда и туда хочется и сюда тянет... Но ничего! В будущем году мы с Петькой пойдем в первый класс, а там уж сразу и решим, на кого пойти учиться.

Григорий ПОДОЛЬСКИЙ,
Борис ШАПИРО

Рисунок Н. Крутикова

БЕДА — НЕ БЕДА

На ошибках учатся всегда.
Это не беда, что есть беда.
Хуже, если жизнь без всяких бед.
Это и не жизнь, а так себе.

Борис БОКОВ

ЕЩЕ ОБ АКСЕЛЕРАЦИИ

Родители не спят и ждут в смятении,
Когда их сын вернется с дня
рождения.

У друга он — тому двенадцать лет.
«Уж полночь близится, а Германа
все нет!»

Валерий ФИЛЬЧЕНКО

ВРАСПЛОХ

Блажен, кого не застает
Врасплох и мини-худо.
Иначе худо предстает
Величиной с верблюда!

Петр ЧУБЕНКО

МУДРЯШКИ

На ниве просвещения одни сеют
разумное, доброе, вечное, другие
выдергивают посеянное на цитаты.

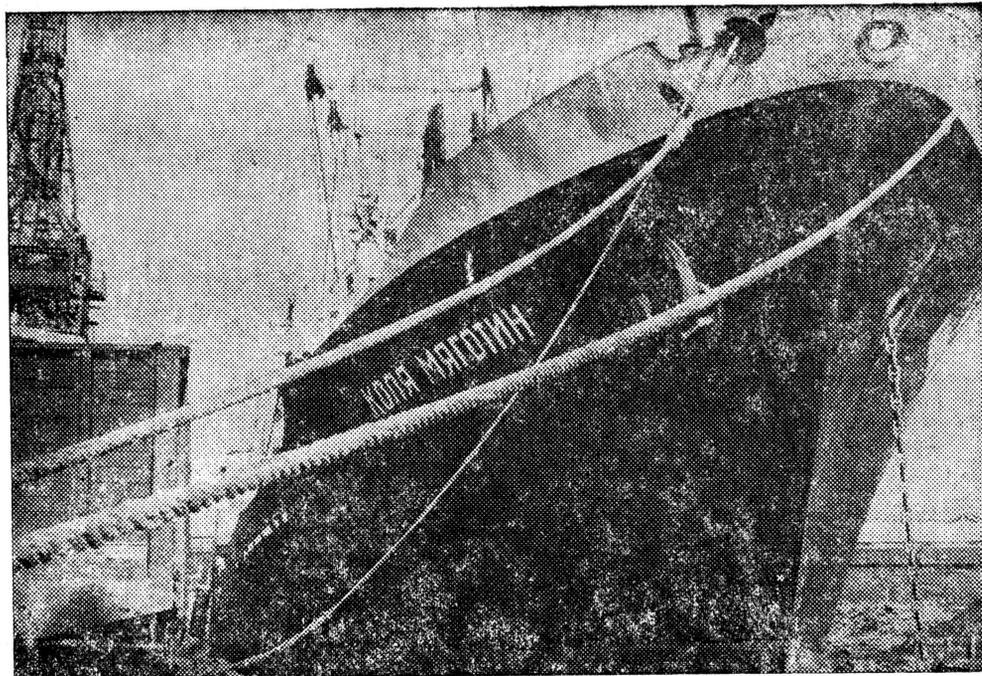
И лишние люди нужны... для
учебников литературы.

Можно ли требовать от хрупких
девушек прочных знаний?

Ничто в природе не исчезает,
кроме разных животных и растений.

Есть вещи, которые не уклады-
ваются в голову, — извилины ме-
шают.

Валерий ВОРОНЦОВ

Имя на борту

Пятнадцать лет назад корабли Ростока (ГДР) построили несколько судов для перевозки грузов. Им решено было дать пионерские имена. Открыла серию «Пионерская правда», завершила — «Пионерская зорька». В числе имен был и «Коля Мяготин».

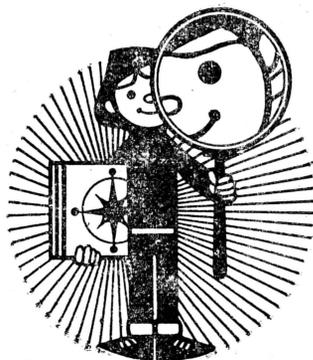
Каждому новичку или гостю на судне прежде всего показывают фотографию обелиска, обнесенного ажурной оградой: «Здесь похоронен пионер Коля Мяготин, зверски убитый кулаками 25 октября 1932 года».

На обложке обыкновенной школьной тетради в клеточку ярко-красным фломастером крупно выведены три буквы — ШШС, штаб шефского содействия. Первый помощник капитана Геннадий Убоженко показывает адреса пионерских отрядов, поддерживающих переписку с экипажем судна. Читаем: Харьков, средняя школа № 4, Краснодарский край, Закарпатье, Москва...

А письма земляков героя-пионера из колхоза имени Коли Мяготина всегда начинаются так: «Репортуем вам...» Много лет штаб шефского содействия рассказывает ребятам из Колесниково о голубых трассах «Коли Мяготина», докладывает о трудовых свершениях. В Колесниково, в Курганской области, летят красочные авиавесточки с заграничными марками — из братского Вьетнама, с берегов Кубы... В конце письма — задание: сделать, например, выставку рисунков о мире. В следующий рейс штаб определит лучшие рисунки и передаст их ребятам той страны, куда лежит путь судна.

В. БЕРЕЗИН

Фото автора

МИР

НА ЛАГОНИ

Герои-партизаны

До весны 1942 года партизанский отряд «Красный Октябрь» в Белоруссии удерживал свой родной поселок Октябрь. Ни бомбовые удары авиации, ни штурмовые атаки фашистов не могли сломить сопротивление партизан. Над исполкомом Совета гордо реяло алое знамя. Чтобы помешать празднованию годовщины Октября, 7 ноября 1943 года, гитлеровцы бросили карателей против ушедших в леса партизан.

Отряд принял бой и отметил праздник еще одной победой, выгнав немцев из поселка.

В Белорусском государственном музее Великой Отечественной войны хранится текст Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении командиру отряда Ф. И. Павловскому и комиссару Т. П. Бумажкову звания Героя Советского Союза.

Это были первые в стране партизаны, удостоенные высокого звания.

Борис ЕФИМОВ

Автограф полководца

Краевед А. А. Григоров обнаружил в Костромском государственном архиве ранее не известный автограф великого русского полководца А. В. Суворова.

В 60-х годах XVIII века полковник Суворов командовал Суздальским пехотным полком, квартировавшим в небольшом северном городке Новая Ладога. Последние годы службы совпали с сооружением в этих местах обводного Ладожского канала. Суворова очень интересовала эта стройка, значение которой он прекрасно понимал. Александр Васильевич сдружился со многими строителями, был у них частым гостем. Когда в семье костромского дворянина Степана Капустина родился сын, крестным отцом его согласился стать Суворов. Это было в 1768 году.

Прошло немало времени, настала пора отроку Капустину идти на военную службу. Хватились родители, а документа о дне и месте его рождения нет. И тогда С. Капустин обратился за письменным свидетельством к крестному отцу сына, ставшему к тому времени прославленным генералом и графом Рымникским. Александр Васильевич, обладавший феноменальной памятью, не замедлил удовлетворить просьбу старого знакомого. Вот это-то свидетельство и обнаружил костромской краевед в архиве.

Виталий ПАШИН

Первый военный парад

Первый военный парад войск Московского гарнизона состоялся 1 мая 1918 года в Москве, на Ходынке, по инициативе В. И. Ленина. Командовал парадом начальник Литовской дивизии И. И. Вацетис. Перед началом парада Владимир Ильич Ленин обошел войска и поздравил каждую часть, каждую военную школу с международным proletарским праздником.

Около тридцати тысяч красноармейцев и курсантов участвовали в первом параде. После парада начался воздушный праздник — первые советские авиаторы демонстрировали свое мастерство в небе.

Кинооператор П. К. Новицкий снял В. И. Ленина, Н. К. Крупскую и М. И. Ульянову, когда они в автомашине уезжали с Ходынского поля. Кадры эти хранятся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

Консервы с ромашкой

В Югославии выпущены первые партии мясных консервов, в которых привычные специи, вроде лаврового листа, заменены лекарственными травами (ромаш-

кой, боярышником и др.). Консервы с добавкой той или иной травы используются для приготовления пищи больным, а также детям.

Флот ДВНЦ

Дальневосточный научный центр в минувшем году снарядил более 40 морских экспедиций. Научный флот ДВНЦ пополнился тремя новыми судами — это «Гидронавт», «Кварц» и «Квант». Пятьсот исследователей работали в дальневосточных морях и на континентальном шельфе, на островах, атоллах и рифах Тихого и Индийского океанов. Суды научно-исследовательского флота ДВНЦ про-

шли в прошлом году более ста тысяч миль. Получены данные, имеющие большое практическое значение для промысла рыбы и морских животных, для развития судоходства и создания более точных карт, для добычи полезных ископаемых в море и решения проблем охраны природы.

В нынешнем году исследовательский флот проведет около 70 экспедиций.

Деревья семьи Ляпустиных

В селе Андреевке Бирского района растут плодоносящие кедры. Интересна история посадки этих могучих деревьев в степном крае.

В день своей женитьбы житель села Е. Ляпустин посадил на усадьбе горстку кедровых орехов. Появились четыре всхода, которые не погибли, а превратились в прекрасные деревья. Прошло 75 лет. Ке-

дры сейчас высотой до 15 м, а диаметр ствола доходит до полуметра. Ляпустин, всю жизнь ухаживавший за кедром, завещал дочери беречь деревья как семейную реликвию. К. Ляпустина выполнила заветы отца. По ее словам, кедры ежегодно дают «короба шишек» с полноценными орешками. Эти уникальные деревья объявлены памятником природы.

Они, как и кедровники Белорецкого лесничества в Башкирии, служат семенной базой для размножения кедра на Урале.

Е. КУЧЕРОВ

Нумизматический курьез

Полтора столетия чеканил деньги Екатеринбургский монетный двор. В 1840 году на Урал привезли штемпеля для чеканки монет с вензелем царя Николая I. То ли мастера позабыли, то ли один штемпель был с изъяном, но несколько десятков монет — полушек 1840 года — оказались бракованными.

На лицевой стороне полушки — аверсе — должен быть отчеканен только номинал, но кроме него здесь ясно виден и вензель царя, да еще и отчеканенный накос. На другой стороне монеты — реверсе — должен быть только вензель, а мастера набили здесь еще и достоинство.

Такие монеты-уродцы обычно уничтожались сразу. А уж если они попали в обращение, то становились раритетами.

На снимках: аверс и реверс полушки 1840 года.
Андрей ГОРБАТОВ

Обидели волка

Когда в присутствии Юрия Закладова кто-либо упоминает о волке, геологи не преминут с удовольствием продолжить разговор. Весело посматривая на Юрия, они начинают характеризовать хищника, как вечно обиженного, жалкого зверя.

...А дело было так. Ехал Закладов зимником по льду реки Олекмы. На базе полевой партии кончились продукты, но снежные заносы не позволили пробиться в поселок, и пришлось с полдороги возвращаться порожняком. В сумерках включили фары. Когда до конца пути осталось несколько километров, увидели вроде бы ползущего человека. Подъехав, увидели: волк переходит реку. Двигаться ему мешает ноша, которую он волокет по снегу. Срочно остановили автомашину, вооружились рукояткой, монтировкой. Расстояние между людьми и зверем быстро сокращалось. Геолог замахнулся, хищник бросил добычу и убежал. У берега осталась лежать кабарга. Ее решили привезти с собой как доказательство необычной встречи.

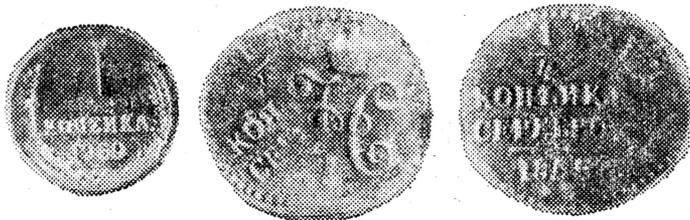
Волчья жертва оказалась вполне съедобной. Вскоре из кухни аппетитно запахло наваристым ужином. Спали геологи в ту ночь плохо — за окнами до утра жалобно выл обиженный волк...

Г. ЯШИН

Лечат пеленки

В одном из родильных домов Иванова впервые использованы бельё, пеленки, халаты, изготовленные из «противомикробной» ткани, разработанной в нашей стране. Эта ткань спо-

собна уничтожать любые злое вредные микроорганизмы, но, самое удивительное, сохраняет эту способность даже после многочисленных стирок лечебного белья.

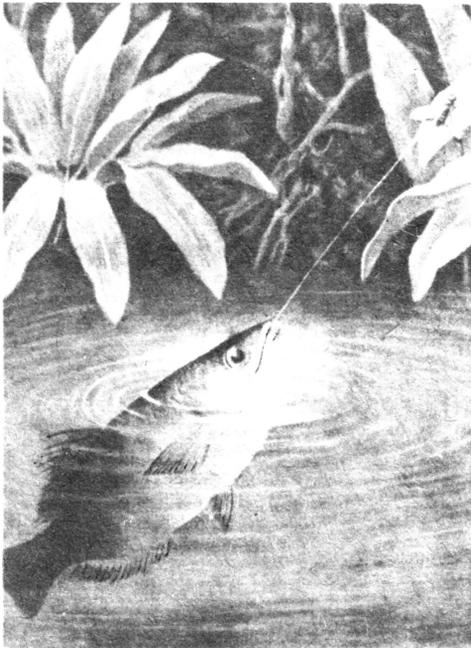
По белу свету...

Известный русский ученый антрополог и этнограф Александр Васильевич Елисеев в конце минувшего века объездил Европу, Ближний и Дальний Восток, Африку, Урал... В своем главном труде — четырехтомнике «По белу свету» А. В. Елисеев, в частности, подробно описывает пребывание в Чердынском крае.

С той поры, когда изучение антропологии Северного Прикамья проводилось впервые, минуло ровно сто лет. Но, несмотря на это, выводы А. В. Елисеева до сих пор остаются точными. С особым интересом мы воспринимаем такую образную характеристику:

«Подобно некоторым уголкам Обонежья, Чердынский край, верхняя Колва и Печора населены чистокровным русским населением, сохранившим не только свой славянский тип, но даже свой говор, обычаи и многие песни и предания старины. Высокий, коренастый, с красивым складом лица, мужественными чертами, серо-синими глазами и русою бородою, русский насельник Чердынского края во многих отношениях сходен с обонежанином, таким же потомком новгородской вольницы...»

Георгий ЧАГИН

Рыба-стрелок

Заметив на низко склонившемся над водой листе дерева насекомое, рыба выстреливает в него тонкой струей воды. Насекомое падает, и рыба съедает его.

Так добывает себе пищу анабас, обитающий в жарких странах. Рыба с водоструйным аппаратом высовывает из воды голову и даже вылезает на берег, войдя в охотничий азарт.

На снимке: анабас тропических стран.

Букет на бочке

Неизвестно, как долго путешествовал по морям и океанам этот оригинальный букет, пока однажды не был выброшен на берег тайфуном.

Бочку где-то облюбовали утки — маленькие животные из семейства беспозвоночных усконогих ракообразных. Своими известковыми пластинками, расположенными на раковинах, они, прикрепляясь друг к другу, образуют сооружения, похожие на вазу, пирамиду, кубок, отливающие перламутром под лучами солнца.

На снимке: букет морских уток на бочке.

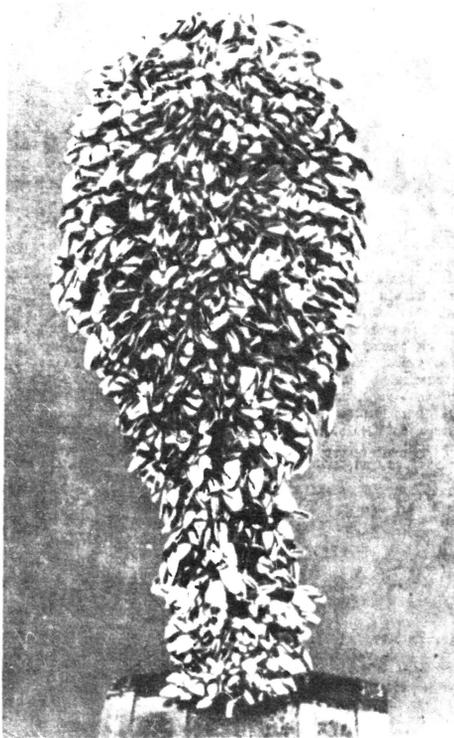

«Олимпийские вихри»

Златоустовские мастера гравюры на металле сделали оригинальное художественное панно «Олимпийские вихри». Оно утверждено Олимпийским комитетом. Его автору — Елене Игнатовой — присуждена бронзовая медаль ВДНХ СССР. Панно экспонировалось в Мексике на выставке «Советская молодежь вчера и сегодня», а также на международной выставке в Панаме.

**Петр ИЩЕНКО,
Евгений ИЩЕНКО**

Фото авторов

Защита Байкала

Бурятские биологи предложили генеральную схему защитных лесонасаждений в обширном бассейне озера Байкал — это лишь одна из научных работ исследователей Бурятского филиала СО АН СССР, принимающих участие в реализации программы «Сибирь».

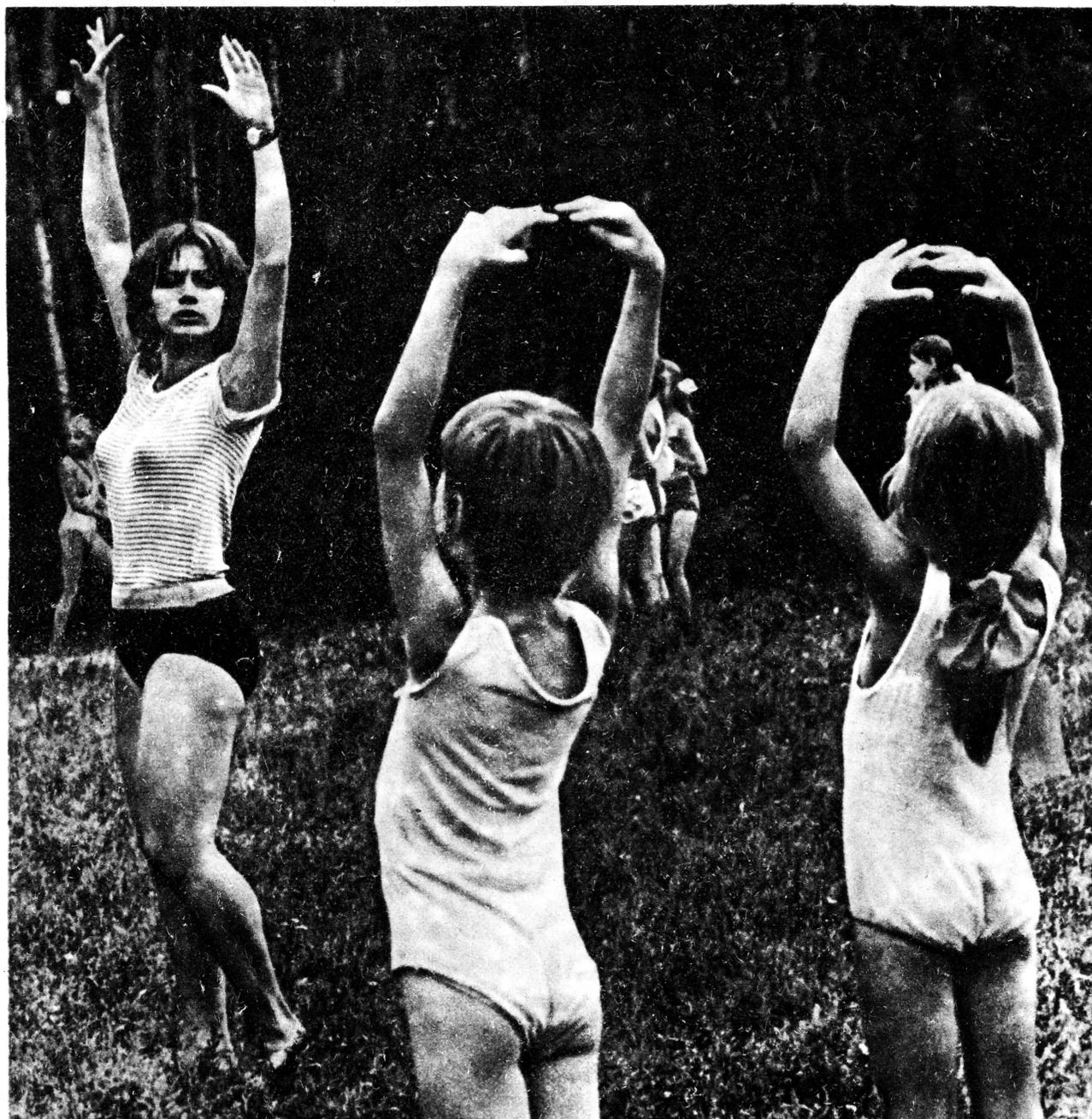
Небо над Олимпиадой

Есть ли какие-либо загрязняющие вещества в воздушном бассейне Москвы определял дистанционно, прямо с земли, световой

локатор — лидар, испытанный в преолимпийской столице. Томский институт оптики атмосферы Сибирского отделения АН СССР и конструкторское бюро научно-производственного объединения «Оптика» подготовили опытно-промышленную партию таких аэрозольных многоцелевых лидаров.

Кислородная подушка для бактерий

В грязных сточных водах даже самые устойчивые и нетребовательные микроорганизмы — сапрофиты — не могут нормально существовать. Специалисты польского металлургического завода в Новой Гуте, для того чтобы поддержать и активизировать жизнедеятельность бактерий в каналах и отстойниках, стали добавлять в сточные воды кислород. И бактерии, «отдыхавшие», включаются в работу по очистке воды, и даже губительная карболовая кислота становится им не страшна.

Борис КЛИПНИЦЕР (г. Челябинск).
НАСТАВНИЦА.

Не известно, как сложилась бы судьба молодого попа Попова Николая, если бы он однажды не купил телевизор и, включив его, не увидел бы захватывающий футбольный матч.

И судьба полукруглого отличника Шурика Мыш-

кина сложилась бы, наверное, иначе, не повстречай он в скверике, в минуту тягчайших раздумий о своей жизни, дядю Колю, то есть Попова Николая, уже снявшего с себя церковный сан, но не уяснившего многих правил футбольной игры...

ЮМОРИСТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТЬ ПЕРМСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА ДАВЫДЫЧЕВА

«ДЯДЯ КОЛЯ — ПОП ПОПОВ ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ БЕЗ ФУТБОЛА»

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ